

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум и межнациональная культура

№ 5 (59)

*Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки
России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук*

Москва
Этносоциум 2013

Содержание

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ.....6

А.В. Ореховский. Массовый героизм в Великой Отечественной войне многонационального советского народа как социально-нравственная ценность.....7

В.В. Шишков. Политологический анализ концептуальных основ национальной политики России в ракурсе исторического наследия.....14

В.В. Варсонофьев. Противоречивость политических механизмов в теории и практике формирования национальной идеологии Белого движения и Красной армии в период Гражданской войны.....20

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....29

Ю.А. Демьяненко. Территориальные и национальные особенности государственного устройства России: классификация субъектного состава.....30

Ю.В. Агапов. Идеалы и типы научной рациональности в культуре образования.....39

С.И. Крамченков. Социологический анализ современных проблем институционализации лоббизма в России.....46

Л.А. Смагина. Российский федерализм и местное самоуправление.....51

Ю.Ю. Пескова. Социологический анализ проблем реализации кадровой политики в государственном управлении.....56

И.В. Ефремова, В.В. Янускина. Этнофедеративные аспекты трудовых отношений в досоветской России.....62

Д.Р. Ахмедова. Деятельность руководителей по управлению персоналом государственной гражданской службы.....68

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....77

Т.А. Нигматуллина. Социально-политические особенности протестного поведения Российской молодёжи.....78

Л.Т. Алтынбаева. Преобразование конституционного законодательства в Российской Федерации.....84

МИР БЕЗ НАРКОТИКОВ.....	91
<i>М.Ш. Шабанов. Международный опыт по борьбе с наркоманией и распространением наркотиков.....</i>	<i>92</i>
ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	100
<i>И.Б. Байханов. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры.....</i>	<i>101</i>
<i>Г.Г. Гольдин, Л.О. Терновая. Законодательство о молодежи в контексте государственной молодежной политики.....</i>	<i>108</i>
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	115
<i>А.В. Багаева. Сумерки и рассветы идеи Европы.....</i>	<i>116</i>
<i>А.И. Василенко. Современные тенденции развития научно-технологического сотрудничества России и ЕС</i>	<i>123</i>
<i>М.Ф. Магадиев. Современные тенденции глобального управления и регулирования мировыми процессами.....</i>	<i>129</i>
<i>Салем Мухамед Хамшо. Технологии Нано-Арт как ресурс дизайн-проектирования.....</i>	<i>135</i>
<i>А.В. Шипилов. Религиозная толерантность: ислам и православие в Кыргызстане во второй половине XIX века.....</i>	<i>139</i>
<i>Е.А. Влосова. Хронотопические параметры мегаполиса как этапа культурно-исторической динамики урбанистической среды.....</i>	<i>146</i>
<i>В.А. Левина. Семантический способ терминообразования в американской банковской терминосистеме.....</i>	<i>157</i>
<i>М.А. Стадульская. Прагмалингвистические принципы англоязычного бренднейминга.....</i>	<i>163</i>
<i>Д.В. Сосновский. Современная крымская региональная идентичность: опыт и перспективы.....</i>	<i>169</i>
<i>Е.И. Рябова. Россия-Колумбия: проникновение культур.....</i>	<i>179</i>
АННОТАЦИИ.....	182
АВТОРЫ.....	188
ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭТНОСОЦИУМ».....	190

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА

Смирнов А. А., генерал-майор, кандидат исторических наук.

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ

Солонин Ю.Н., Первый заместитель Председателя Комитета по образованию и науке Совета Федерации Федерального собрания РФ, доктор философских наук, профессор.

Толкачев О.М., Советник Председателя Совета Федерации, доктор физико-математических наук, профессор.

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Михайлов В. А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Калинина К. В., доктор ист. наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Турчинов А. И., доктор социологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Декан факультета «Институт государственной службы и управления персоналом» РАНХ и ГС при Президенте РФ

Нечипоренко В. С., доктор исторических наук, профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Пономаренко Б. Т., заслуженный работник высшего образования, профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Иларионова Т. С., доктор философских наук, профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ, генеральный директор Института энергии знаний.

Игнатов И. С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Баграмов Э. А., доктор философских наук, академик РАЕН.

Бахарев В. В., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного университета.

Бормотова Т. М., ВНИИ МВД России, кандидат социологических наук.

Данакин Н. С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Дубровин Ю. Д., эксперт, доктор юридических наук, Государственный советник РФ 2 класса.

Никонов А. В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, МГУ имени М. В. Ломоносова.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Марков Б.В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философской антропологии факультета философии СПбГУ.

Хитарова И. Ю., доктор философских наук, ст. науч. сотрудник ГУК ГМП «Исаакиевский собор», член Санкт-Петербургского философского общества.

Туманян Т. Г., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Философского факультета СПбГУ.

* * *

Добров П.В., доктор исторических наук, профессор, академик.

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член С.І.О.Е.Е. — ЮНЕСКО.

Панаётис Цацинидис, кандидат исторических наук, университет Фессалоники, Греция.

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Лана Виллебранд, кандидат социологических наук, г. Стокгольм, Швеция.

Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ

А.В. Ореховский,

Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана,
кандидат философских наук,
доцент кафедры «Политология»,
заместитель декана по научной работе
факультета «Социальные и гуманитарные науки»

Массовый героизм в Великой Отечественной войне многонационального советского народа как социально-нравственная ценность

«Мы погибли бы, если бы не погибли»

Фемистокл

Победа в Великой Отечественной войне - это мощнейшее наследие Советского Союза. Победа была над самой могучей армией Европы, над абсолютно вселенским злом, которое утягивало человечество в адскую пропасть. Этот исторический период выступает для нашего народа тем конкретным социально-нравственным достоянием, которое не стареет, не утрачивает своего значения, не становится будничным.

Великая Отечественная война вызвала небывалый духовный подъем, огромный энтузиазм масс, личную заинтересованность населения в достижении победы над врагом. Общество и армия нуждались в консолидирующей государственно-патриотической идее, способной объединить слои населения в общей борьбе с фашизмом. Такой идеей буквально с первых дней войны стала общенациональная, традиционная для России, защитная по своему характеру идея борьбы с агрессором, выраженная еще в XIII веке Александром Невским: «Чужой земли нам не надо, но и своей земли мы ни пяди не отдадим. А кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет. На том стояла, и стоять будет земля русская». Примененная к конкретно-историческим условиям, эта идея трансформировалась в понятия «Родина-мать», «Священная война», «Отечественная война», воплотилась в лозунге-призыве «Смерть фашистским оккупантам!». « Наше дело правое. Мы победим!» Все это стало духовным стержнем массового сознания не только армии, но и многонациональной страны в целом.

Тяжелое время вызвало необходимость обращения военно-политического руководства страны к отечественной истории и культуре, восстановлению преемственных связей многовековой борьбы народов Руси и России за свою независимость, воспитанию на боевых традициях русской армии. В качестве примера приведем слова В. Сталина из его речи на Красной площади во время парада 7 ноября 1941 г. перед войсками, убывающими на фронт: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков

Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!». В последующем были учреждены полководческие ордена Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского, Нахимова и Ушакова.

Восстановлению преемственных связей с героическим прошлым России способствовало также введение в 1943 г новой формы одежды с золотыми погонами и покроем, напоминавшей форму дореволюционной русской армии. Данное решение никакой военной целесообразностью не диктовалось, да и для напряженной экономики было обременительно, но укреплению, возрождению исторической памяти, несомненно, способствовало.

Борьба добра со злом пронизывает всю военную историю нашего Отечества. Через нее и рассмотрим явление массового героизма в Великой Отечественной войне как социально-нравственную ценность в массовом сознании советского народа. В философском значении под социальными ценностями понимается отражение в сознании людей их социально-духовных отношений с окружающим миром, объединенных общим свойством способностью удовлетворять разнообразные интересы и потребности людей, социальных групп, этносов, конфессий и общества в целом.

Социально-нравственные ценности, к которым относится и Победа, функционируют в системе исторически определенных общественных отношений и выражают эти отношения [1, с. 278]. Их действие проявляется также в военной действительности, в войнах различных эпох и в Великой Отечественной войне, в частности.

Ценностные отношения по-своему определяют жизнь общества, задают определенную программу образа жизни людей. Социально-нравственные ценности реализуются, утверждаются и воспроизводятся в обществе благодаря активной деятельности людей.

Функционирующие в обществе социально-нравственные ценности, выступают в трех видах: а) ценности-нормы; б) ценности-цели; в) ценности-качества.

Моральные ценности-нормы представляют собой сложившиеся в массовом сознании правила и рекомендации поведения, общения и деятельности. Известно, что моральная норма является защитительным или разрушительным требованием общества к социальному субъекту, индивиду. Она возникает вследствие объективной потребности общества. Это то, что, по мнению общества или его части, должно быть. Норма является и формой превращения должного в сущее.

Итак, социально-нравственные нормы, во-первых, выражают знания и оценки о должном, которыми обязан располагать носитель Победы. Во-вторых, они предопределяют и способы (формы) превращения должного в реальное. Например, победа СССР над фашистской Германией позволила восстановить права и порядки в Европе. А Пакт о безоговорочной капитуляции Германии, документы, подписанные в феврале 1945г. на Ялтинской конференции, в июле того же года в Потсдаме представителями Англии, СССР, США, призваны были обеспечить возвращение Европы к исходным границам и обеспечить мирное сосуществование государств, а также принять меры по недопущению возникновения источника агрессии, каким в двух мировых войнах стала Германия.

Моральные ценности цели - это общественные нравственные идеалы. Объект Победы (государство и его население, международная общественность) смотрит на деятельность субъекта Победы через призму своего нравственного или общественного идеала, коренящегося в определенном образе свободы выдвинутого действительностью. Если обнаруживается адекватность носителя и идеала, то происходит усиление авторитета победителя, если же возникает антиномия, расхождение между ними, происходит переоценка победителя. В Великой Отечественной войне русские, украинцы, белорусы и другие народы Советского Союза, веря своей армии, активно помогали ей. При приближении фашистов крестьяне в селах угоняли скот, население городов и посёлков выводили из строя предприятия, мосты и т.д., уходили в леса, формировали партизанские отряды, создавали народное ополчение.

Моральные ценности качества - это элементы массового сознания и активности носителя Победы, представляющие его образ. Субъект (носитель) Победы (люди входящие в его состав) призван обладать нравственными и социальными достоинствами, высокими гуманными качествами, а воины воинской честью повышенной ответственностью за выполнение своей освободительной миссии по защите Отечества.

Особое значение имеет такое социально-моральное качество победителей, как патриотизм многонационального советского народа. Патриотизм - сознательная и предметная деятельная любовь к Отечеству в интересах его улучшения и защиты; готовность к любым жертвам и подвигам во имя Родины.

История Великой Отечественной войны полна примеров массового героизма советских воинов - сынов и дочерей разных народов, плечом к плечу сражавшихся с фашизмом, заслонивших собой Отчизну. Такое самопожертвование до сих пор остается неразгаданным феноменом для многих историков и политиков Старого и Нового Света. Массовый героизм многонационального народа был ответной мерой воздействия на вероломного врага, который имел чудовищные намерения. В памятке гитлеровского командования своим солдатам указывалось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик – убивай». Над страной нависла смертельная опасность.

Символом воинской доблести и патриотизма стали подвиги героев-панфиловцев, молодогвардейцев Краснодона, защитников легендарного Бреста и городов-героев Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Севастополя, Киева, Керчи, Новороссийска.

Брестская крепость стала символом нестигаемого духа советского народа, памятником не только мужеству, но и дружбе, единству и сплоченности советских людей в защите своей социалистической многонациональной Родины.

По подсчетам работников музея крепости-героя, сыны и дочери более 30 национальностей приняли на себя те бои. Около 3,5 тысячи бойцов держали более месяца в крепости оборону. Волю и чувства гарнизона хорошо передают прощальные, выцарапанные холодеющими руками бойца слова: «Я умираю,

но не сдаюсь. Прощай, Родина! 20.7.41 г.»[2, с. 213]. Гаврилов Петр Михайлович, майор, татарин, Герой Советского Союза, один из немногих оставшихся в живых защитников крепости, начальник героического гарнизона, вспоминает: «Когда я говорю о своих боевых друзьях, когда я вижу широко распахнутые детские глаза, мне хочется рассказать всю правду подвига армянина рядового Ашота Бабаларяна, грузина рядового Вано Зедгенидзе, русского капитана Ивана Зубачева, дагестанца рядового Хасана Салереева, еврея полкового комиссара Ефима Фомина, азербайджанца Абдулла Оглы. Они, обыкновенные, сумели стать великими духом богатырями. Родина как мать и как солнце была для них одна»[2, с. 215].

Западным фронтом, прикрывшим Москву, командовал сын крестьянкой семьи из деревни Стрелковки Калужской области генерал армии Г.К. Жуков. За столицу сражались батальоны, полки, дивизии, корпуса, армии, которыми командовали русский Говоров, поляк Рокоссовский, украинец Лелюченко, белорус Доватор, осетин Плиев, азербайджанец Асланов, латыш Паэгле, армянин Мартиросян, туркмен Гельдыев и многие другие замечательные сыны разных народов.

16 ноября ежегодно в стране вспоминают подвиг 28 героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково, что на Волоколамском шоссе. Они выиграли схватку с армией танков, уничтожив большую их часть и заставив остальных повернуть вспять. Среди 28 героев были не только представители разных народов, но и различных социальных групп и множества профессий: тракторист, сапожник, счетовод, продавец, грузчик, артист цирка, кузнец; люди с высшим образованием и малограмотные, отцы семейств и молодежь, не успевшая выбрать невест. Суровое и славное прошлое было у каждого, и было что защищать всем. Подвиг 28 героев во главе с храбрым сыном русского народа политруком Василием Клочковым воистину бессмертен. Когда началась танковая атака Клочков, взглянув на своих красноармейцев, спокойно и решительно сказал: «Друзья, придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва».

Подвиг панфиловцев неподвластен времени. От сердца к сердцу обошел он миллионы людей. Герои навеки с нами, они - наша общая слава. Хранитель ее - народ.

В марте 1942 года Муса Джалиль, народный поэт Татарии, на фронте, с болью и горечью пишет об оккупированной Украине, залитой кровью. Он говорит о своей лютой ненависти к фашизму, который дерзнул осквернить священную могилу великого Тараса Шевченко, и о том чувстве братства и солидарности, которое не позволит оставить Украину в беде:

Ничем наших сил не измерить,

Коль в дружбе народы живут.

Волнующие примеры верности Родине, героизма, дружбы народов СССР хранит история Сталинградской битвы. 18 августа 1942 года белорус Покальчук и украинец Гутченко закрыли своими телами амбразуру вражеского дота... Якут Протодяконов расстрелял три немецких танка... 38-я стрелковая дивизия Героя Советского Союза Сафиуллина, сформированная из казахов, взяла в плен 8 тысяч немецких солдат, уничтожила 38 танков, 18 самоходных орудий. Их тысячи, таких подвигов...

Вечная память о подвиге украинского комсомольца Михаила Паникахи. Его, вспоминает генерал В.И. Чуйков, называли сталинградским Данко. На рубеж, который защищал он со своими товарищами, устремились фашистские танки. Один из них прорвался к нашим окопам. Паникаха замахнулся на него бутылкой с зажигательной смесью. Но в это мгновение пуля разбила бутылку, и пламя охватило красноармейца. Словно пылающий факел, бросился он на вражескую машину, разбил о ее люк вторую бутылку, и пламя поглотило танк вместе с отважным воином[2, с. 66].

Воззвание Сталинградского городского комитета обороны гласило: «Встанем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью».

Так и поступили сталинградцы. Доказательство тому один из обычных сталинградских домов на площади В. И. Ленина, ставший известным всему миру как символ бесстрашия, интернационализма, нерушимости военного братства - Дом Павлова. Вряд ли найдется в нашей стране человек, который не знал бы о нем. В небольшой группе бойцов, державших здесь оборону в течение 58 дней, были представители многих республик. Сержант Яков Павлов говорил:

- Разве взять наш дом фашистам? Ведь его защищает весь Советский Союз [3, с.285].

Итоги Сталинградской битвы, которая продолжалась 200 дней и ночей, имели для Германии и ее союзников катастрофические последствия. Это был коренной перелом в войне. Президент США Ф.Рузвельт назвал Сталинградскую битву эпической. Позднее он прислал грамоту следующего содержания: «От имени народа США я вручаю эту грамоту Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность, которых будет вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии». Король Великобритании прислал Сталинграду дарственный меч, на клинке которого на русском и английских языках выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа». Слово «Сталинград» передавалось из уст в уста как пароль сопротивления, пароль победы.

Великая Победа, несомненно, была достигнута единством армии и народа. И в этом контексте, как представляется, необходимо обратиться к роли Коммунистической партии, комсомола, а также пионерской организации, внесших весомый вклад в разгром фашизма. Традиционно утверждалось, что победа в Великой Отечественной явилась триумфом коммунистической идеологии, выражением неодолимости марксистско-ленинских положений и установок, что именно этими факторами определялся исключительно высокий уровень политико-морального состояния населения и Вооруженных Сил страны.

Партия и ее представители в войсках действительно много сделали для победы (отрицать это, значило бы покривить исторической правдой), им действительно удалось обеспечить единство организационной и

идеологической работы. Но это единство достигнуто было не только за счет классовой (марксистско-ленинской) пропаганды, а во многом благодаря внедрению в сознание всех граждан простых и ясных государственных патриотических установок, за счет обращения к традиционному патриотизму русского народа, его общинному характеру, врожденному чувству справедливости, самопожертвования и т. п. Но все же необходимо подчеркнуть, что ВКП(б) все годы военного лихолетья находилась в авангарде воюющего народа, 80% ее членов состояли в рядах действующей армии, партизанских отрядах или вели подпольную борьбу в тылу врага. Только на Украине было создано 9, а в Белоруссии 10 обкомов партии для ведения подрывной работы на оккупированных фашистами территориях. Своё пребывание в рядах партии каждый коммунист рассматривал как право и обязанность первым идти в бой за Родину. Это были честные, искренне верящие в победу люди, и более 3 млн. из них (50%) пали в боях или погибли в гестаповских застенках и концлагерях фашистской Германии [5, с.117].

Война принесла суровые испытания для комсомольских организаций. С первых дней боевых действий была организована мобилизация молодёжи на борьбу с врагом. Были сформированы мобильные комсомольско – молодёжные группы по борьбе с фашистскими парашютистами и диверсантами, курсы подготовки медсестер для армии, созданы краткосрочные курсы по подготовке кадров для диверсионной работы в тылу врага. Комсомольцы показали примеры героизма. Имена молодогвардейцев Краснодона, О. Кошевого, С. Тюленина, Л. Шевцовой, а также подвиги Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Машук Маметовой, Марии Мельникайте и многих других будут вечно служить примером беззаветной преданности родному народу. Подвиг Александра Матросова, закрывшего своим телом амбразуру дзота, стал героической легендой. Этот подвиг за годы войны был совершён 263 раза; среди героев русские, украинцы, казахи, узбеки, киргизы, башкиры и многое другие сыны нашей многонациональной Родины. Комсомольский билет был символом храбрости, как священные реликвии хранятся сейчас обгаренные кровью защитников Сталинграда комсомольские билеты, найденные на поле боя. Большой вклад в достижении победы внесли комсомольцы на трудовом фронте. В тылу на многих заводах и фабриках молодежь составляла 60 – 70% рабочих. К 1944г на производстве было занято 2,5 млн. юношей и девушек «работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт» с такой инициативой выступил 3 июля 1941г горьковский комсомолец Ф. Букин [4, с.219].

Беспримерный героизм, мужество и стойкость проявили тысячи пионеров, сражаясь в отрядах народных мстителей и подпольных комсомольских организациях. Многие из них не пощадили ради победы своей жизни. Четверым пионерам – юным партизанам присвоено звание Героя Советского Союза: Зине Партновой, Лёне Голикову, Марату Казею, Вале Котику. Пионеры оказывали огромную помощь в тылу – пропалывали посевы, убирали урожай, собирали удобрение, косили сено, пасли колхозный скот, заготавливали дрова, собирали металлолом, очищали от снега железнодорожные пути, оказывали помощь в госпиталях, а так же заготавливали полезные дикорастущие растения. Так, за годы войны пионеры заготовили 180 тыс. тонн лекарственных трав [4, с. 310].

Партия и правительство, несмотря на огромные расходы, на нужды фронта уделяли большое внимание образованию и воспитанию подрастающего поколения. За 1941 – 1945 в стране было построено и введено 8412 школ, на 1177тыс. ученических мест. Уже в 1943г в стране работало 700 интернатов для детей, оставшихся без родителей, а также эвакуированных. Всемерно развивалось патриотическое движение за усыновление осиротевших детей. В системе ФЗУ, трудовых резервов было подготовлено 2475тыс. квалифицированных рабочих. В разгар Великой Отечественной Войны, осенью 1943г., была создана Академия педагогических наук. Первым президентом академии был избран нарком просвещения РСФСР академик В.П. Потемкин.

Победа далась нам невероятно дорогой ценой: 27 млн. своих граждан потеряла наша страна в годы Великой Отечественной войны. Такой безмерной цены за свою свободу и независимость не платил ни один народ в истории. Это смог вынести только советский многонациональный народ благодаря огромному потенциалу социально-политической, военной, демографической, генетической и духовной прочности.

Актуализация Великой Победы как социально – нравственной ценности, несомненно, будет способствовать укреплению духовных основ армии и флота, развитию духовности молодых россиян. Ценности Победы, будучи объективными, изменяются в соответствии с происходящими в обществе процессами. Представления о них могут подвергаться изменениям как позитивного, так и негативного характера под воздействием различных факторов. Ценности освобождения оказывают большое влияние на осознание массами целей и характера войны, влияют на моральный дух народа и армии. Если мы сумеем сохранить в обществе понимание святости Великой Победы, значит, еще не все потеряно. Значит, мы способны противостоять тем, кто жаждет лишить нас духовного стержня. И сможем наверняка преодолеть все имеющиеся современные трудности, если твердо станем на ясные патриотические позиции, на которых стояли солдаты Великой Отечественной войны, на которых всегда стояла и стоит российская армия, многонациональный российский народ.

Литература:

1. Кузнецов В.Н. Идеология: Социологический аспект. Учебник/Ин-т соц.-политических исследований РАН. Социологический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова.- М.: Книга и бизнес, 2005.
2. Смирнов А.Ф. Несокрушимое единство: Советский народ в годы Великой Отечественной войны.- Молодая гвардия, 1982.
3. Степанов А.С. Безумство храбрых: о молодежи 1917 – 1991 годов.- М.: Алгоритм, 2008.
4. История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. Под ред. В.А. Сулемова.- М.: Просвещение, 1978.
5. Смысл Великой Победы/Под общей ред. В.Н. Кузнецова.- М.: Книга и бизнес, 2010.
6. Итоги Второй мировой. Покушение на Великую Победу.-М.: Алгоритм, 2005.-С.6.

В.В. Шишков,

*кандидат политических наук, доцент кафедры
государственной службы и кадровой политики Института государственной
службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Политологический анализ концептуальных основ национальной политики России в ракурсе исторического наследия

Реализация национальной политики и построение федеративных отношений в России связано с трудностями политической организации страны, на территории которой проживают представители 193 национальностей. Современная Россия проявила способность к общественной консолидации, что придает формирующейся российской гражданской действительности репродуктивный характер, определяет ее способность сдерживать и преодолеть конфликты этнополитических идентичностей. Межнациональные отношения остаются в центре внимания российской политической власти, данная проблематика, во многом унаследованная Россией от государств-предшественников (Российской империи и СССР) сохраняет свою актуальность для отечественной государственности, сочетающей в своей федеративной организации территориальный и национальный признаки

В данной статье не представляется возможным рассмотреть «национальный вопрос» во всем сплетении сложных проблем межэтнического, а также межконфессионального взаимодействия в современной России. Анализ фокусируется на мониторинге официальной позиции центральной власти, что позволит определить видение принципов, целей и приоритетов национальной политики.

Поиск новых основ национальной политики выступает одним из приоритетов центральной власти в России. С 1990-гг. эта проблема, напрямую связанная с сохранением государственной целостности, требовала своего концептуального оформления.

В 1996 г. Указом Президента была утверждена «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации» (далее Концепция 1996 г.)¹. В данном документе, а также принятом наряду с ним Федеральном законе «О национально-культурной автономии»² впервые была предпринята попытка обозначить официальное видение национальной политики.

Концепция 1996 г. определяла на основе конституционных принципов основные цели и задачи государственной национальной политики. Определяя ситуацию в сфере национальных отношений, Концепция 1996 г. указывает на то, что большинство народов России являются ее коренными народами и в наступившем после распада СССР новом этапе развития

1. Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 N 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации», 17.06.1996, N 25, ст. 3010.

2. Федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // «Собрание законодательства Российской Федерации», 17.06.1996, N 25, ст. 2965.

государства необходимо достичь «гармоничного сочетания самостоятельности субъектов Российской Федерации и целостности Российского государства» в условиях, когда «социально-экономические и политические трудности переходного периода обусловили ряд кризисных ситуаций и сложных проблем в области межнациональных отношений». Концепция 1996 г. выступала в качестве попытки представить новые официальные политические ориентиры в переходный период развития Российской государственности, связанные с установлением федерализма и свободы национально-культурной автономии (закрепленной с 1996 г. законодательно).

По мнению Н.В. Михайловой, нормативные правовые акты 1996 г. «внесли вклад в процесс трансформации РСФСР в подлинно демократическое государство», но все же, Концепция 1996 г. к началу второго десятилетия XXI в. устарела и не дает ответы на вызовы современности с учетом преемственности уже накопленного опыта имперской и Советской России³.

В конце 2012 г. на смену Концепции 1996 г. была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее Стратегия)⁴. Стратегия призвана стать руководством при решении новых задач и определении приоритетных направлений в сфере государственной национальной политики Российской Федерации.

Стратегия, в отличие от Концепции 1996 г., исходит из того, что «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код». Таким образом, официальная позиция российского высшего политического руководства близка к признанию России в качестве «государства-цивилизации»⁵.

В этой связи закономерным выглядит то, что в Стратегии на первое место среди принципов государственной национальной политики выходит «государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации, единство системы государственной власти». В отличие от Концепции 1996 г., в которой первое место занимало «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям».

Хотя в Стратегии указывается, что она основывается на принципах построения демократического федеративного государства, в ней не достаточно рассматриваются направления государственной политики, обеспечивающие дальнейшее развитие российского федерализма с учетом этнической специфики России, что также отличает документ 2012 г. от Концепции 1996 г., в ко-

3. Михайлова Н.В. Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России. Автореферат. докт. полит. наук. М. 2012. С. 4, 42.

4. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства Российской Федерации», 24.12.2012, N 52, ст. 7477.

5. Михайлова Н.В. Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России. Автореферат. докт. полит. наук. М. 2012. С. 18.

торой неоднократно говорится о развитии федерализма и федеративных отношений, что обеспечивающих «равенство всех национальных общностей».

Также можно сказать, что в Стратегии вопросы организации и деятельности национально-культурных автономий уходят на второй план и рассматриваются в качестве инструмента сглаживания межэтнических противоречий, в том числе в связи с увеличением количества мигрантов, и необходимостью их социальной и культурной адаптации, что, конечно же верно на современном этапе.

В целом, сравнительный анализ документов 1996 и 2012 г. показывает, что государственная политика в сфере национальных отношений все больше ориентирована на обеспечение безопасности и территориальной целостности государства, снижение рисков обострения межэтнических противоречий и связанных с ними проявлений национализма, экстремизма, терроризма, через использование «многовекового политико-правового» опыта российской государственности, т.е. традиционных механизмов взаимоотношений центра и периферий. В меньшей степени в ней уделяется внимание вопросам национального самоопределения (например: в Стратегии говорится о недопустимости создания политических партий по признаку национальной принадлежности). С 1996 г. высшая политическая власть России стоит на позиции, что «своеобразие российского федерализма состоит в сочетании территориального и национального начал» (Концепция 1996 г)

По сути дела, это можно понимать как то, что центр последовательно отказывается от переформатирования национально-территориального ландшафта, и считает возможным сохранение Федерации в существующем национально-административном виде.

Стратегия сосредоточена на проведении политики отвечающей принципу цивилизационной самодостаточности.

Как отмечает Я.А. Пляйс в отличие от «Концепции государственной национальной политики», утвержденной указом Б.Н. Ельцина в 1996 г., которая была фрагментарной, современный подход основан на иной национальной доктрине государственного строительства.

В осуществлении национальной политики политическое руководство России не стремится повторять эксперименты с национальным самоопределением, проводимые СССР в 1920-30-е гг. Политика центра направлена на формирование гражданской идентичности с учетом полиэтничности и культурного многообразия. В формировании «русской нации» можно видеть преемственность от культивируемой в Советском Союзе новой общности – «советского народа». В укреплении гражданского единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений и этнокультурном развитии – в этих приоритетах национальной политики нельзя не видеть тренд российской политики последних лет, направленный на стабилизацию и снижение рисков социально-политической конфликтности⁶.

В Советском Союзе границы между составляющими его субъектами были определены с учетом ареала проживания основных этнических групп. Это, в частности, означало, что с «коллапсом коммунистических партий, которые осуществляли основные связи между центром и периферией, им была уже готова альтернатива в лице национализма, в основе которого лежа-

ло требование этнической гегемонии в рамках исторической территории, то есть той территории, которая была им обозначена в рамках советского государства»⁷. В России «национальные субъекты» продолжают занимать привилегированное положение, даже утрачивая в современных условиях политическую самостоятельность. Такое положение все более соответствует модели унитарного государства с автономиями, выступающей основной исторической формой российского государственности⁸. В развитии которой, по мнению В.Н. Лысенко, боролись две тенденции: самодержавная, реализующая централизаторское направление политики, и общинная, стремящаяся к децентрализации. Традиционно превалировала первая, которая вновь задает тон в российской политической жизни⁹.

Представляется, что в условиях российского федерализма политика последнего направлена некую сглаженность политического самоопределения «гармонизацией межэтнических отношений и этнокультурным развитием». Подавление национализма, его неизбежных политических проявлений, выглядит обоснованной стратегией центра по удержанию государственной территории в правовом поле. Ведь без единой национально-государственной идентичности любую мировую державу, допускающую условия для формирования различных версий этнонационализма, этнических, региональных и иных идентичностей, может постигнуть судьба СССР¹⁰.

Общественные отношения в пределах России отличаются социальной, экономической и культурной многоукладностью до такой степени, что центр вынужден вводить режимы специального политического управления социально-экономическим развитием (Дальний Восток) или, более того, непосредственно регулировать процессы политико-культурной адаптации к современным политическим процессам, с учетом этнической и религиозной специфики (Северный Кавказ)¹¹. В долгосрочной перспективе сдерживание национализма в условиях демократического транзита и модернизации практически невозможно¹². Реальная модернизация закономерно обуславливает стремление к эгалитаризму, в первую очередь национальному, что в условиях Российской Федерации может привести к обострению сепаратистских тенденций. Наоборот моноцентричный режим власти, как представляется, способен, сдерживая центробежные тенденции, создать предпосылки для общегражданской консолидации (если возможна смена подданнической модели поведения культурой участия,

7. Грибанова Г.И. Роль федерализма в разрешении этнополитических конфликтов // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 158.

8. Замышляев Д.Е. **Национальный фактор в государственном устройстве российской федерации.** Автореф. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004 С. 8.

9. См. Лысенко В.Н. *Развитие федеративных отношений в современной России.* М.: ИСП, 1995. 220 с.

10. Гаджиев К. Ниционализм в роли идеологии // Власть. 2012. №11. С. 4 – 8. С. 8.

11. **Указ Президента Российской Федерации от 21.05.2012 N 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»** // *Собрание законодательства РФ*, 28.05.2012, N 22, ст. 2754.

12. В современной политической мысли получила признание позиция, согласно которой утверждается генетическая связь между национализмом и демократией (А. Липхарт, Д. Миллер, У. Кимлика). В соответствии с этой концепцией «становление демократии неизбежно влекло за собой рост националистических настроений» (Чумак О.А. Национализм и демократия: взгляд современных теорий // Сравнительные политические исследования России и зарубежных стран. М.: РОССПЭН, 2008. С. 144 – 150. С. 145).

необходимой для развития федералистской политической культуры¹³ и нации граждан), и, что не маловажно, соответствует традиционным представлениям о власти в системе патримониальных политических ценностей, ведущих свою историю со времен Советского Союза и Российской империи, если не раньше.

В завершение статьи следует сказать, что многоэтничность – одна из важнейших характеристик современной России.

Несмотря на административно-политические усилия со стороны центра, направленные на формирование гражданской нации, этот процесс, протекающий в сложных условиях, далек от завершения. Основная проблема видится в аксиологическом кризисе, поиске новых ценностных оснований консолидации российской политической нации.

Литература

1. Басаргин В.Ф. Выступление // Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения Российской Федерации в 2011 году. Под редакцией А.В. Журавского. В 2-х тт. Том I. М.: Изд-во ООО «Печатный дом «РУС-КОР» 2011. 197 с. С. 8 – 10.
2. Гаджиев К. Ниционализм в роли идеологии // Власть. 2012. №11. С. 4 – 8.
3. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения Российской Федерации в 2011 году. / Под редакцией А.В. Журавского. В 2-х тт. Том I. М.: Изд-во ООО «Печатный дом «РУС-КОР» 2011. 197 с.
4. Грибанова Г.И. Роль федерализма в разрешении этнополитических конфликтов // Современный федерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 158 – 160.
5. Доршуков С.В. Тенденции развития федеративных отношений в политической культуре России (на примере республики Карелия) // Политические процессы в России и в мире: Взгляд молодых политологов. / Редкол.: К.П. Кокарев (отв. ред.) М.В. Старчак и др. М.: РАНП; РОССПЭН, 2009. С. 149 – 158.
6. Замышляев Д.Е. Национальный фактор в государственном устройстве российской федерации. Автореф. канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2004 25 с. С. 8.
7. Лысенко В.Н. Развитие федеративных отношений в современной России. М.: ИСП, 1995. 220 с.
8. Михайлова Н.В. Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России. Автореферат. докт. полит. наук. М. 2012. 48 с.
9. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН, 2009. 448 с.
10. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Электронный ресурс. [URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>] (Время доступа 21.20.2013.) .

13. Доршуков С.В. тенденции развития федеративных отношений в политической культуре России (на примере республики Карелия) Политические процессы в России и в мире: Взгляд молодых политологов. / Редкол.: К.П. Кокарев (отв. ред.) М.В. Старчак и др. М.: РАНП; РОССПЭН, 2009. С. 149 – 158. С. 155.

11. Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 N 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, N 25, ст. 3010.
12. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.12.2012, N 52, ст. 7477.
13. Указ Президента Российской Федерации от 21.05.2012 N 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.05.2012, N 22, ст. 2754.
14. Федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, N 25, ст. 2965.
15. Чумак О.А. Национализм и демократия: взгляд современных теорий // Сравнительные политические исследования России и зарубежных стран. М.: РОССПЭН, 2008. С. 144 – 150.
16. Burgess M. Between a Rock and a Hard Place: The Russian Federation in Comparative Perspective // Ross C., Campbell A. (Eds.). Federalism and Local Politics in Russia. Abingdon: Routledge, 2009. P. 25–53.

В.В. Варсонофьев,

*кандидат политических наук, докторант
РАНХиГС при Президенте РФ, полковник*

Теория и методология формирования национальной идеологии русской армии начала XX века

Осмысление кризиса национальной идеологии в русской армии особо проявилось после поражения в русско-японской войне 1904-1905гг. Переосмыслению подверглись ряд механизмов формирования национальной идеологии.

1. Национально-психологические особенности воевавших сторон: солдат, национальной элиты, общества.

Клеман де Грандпре отметил, что под Порт-Артуром встретились два совершенно разных по своему складу и характеру противника: русский солдат представляет собой отличный сырой материал, так как он близок к природе, не знает роскоши и исполняет с удивительной покорностью самые опасные поручения. Сила русского солдата удваивается, когда он имеет хороших начальников¹.

Он сформулировал национально-психологические особенности японца: формалист, чрезвычайно вежлив, подозрителен, удивительно способен к шпионству, обладает чрезмерной ловкостью рук, пылкий патриот, солдат в душе. Японский народ управляется, вопреки парламентскому режиму, военной кастой, и которая, при посредстве школы и общеобязательной подготовки, распространила в народе правила рыцарской чести.

Действительно, объявление войны пробудило в Японии единомышленный энтузиазм. Вся политическая борьба была отложена. Вся нация звучала в унисон со всей армией. Большим семейным праздником в Японии являлось отправление одного из членов семьи в армию. В противоположность пораженческим тенденциям, развивавшимся в России, в Японии все население приветствовало при каждом случае военных и поддерживало культ павших в бою. Солдат, не выполнивший до конца свой военный долг, не нашел бы на родине возможности продолжать свое существование. Все это представляло прекрасные предпосылки для создания хорошей, боеспособной армии.

В России, наоборот, к войне отнеслись индифферентно, и она не возбуждала чувств патриотизма. Цель войны была слишком удалена от народов. К тому же, русские относились с презрением к японцам, силы которых не знали. Армия была в полном пренебрежении².

1. Клеман де Грандпре. Падение Порт-Артура Пер. с фр. генерального штаба полковника Хвостова. - СПб.: Березовский, 1908. - С.118-123.

2. Клеман де Грандпре. Падение Порт-Артура Пер. с фр. генерального штаба полковника Хвостова. - СПб.: Березовский, 1908. - С.118-123.

2. Разноплеменность русской армии.

Утверждалось, что разноплеменность, разноречивость, разность веры не могли не сказаться на сплоченности войск, т.к. исчезает понимание своих сил, доверие к ним, та родственность, которая дает дружинный дух³. По мнению публициста М.О. Меншикова, для отражения японской армии... выставили войска худшие, какие были, и притом чуть не на треть составленные из инородцев. В некоторых полках число офицеров-поляков доходило до 35%, врачей-евреев – до 50%, не говоря о нижних чинах. Он полагает, что в категорию неспособных к войне должны зачисляться и враждебные России инородцы.

Отстаивать державное могущество страны может только то племя, которое тысячу лет строило его и для которого это здание священо. Одна треть инородцев делает нашу армию качественно хуже на 33 процента. ... Будем брать с плохо защищенных инородцев двойное, тройное количество золота за нашу кровь, но остережемся допустить к защите России скрытых врагов ее. Когда господа инородцы сольются с нами – другое дело, но теперь при теперешнем настроении воспаленных национализмом маленьких племен напускать их в армию – опаснейшая ошибка.

В отношении национально-психологических особенностей русской нации он пишет: «Как племя миролюбивое, русские сысконии любят оборонительную войну: Козельск, Псков, Смоленск, Троицкая Лавра, Севастополь – наши подвиги войны были почти сплошь оборонительными, как и самые великие из войн»⁴.

В целом национальная идеология в армии этого периода придерживалась определения: «Только та оборона страны может быть признаваема лучшей и надежнейшей, которая пользуется всеми условиями, природою и народным бытом предоставляемыми»⁵. Система защиты России должна иметь национальный характер; представлять собой продукт собственного национального творчества; наилучшим образом соответствовать нуждам и средствам переживаемой эпохи, потребностям государства, его природным и народным особенностям; «быть плоть от плоти, кровь от крови наших местных, бытовых условий».

Национальный дух М.И. Драгомирова и антипатриотизм Л.Н. Толстого также сошлись в поединке в содержании национальной идеологии в армии.

Генерал М.И. Драгомиров полагал: кодекс чести, верно отражающий национальный дух, национальное достоинство, верный национальным понятиям чести – это тот инструмент, благодаря которому можно и нужно укреплять нравственную энергию военнотружущих, столь необходимую для победы над врагом.

Л.Н. Толстой же констатировал: «свергнуть с себя постыдное и безбожное звание солдата и быть готовым перенести все страдания, которые будут налагать на тебя за это»⁶. В «Письме к фельдфебелю» он утверждал, что

3. Меншиков М.О. Из писем к ближним. - М. 1991. - С. 70.

4. Там же. С. 205.

5. См.: Бланк Г. Об отношении военной реформы к экономическому быту России. - М., 1871.

6. Толстой Л.Н. Солдатская памятка. - СПб., 1906. - С.6-7.

армия нужна не народу, а правительству и всем тем лицам высших сословий, примыкающим к правительству, чтобы иметь средство для властвования над рабочим народом, а защита от внешних врагов – только отговорка⁷. Его статья «Патриотизм или мир?» утверждала: «...Надо понимать, что до тех пор, пока мы будем восхвалять патриотизм и воспитывать его в молодых поколениях, у нас будут вооружения, губящие и физическую и духовную жизнь народов, будут и войны, ужасные, страшные войны...»⁸.

Кодекс офицерской чести М.И. Драгомирова: патриотизм – честное и самоотверженное служение интересам отечества, преклонение перед отечественными героями, национальными воинскими добродетелями, исключаящими какое бы то ни было умаление достоинств русского человека, пренебрежение отечественными воинскими традициями, уроками национальной истории⁹.

Л.Н. Толстой признает национальную психологию: «Капитан Тросенко был старый кавказец в полном значении этого слова, то есть человек, для которого рота, которую он командовал, сделалась семейством, крепость, где был штаб – родиной, а песенники – единственными удовольствиями жизни, – человек для которого все, что не было Кавказ, было достойно презрения, да и почти недостойно вероятия. Все же Кавказ разделялся на две половины: нашу и не нашу. Первую он любил, вторую ненавидел всеми силами своей души, и главное – он был человек закаленный, спокойной храбрости, редкой доброты в отношении к своим товарищам и подчиненным и отчаянной прямоты и даже дерзости в отношении к ненавистным для него почему-то адъютантам и бонжурам»¹⁰.

М.И. Драгомиров также внес определенный вклад в отработку механизмов национальной идеологии в русской армии: в ряду национальных отличий русского воинства заметно то благородное и гуманное отношение офицера к солдату, которое заведено было у нас со времен Петра I и выраженное следующими словами: «начальники солдат должны быть как отцы детям»¹¹. Он пришел к выводу, что дисциплина – дело взаимное, т.е. бывает крепка только там, где она существует, не только снизу вверх, но и сверху вниз¹². Он полагал, что из этой духовной сокровищницы, равняясь на лучших защитников Отечества, учитывая национальные особенности русского человека, его исторические идеалы, естество, можно строить и выстроить могущественное здание оборонной доктрины России.

7. См.: Толстой Л.Н. Письмо к фельдфебелю (о церковно-государственном обмане). - Изд. 2-е. - М., 1919. - С.2.

8. Толстой Л.Н. Патриотизм или мир? // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. - т.90. - М., 1958. - С.51.

9. К примеру, Тацит, говоря о кодексе чести древнерусских воинов, указывает: «...выйти живым из боя, в котором пал вождь, - бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать его, совершать доблестные деяния, помышлять только о его славе, - первейшая их обязанность...» - См.: Горский А.А. Древнерусская дружина. - М., 1989. - С.16

10. Толстой Л.Н. Рубка леса: Рассказ юнкера // Толстой Л.Н. Собр. соч. - Т.2. - М., 1973. - С.74.

11. Драгомиров. Заметка о русском солдате // Драгомиров М.И. Очерки: Разбор «Войны и мира». Русский солдат. Наполеон I. Жанна д'Арк. - Киев, 1898. - С.145.

12. Драгомиров М.И. Подготовка войск в мирное время. (Воспитание и образование). - Киев, 1906. - С. 11-12.

В годы Первой мировой войны борьба национальных идеологий встала во весь рост и принесла сознание ценности своей национальности воюющих сторон, ценности всякой национальности, чего она была почти совершенно лишена¹³. На первый план выдвинулись теории национальные и расовые, борьба за их господство, механизмы их формирования и реализации стали более радикальными и могущественнее проблем социальных и классовых.

Мировая война вовлекла в круговорот все расовые идеологии, все национальности устремились к расширению границ, в них главным стало декларация того, что война истребляет слабые национальности, и необходимо единение народов для возрождения воли к выживанию. Одновременно слабые национальности стали искать защиту у сильных национальных идеологий.

Задачей в войне стало и освобождение угнетенных народов, которая могла быть исполнена лишь в том случае, если не имело место угнетения народа у себя внутри, если страна и внутренне оставалась освободительницей угнетенных народов до войны.

Так Н.А. Бердяев полагал, что обращение к международному обостряет чувство ценности собственной национальности и сознание ее задач в мире, а поглощенность борьбой партий и классов ослабляет чувство национальности¹⁴. Он считал: национальное ядро великой империи, объемлющей множество народностей, должно уметь внушать к себе любовь, притягивать к себе, обладать даром обаяния.

Взгляды Н.А. Бердяева расширила фронтовая практика генерала А.А. Брусилова, хотя он признавал, что ни в какие счета и расчеты между различными национальностями не находил нужным вмешиваться, а требовал лишь, чтобы они жили спокойно и выполняли наши приказания, не мешая воевать.

В политических аспектах национальной идеологии генерал придерживался принципа: «Для меня в данное время все национальности, религии и политические убеждения каждого обывателя безразличны».

Но обстановка вынудила генерала разрешить первое украинское национальное формирование, прося затем верховного главнокомандующего «не отменять, и не подрывать тем его авторитета»¹⁵.

Брусилов констатировал: лозунги «Мир без аннексий и контрибуций» и «Право самоопределения народов» – не годились для продолжения войны¹⁶; «в странах, где весь народ был привлечен тем или иным способом к участию в этой борьбе на жизнь или смерть, естественно, военное ведомство справлялось с возложенной на него задачей лучше и легче, чем у нас»; в России война затронула в значительной степени лишь русскоязычное население.

Генерал утверждал: если бы в войсках какой-либо начальник вздумал

13. Бердяев Н.А. Судьба России. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 333с. <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>

14. Там же.

15. См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (Февраль - сентябрь 1917 г.). - Вып.1. - Париж, 1921; Вып.2. - Париж, 1921.

16. См.: Брусилов А.А. Воспоминания. - М.: Воениздат, 1963.

объяснить своим подчиненным, что наш главный враг – немец, что он собирается напасть на нас и что мы должны всеми силами готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если только не предан суду. Еще в меньшей степени мог бы школьный учитель проповедовать своим питомцам любовь к славянам и ненависть к немцам. Он был бы сочтен опасным панславистом, ярым революционером и сослан. Очевидно, немец, внешний и внутренний, был у нас всемогущ, он занимал самые высшие государственные посты, был *persona gratissima* при дворе. Причиной игнорирования нарастания реальной угрозы со стороны Германии и докладов Военного ведомства было и то, что в Петербурге была могущественная русско-немецкая партия, требовавшая, во что бы то ни стало, ценою каких бы то ни было унижений крепкого союза с Германией¹⁷.

В целом дореволюционный этап национальной идеологии в русской армии учитывало то обстоятельство, что в Российской империи проживало свыше 110 народностей, и ее содержание и функции полно обозначены выдающимся государственным деятелем графом С. Ю. Витте: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не осознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская Империя. Когда 35 % населения инородцев, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, но невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую Империю – их религию, их язык и пр.»¹⁸. Но, к сожалению, на фронтах Первой мировой войны эффективно реализовать национальный фактор не удалось. Более полно анализ этих неудач представлен А.И. Деникиным.

Он признавал, что национальные идеологии обладают и разрушительным потенциалом, хотя, по его мнению, национальный вопрос в старой русской армии почти не существовал¹⁹. Был сформулирован ряд межнациональных проблем, все же имевших место в армии: в солдатской среде представители народностей, населявших Россию, испытывали несколько большую тяжесть службы, обусловленную незнанием, или плохим знанием ими русского языка, на котором велось обучение. Обозначены их последствия: только на этой почве технических затруднений обучения, быть может, общей грубости и некультурности, но отнюдь не национальной нетерпимости, возникали много раз трения, отяжелявшие положение инородных элементов. Намечен механизм устранения проблем: это происходило в силу смешанного комплектования войск, которые были оторваны от родных краев. Территориальная система комплектования армии признавалась технически нерациональной и политически небезопасной.

Отмечалось, что малорусский вопрос не существовал вовсе. И тому способствовал признанный механизм межнационального сближения: малорусская речь вне официального обучения, песни, музыка приобрели

17. Там же.

18. Витте С. Ю.. Воспоминания. Т. II. С. 240.

19. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (Февраль - сентябрь 1917 г.). Вып.1. - Париж, 1921; Вып.2. - Париж, 1921.

полное признание и ни в ком не вызывали впечатления обособленности, воспринимаясь как свое русское, родное.

Главным в содержании национальной идеологии русской армии признавалась: армейская среда не являлась проводником ни принудительной русификации, ни национального шовинизма²⁰.

Еще менее национальное расслоение было в офицерской среде. За корпоративными, военными, товарищескими или просто человеческими качествами и достоинствами отходили на задний план или стирались вовсе национальные перегородки. Возбуждаемые вне армии, в политической жизни страны национальные вопросы интересовали, волновали, разрешались в ту или другую сторону, иногда резко и непримиримо, не переходя, однако, за грань военной жизни.

А.И. Деникин увязал причинно-следственные явления национальной идеологии и деградации армии с политическими факторами: начало революции и ослабление власти, сильнейшее центробежное стремление окраин и с ним стремление к национализации, расчленению армии; мотивы национализации – стремление политических верхов возникавших новообразований создать реальную опору для своих домогательств, и чувство самосохранения, побуждавшее военный элемент искать в новых и длительных формированиях, временного или постоянного освобождения от боевых операций²¹; бесконечные национальные военные съезды, вопреки разрешению правительства и командования на всех языках: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане; требование провозглашения «самоопределения» от культурно-национальной автономии до полной независимости.

Он отмечает также, что только одна национальность не требовала самоопределения – еврейская. И каждый раз, когда откуда-нибудь вносилось предложение в ответ на жалобы евреев организовать особые еврейские полки, это предложение вызывало бурю негодования, в среде евреев и в левых кругах, и именовалось злостной провокацией.

Отношение правительства, советов и войсковых комитетов к идее национализации армии также было противоречивым.

Киевский совет рабочих и солдатских депутатов охарактеризовал явление украинизации как простое дезертирство и шкурничество и потребовал отмены образования украинских полков. Противником национализации явилась и польская «Левина», отколовшаяся от военного съезда поляков из-за постановления о формировании польских войск.

Правительство недолго сохраняло негативное отношение к национализации армии. Предоставление Украине автономии, разрешил вопрос национализации войск: «Правительство считает возможным продолжать содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии, или комплектованию отдельных частей исключительно украинцами, насколько такая мера не нарушит

20. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (Февраль - сентябрь 1917 г.). Вып.1. - Париж, 1921; Вып.2. - Париж, 1921.

21. Там же.

боеспособности армии и находит возможным привлечь к осуществлению этой задачи самих воинов-украинцев, командировавшихся Центральной радой в военное министерство, генеральный штаб и Ставку».

Идеология национализации внесла элементы раскола и дезорганизации в армию. Представители Петлюры организовывали в войсках украинские громады и комитеты, проводя постановления, резолюции о переводе в украинские части, о нежелании идти на фронт под предлогом «удушения Украины» и т. д. Их работа продолжалась почти официально, внося затруднения в мобилизацию, комплектование, перевозку и перемещение войск. Петлюра уверял, что в его распоряжении имеется 50 тысяч украинских воинов. Командовавший войсками Киевского военного округа полковник Обручев свидетельствует: «В то время, когда делались героические усилия для того, чтобы сломить врага (июньское наступление), я не мог послать ни одного солдата на пополнение действующей армии. Чуть только я посылал в какой-либо запасный полк приказ о высылке маршевых рот на фронт, созывался митинг. Поднималось украинское жёлто-голубое знамя, и раздавался клич: Пийдем пид українським прапором! И затем – ни с места. Проходят недели, месяц, а роты не двигаются ни под красным, ни под желто-голубым знаменем».

В развитие распоряжений правительства Ставка назначила на всех фронтах определенные дивизии для украинизации. В эти части, стоявшие обыкновенно в глубоком резерве, подтянулись солдаты со всего фронта. Надежды, что национализация создаст «прочные части», не оправдались. Новые украинские части носили в себе все те же элементы разложения, что и кадровые. Среди офицерства и старослуживых многих славных полков, с большим историческим прошлым, переформированных в украинские части, эта мера вызвала острую боль и сознание, что теперь уже близок конец армии²².

Национальные части стали выходить из прямого подчинения, получая приказы непосредственно от «генерального секретаря Петлюры». Комиссар его находился при штабе корпуса, над помещением которого развевался «жовтоблакитный прапор». Русские офицеры и унтер-офицеры, оставленные в полках за неимением украинского командного состава, подвергались надругательствам со стороны поставленных над ними, зачастую невежественных украинских прапорщиков и солдат. В частях создавалась крайне нездоровая атмосфера взаимной ненависти и отчуждения.

А.И. Деникин замечает отличие польских формирований, которые появились как цепная реакция: дав разрешение украинцам, правительство не могло отказать полякам. Мобилизовало и поддерживало боевой дух польской армии факт объявления независимость Польши, и поляки считали себя уже «иностранцами». В июле 1917 года генерал Довбор-Мусницкий, ведший борьбу с разложением русских войск, сумел создать части разительно отличавшиеся дисциплиной и порядком. Такие части вызывали и иное отношение к себе, невзирая на принципиальное отрицание национализации.

22. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (Февраль - сентябрь 1917 г.). Вып.1. - Париж, 1921; Вып.2. - Париж, 1921.

Офицерский состав польского корпуса комплектовался путем перевода желающих, солдатский – исключительно добровольцами. Началась ничем не одолимая тяга с фронта, включая и русских.

Цели польского формирования были специфичны: «война уже кончается, и польская армия нам нужна не для войны, не для борьбы, она нам необходима, чтобы с нами считались, чтобы мы имели за собою силу»²³. Корпус на фронт не выходил, во «внутренние дела» русские не пожелали вмешиваться и перешел на положение «иностранной армии», поступив в ведение и на содержание французского командования.

При формировании национальных частей учитывалось: национальная принадлежность и уровень подготовки, отечествознание. Распределяли отдельно неграмотных, малограмотных, грамотных, знающих мастерство и, наконец, немых, т. е. не говорящих по-русски²⁴, что имело важное значение. Так, в Германии в годы, предшествовавшие великой войне, поступало неграмотных новобранцев менее 1%, во Франции – 2–3%, в России их было около 45%: в 1865 году призыв дал 95% неграмотных, а через сорок лет к 1905 году – 59%. Почти поголовно грамотных призывных давал Прибалтийский край, за ним шли Ярославская и столичные губернии, в хвосте плелись польские и малороссийские, и совершенно ничтожный процент грамотных поступал из Уфимской²⁵.

Уровень отечествознания: в германской армии редко кто из новобранцев слышал о Бисмарке; в Италии 27% не слышали о Гарибальди; во Франции 42% не имели понятия об Эльзасе и Лотарингии, 55% никогда не слышали о Наполеоне и половина рекрут, уроженцев Орлеана, не знала об Орлеанской Деве... Но все эти недочеты патриотического воспитания меркнут перед всеобщим, повальным отсутствием отечествоведения в массе русского народа в девятисотые годы²⁶.

Важным механизмом в формировании национальной идеологии в армии стала необходимость учета культуры и искусства: в область солдатских увеселений, как и вообще народных, культура проникала с превеликим трудом. Наиболее трудный род литературы – народные пьесы – редко подымались выше прескучных диалогов на псевдонародном языке, вызывая равнодушие и скуку на лицах солдат, хотя в конце 1890-х годов воспитательное значение солдатских развлечений получило повсеместное признание. В Вильно шли по праздникам бесплатные народные спектакли для солдат. Не было гарнизона, полка, где бы не устраивались спектакли, концерты, чтения с туманными картинами и музыкой²⁷.

Оппоненты А.И. Деникина считают, что не должен был он соглашаться «слишком неосторожным допущением в армию чужого, инородческого элемента, равнодушного безотчетно, без всякой измены, но и без того, что

23. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (Февраль - сентябрь 1917 г.). Вып.1. - Париж, 1921; Вып.2. - Париж, 1921.

24. Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. - М.: Айрис-пресс, 2005.

25. Там же.

26. Там же.

27. Там же.

противоположно измене, – без глубокого чувства народности и почвенной связи с ней»²⁸. Много командных должностей в этот период занимали немцы, финны, шведы, поляки: «Иностранцы остаются. Русские бегут. Равнодушие первых позволяет им уживаться с какими угодно порядками. Живая любовь к отечеству, наоборот, делает унижение военных сил нестерпимым»²⁹, в то же время, воздавая должное героям Цусимы, он перечислил фамилии, не менее трети инородческих³⁰.

Вывод. Теория и практика механизмов сплачивания армии посредством национальной идеологии начала XX века и особенно периода Первой мировой войны явно политизированы и характерны тем, что к нестерпимости классовой и партийной прибавилось обострение национальной ненависти, частично имевшее место в исторически сложившихся взаимоотношениях между различными национальностями. Выводы о отношении национальных формирований разноплановы, базируются на причинах не связанных со здоровым национальным чувством и использовались в политической борьбе. Эти взгляды усилились в обстановке, когда центральная власть необдуманно провозгласила широкую децентрализацию, признания исторических прав и культурно-национального самоопределения, составных элементов русского государства, не обосновав предварительно механизмы их реализации в армии.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 333с. <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>
2. Бланк Г. Об отношении военной реформы к экономическому быту России. - М., 1871.
3. Брусилов А.А. Воспоминания. - М.: Воениздат, 1963.
4. Витте С. Ю.. Воспоминания. Т. II.
5. Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. - М.: Айрис-пресс, 2005.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (Февраль - сентябрь 1917 г.). - Вып.1. - Париж, 1921; Вып.2. - Париж, 1921.
7. Драгомиров М.И. Подготовка войск в мирное время. (Воспитание и образование). - Киев, 1906.
8. Драгомиров. Заметка о русском солдате // Драгомиров М.И. Очерки: Разбор «Войны и мира». Русский солдат. Наполеон I. Жанна д'Арк. - Киев, 1898.
9. Клеман де Грандпре. Падение Порт-Артура Пер. с фр. генерального штаба полковника Хвостова. - СПб.: Березовский, 1908.
10. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. - М. 1991.
11. Толстой Л.Н. Патриотизм или мир?//Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. - т.90. - М., 1958.
12. Толстой Л.Н. Письмо к фельдфебелю (о церковно-государственном обмане). - Изд. 2-е. - М., 1919.
13. Толстой Л.Н. Рубка леса: Рассказ юнкера // Толстой Л.Н. Собр. соч. - Т.2. - М., 1973.
14. Толстой Л.Н. Солдатская памятка. - СПб., 1906.

28. Меньшиков М. О. Указ. соч. - С. 61.

29. Там же. - С. 63.

30. См. там же. - С. 78–83.

Актуальные проблемы современного общества

Ю.А. Демьяненко,

*кандидат социологических наук,
ректор Псковского государственного университета.*

Территориальные и национальные особенности государственного устройства России: классификация субъектного состава

Политическое регулирование территориального устройства в целом, как и всех его составляющих, во многом определяется политико-правовым положением основных территориальных единиц государства. Территориальную единицу государства принято рассматривать как часть государств той территории, чей статус, границы, функциональное назначение, а также функции и состав органов политической власти, реализующих в ее пределах свою властную компетенцию, определены в политической системе государства.

Именно территориальная единица выступает родовой категорией, объединяющей все базовые элементы системы территориального устройства государства, поскольку каждый из известных видов территориальной единицы укладывается в предложенную схему характеристик. В то же время конкретные характеристики будут различаться в зависимости от подсистемы территориального устройства.

Осмыслению политического положения территориальных единиц способствуют их классификация по различным критериям. Думается, что именно устоявшиеся за столетия научные классификации представляются апробированными лучшим испытателем - временем и являются наиболее точными. От них не следует отказываться, но необходимо развивать и наполнять новым материалом классификации.

Как представляется, субъекты федераций могут быть классифицированы по происхождению:

- 1) государственные-территориальные единицы, объединившиеся в единое союзное государство, будучи независимыми государствами;
- 2) государственные-территориальные единицы, имевшие иной политический статус и ставшие субъектами федерации путем повышения их статуса как территориальных единиц единого государства¹.

1. Кудин, К.Ю. Межрегиональное сотрудничество субъектов Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / - Москва, 2012. - 173 с.

Территориальный аспект исследования делает неизбежным обращение к классификации субъектов федерации по такому критерию, как принцип построения.

1. Национальный принцип предполагает образование субъектов федерации как национально-государственных единиц.

2. Территориальный принцип указывает на образование субъектов федерации как государственно-территориальных единиц².

Территориальный принцип используется в подавляющем большинстве федеративных государств, в частности в Австрии, Аргентине, Бразилии, Мексике, ОАЭ, США, ФРГ. Но учреждение в начале и середине 1990-х гг. федераций в Бельгии (1993 г.), а также Боснии и Герцеговины (1995 г.) показало, что национальный фактор продолжает использоваться при учреждении субъектов федерации. Если национально-государственный подход к образованию Федерации Боснии и Герцеговины - наследие советского прошлого, то Бельгия образовала свои субъекты в новой исторической реальности по национально-территориальному, а точнее по языковому принципу. Однако данные федерации очень малы территориально и существуют как суверенные федеративные государства слишком малый срок даже по меркам человеческой жизни, чтобы судить об устойчивости федераций, созданных по национально-территориальному принципу³.

В настоящее время в теории выдвигается комплексно-территориальный принцип построения федераций, который предполагает при формировании субъектов федерации учет всех факторов (исторического, географического, экономического и т.д.), включая национальный фактор. Фактически заявляющий о предпочтительности именно данного принципа Н.М. Добрынин смог привести лишь три примера построения федераций на основе комплексно-территориального принципа: Индию, Пакистан и Малайзию⁴.

Все эти федерации высокоцентрализованные, асимметричные, с сильным различием в потенциале регионов, неразвитым местным самоуправлением и авторитарными политическими режимами, прежде всего на региональном уровне. Кроме того, крайне высока степень конфликтности отношений между субъектами данных федераций, а также между субъектами и федеральным центром. Таким образом, аргументы выдвижения комплексно-территориального принципа построения федераций не убеждают в его оптимальности. Хотя дело, конечно,

2. Курлевский И.В. Модернизация территориального устройства России в официальном дискурсе власти и партийной программатике : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Курлевский Иван Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2013. С.51-52.

3. Подопригора А.В. Трансформация территориально-государственного устройства Российской Федерации в условиях глобализации - Екатеринбург, 2009. С.151.

4. См.: Добрынин Н.М. Новый федерализм. Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2008. С. 23.

не в самом принципе. Видимо, сам традиционный территориальный принцип и является подлинно комплексно-территориальным, поскольку сочетает географический, экономический, политический, исторический, социальный и иные факторы. Ведь не сама по себе национальная принадлежность жителей является основой выделения субъектов федерации, а политическая доктрина (например, право наций на самоопределение вплоть до отделения) и политическая воля государства.

На современном этапе развития государства и общества учет национального фактора в формировании субъектов РФ не должен сопровождаться сколь либо существенной дифференциацией их политического статуса. При этом применение национального фактора в построении некоторых субъектов РФ наряду с иными не должно быть чрезмерным, чтобы не порождать элементов дискриминации тех субъектов, формирование которых его не учитывало. Даже минимальная некорректность в данном вопросе может вызвать в российском обществе устремления к сепаратизму либо унитаризации государства.

Для России отказ от федерализма сегодня стал бы неоправданным шагом. Территория России наибольшая в мире, а численность населения (в абсолютном измерении значительная) уступает показателям крупнейших государств, что создает проблему недостаточной населенности (особенно в северо-восточной части страны) и связанные с ней сложности сообщения между регионами. Именно федеративное устройство позволяет обеспечить самостоятельность и одновременно интеграцию регионов в условиях политических проблем, которые возникли на рубеже тысячелетий.

Территориальный или, точнее, комплексно-территориальный принцип построения субъектов федерации предполагает целый ряд факторов, влияющих на построение субъектов федерации. Базовыми факторами видятся:

- а) собственно территориальный (координатный) - территория, как правило по мере освоения, разделяется по параллелям и меридианам;
- б) географический (ландшафтный) - территория, как правило нового освоения, разделяется по естественным границам, в частности, горам, рекам, иным естественным ограничителям территории;
- в) экономический - территория разделяется (преобразуется) в субъекты федерации в процессе экономического районирования;
- г) исторический - субъектами федерации становятся исторически сложившиеся территориальные единицы или независимые государства;
- д) политический - субъектами федерации становятся территории, выделенные политической волей федерального центра в соответствии с принятой им политической доктриной⁵.

Многофакторность территориального принципа подтверждает вывод

5. Подопригора А.В. Трансформация территориально-государственного устройства Российской Федерации в условиях глобализации - Екатеринбург, 2009. С.180.

о том, что более корректным было бы именовать его комплексно-территориальным, наряду с национально-территориальным. Данный принцип построения субъектов федерации сочетает в себе все или большинство указанных основных факторов. Так, территории штатов США были сформированы преимущественно по собственно территориальному принципу. Но сами территории имели статус колоний Великобритании, которые впоследствии стали независимыми государствами, в свою очередь объединившимися в конфедерацию и затем в федерацию. Следовательно, можно говорить об историческом факторе выделения территории штатов. Учитывая, что южные штаты вошли в состав федерации в результате Гражданской войны, имеет место политический фактор построения федерации. Во многом аналогично развивался процесс формирования территорий субъектов иных американских федераций (в частности, Канады, Мексики, Бразилии, Аргентины) с той разницей, что изначально территории будущих субъектов федерации формировались на основе не собственно территориального, а географического фактора.

Основную классификацию субъектов России содержит Конституция РФ: республики, края, области, города федерального значения, автономные округа, автономная область. Данные виды субъектов РФ группируют по различным политико-правовым критериям, например по структуре их участия в Федеративном договоре (первая группа - республики, вторая группа - края, области, города федерального значения, третья группа - автономные округа, автономная область). Кроме того, субъекты РФ подразделяются на входящие непосредственно в состав территории Российской Федерации и входящие в состав другого субъекта РФ (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа).

Субъекты РФ могут быть классифицированы по объективным (в частности, площадь территории) или социально-экономическим характеристикам. Например, в их числе выделяют доноров и реципиентов, а в числе последних особую разновидность - депрессивные территории и т.д.

Многообразие административно-территориальных единиц в мировой практике породило различные подходы к их классификации. Их классификация может осуществляться по уровням территориального устройства. Традиционными являются двухуровневые системы административно-территориального устройства: район и поселение (провинции и общины в Нидерландах, префектуры и муниципалитеты в Японии, лены и общины в Швеции, графства и муниципалитеты в штатах США).

В ходе дальнейшего развития территориального устройства государства в мировой практике возникло трехуровневое административное-

территориальное устройство, что связано с появлением новых факторов и условий территориального развития.

Во-первых, это связано с развитием функции государственного планирования, для реализации которой необходим более крупный масштаб территории и большие ресурсы. Во-вторых, административно-территориальные единицы второго уровня были интегрированы в систему местного самоуправления (департаменты, районы, провинции получили право на самоуправление), поэтому государства создавали более крупные территориальные единицы для контроля и координации деятельности органов местного самоуправления. Данная система присуща ряду государств Европы (например, Италия) и Африки (например, Кения)⁶.

Появляются и более многоуровневые системы административно-территориального устройства, связанные с регионализацией и даже федерализацией государств. В частности, в результате реформ 80-х г. XX в. основными административно-территориальными единицами Франции стали коммуна, кантон, округ, департамент и регион⁷. Таким образом, система административно-территориального устройства может включать от двух до пяти уровней.

Административно-территориальные единицы весьма условно подразделяют на «естественные» и «искусственные». В доктринах ряда государств различают уровень общинных единиц, которые рассматриваются как «естественные» поселения, и более высокий уровень так называемых «искусственных» административно-территориальных единиц, созданных «сверху», актами государственной власти. Российский опыт в целом не соответствует данной доктрине. Тем не менее ряд российских авторов делают вывод что указанное различие имеет важное значение для организации местного управления и самоуправления. В России муниципальные районы и внутригородские территории городов федерального значения являются, безусловно, искусственно созданными территориальными образованиями, их нельзя отнести к разряду естественно созданных поселений.

В связи с изложенным возникает вопрос, что понимать под искусственно созданными территориальными образованиями? Если рассматривать

6. Усягин А.В. Территориальное управление в политической системе Российской Федерации : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.02. - Нижний Новгород, 2006. С.77.

7. См.: Французская республика: Конституция и законодательные акты / под ред. В.А. Туманова. М., 1989. С. 46.

искусственность с точки зрения воли, создавшей территориальное образование, то любая территориальная единица политически оформлена волей государства. В России многие поселения создавались решением политической власти вплоть до центральной и могут быть названы искусственными. Тем не менее сегодня там проживают сообщества граждан, которые осуществляют местное самоуправление. Вообще, естественное расселение людей на свободные территории, которое не контролируется государством, характерно для эпох древности и Средних веков. В современном мире миграционные потоки, расселение жителей, территориальное планирование и застройка - составляющие элементы государственной политики.

Как представляется, разделение территориальных единиц на искусственно созданные и сложившиеся естественным путем представляется весьма умозрительным. В такой классификации отсутствуют четкие критерии и, более того, не ясен смысл такой классификации для политической науки. Можно предположить, что «естественные» административно-территориальные единицы отличаются большей стабильностью. Но нередко так называемые «искусственные» провинции оказываются гораздо более стабильными территориальными единицами, чем муниципальные общины (коммуны). Пример Франции свидетельствует, что именно искусственно созданный уровень административно-территориального устройства (департамент) не только оказался наиболее стабильным, но именно в нем реализуется право на региональное самоуправление. В связи с этим подчеркнем непродуктивность разделения административно-территориальных единиц на «сформированные естественным путем» и «искусственно созданные».

Административно-территориальные единицы можно разделить и по принципу формирования, где основными вновь выступают национальный и территориальный. Применительно к России в свете реализации норм действующей Конституции РФ различия в наименованиях административно-территориальных единиц, обусловленные историческими традициями субъектов РФ, не могут выступать свидетельством национального принципа их формирования.

В настоящее время ни одна территориальная единица России официально не провозглашена в Конституции РФ «национально-территориальной». Субъекты РФ и муниципалитеты обладают рядом полномочий в сфере создания условий для национального развития компактно проживающих этнических общностей, в том числе в рамках национально-культурной автономии. В то же время в литературе выделяют национально-территориальные единицы ряда зарубежных государств.

Речь идет о форме организации общественной жизни, гарантирующей возможность создания этническим сообществом на определенной территории органа местного самоуправления, позволяющей обеспечить удовлетворение его специфических запросов на основе развитая самобытной культуры и родного языка, сохраняющей традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы. Если политическая система государства использует национальный принцип формирования территориальных единиц, то они могут подразделяться на национально-территориальные и комплексно-территориальные.

Базовым отличием административно-территориального устройства большинства федеративных государств, в том числе Российской Федерации, является отсутствие административно-территориальных единиц регионального уровня - на административно-территориальные единицы делятся субъекты федерации. Хотя история федерализма знает и исключения, в частности территориальное устройство РСФСР, включавшее как субъекты федерации, так и административно-территориальные единицы регионального уровня.

В России, как и в других государствах, действует разветвленная система территориального устройства, которая не ограничивается наличием только универсальных территориальных единиц. В составе территории практически любого государства выделены специальные территориальные единицы. Так, в США, Великобритании, Канаде это специальные округа, во Франции - кантоны, не имеющие администрации, но используемые как территориальная основа для выборов в генеральные советы департаментов.

Специальные территориальные единицы можно классифицировать на межрегиональные и межмуниципальные в зависимости от того, создаются они для кооперации экономического развития регионов (например, штатов) или муниципалитетов (например, коммун). Данные единицы, очевидно, по размерам будут превышать территориальные единицы, их создающие.

Органы политической власти могут формировать специальные территориальные единицы большего масштаба, когда речь идет о межрегиональном или межмуниципальном сотрудничестве совместно с органами политической власти иных образований государства, либо меньшего масштаба, что связано со схемами размещения территориальных органов.

Возможна классификация специальных территориальных единицы на основании того, кем они созданы. Речь идет о формировании их как органами политических власти для более эффективного осуществления компетенции, так и путем самоорганизации территориальных образований (регионов, муниципалитетов).

Специальные территориальные единицы могут быть подразделены по сферам деятельности, в которых функционируют соответствующие структуры. Так, в США выделяют школьные округа, округа пожарной охраны, водоснабжения, экологические, жилищного строительства, борьбы с москитами, парковые и т.д.

Специальные территориальные единицы далеко не всегда создаются на низовом уровне территориального устройства. В России исторически создавались территориальные единицы макрорегионального уровня - генерал-губернаторства (наместничества). В Российской Федерации специальными территориальными единицами макрорегионального уровня выступили федеральные округа.

С началом широкомасштабной реформы по укреплению вертикали власти в 2000 г. произошло изменение схемы размещения и повышение роли полномочных представителей Президента РФ, что в территориальном аспекте выразилось в формировании новой специальной территориальной единицы - федерального округа. Было осуществлено упорядочение реализации полномочий Президента России в территориальном аспекте. В качестве основных направлений деятельности полномочных представителей в федеральном округе определялась реализация не только координационных, но и контрольно-надзорных функций. При этом осуществление на определенном этапе приобрело стратегическое значение для территориального развития России. Приоритетность контрольных функций обеспечивается местом полномочного представителя в структуре федеральных органов, доступом к главе государства, его возможностью передавать Президенту информацию о положении в округе. Полномочные представители сформировали соответствующий комплекс структур, координационных окружных советов в федеральных округах. В территориальных пределах округов осуществляют полномочия территориальные органы ряда федеральных органов государственной власти.

Таким образом, федеральные округа стали территориальной основой не только реализации новых функций полномочных представителей Президента РФ, но и отчасти построения территориального управления по ряду направлений. Специальные территориальные единицы формируются и для осуществления полномочий органов государственной власти субъектов РФ. Стратегическое значение (как федеральные округа на макрорегиональном уровне) имеют управленческие округа, охватывающие несколько районов (например, в Свердловской области).

В настоящее время изучение возможностей территориального развития осуществляется в рамках федеральных округов полномочными

представителями Президента РФ. Хотя возможности полномочных представителей и их аппаратов в данном направлении далеко не исчерпаны и могут эволюционировать далее, в том числе за счет совершенствования политико-правового регулирования. Но более предпочтительным сценарием интенсификации территориального развития посредством формирования специальных территориальных единиц является формирование предусмотренных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года экономических макрорегионов.

Универсальные классификации позволяют вести компаративистские исследования, которые становятся ключевыми в условиях глобализации. Вместе с тем определение системных характеристик явления, классификация компонентов системы выступают первыми этапами научного обобщения. Только на основе исследования территориальных (или комплексно-территориальных) и национальных начал возможно объективное построение идеальных теоретических моделей, проведение политологического прогноза развития территориального устройства Российской Федерации.

Литература:

1. Кудин, К.Ю. Межрегиональное сотрудничество субъектов Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы: диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / - Москва, 2012.
2. Курлевский И.В. Модернизация территориального устройства России в официальном дискурсе власти и партийной программатике : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Курлевский Иван Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2013.
3. Подопригора А.В. Трансформация территориально-государственного устройства Российской Федерации в условиях глобализации - Екатеринбург, 2009.
4. Добрынин Н.М. Новый федерализм. Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2008.
5. Усягин А.В. Территориальное управление в политической системе Российской Федерации : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.02. - Нижний Новгород, 2006.
6. Французская республика: Конституция и законодательные акты / под ред. В.А. Туманова. М., 1989.
7. Конституционное право субъектов Российской Федерации / под ред. В.А. Кряжкова. М., 2002.

Ю.В. Агапов,

*кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой методологии
управления Рязанского института развития образования.*

Докторант-соискатель кафедры культурологии СПбГУ

Идеалы и типы научной рациональности в культуре образования

О различных идеалах рациональности, доминирующих в ту или иную культурную эпоху, принято обычно говорить применительно к организации научной деятельности. Так, в литературе, посвященной философским основаниям науки и развитию ее методологии, были выделены и получили освещение основные типы и идеалы рациональности, получившие название классических, неклассических и постнеклассических. Предложенные В.С. Степиным критерии различения этих трех типов рациональности отвечают, с одной стороны, деятельностному подходу, с другой – структуре оснований науки, выявляемых в рамках данного подхода. С этих общих позиций практика познания может быть охарактеризована посредством указания на специфику связей и отношений между субъектом научной деятельности и осваиваемым им объектом, а также используемых при этом средств и способов их применения, или операций. Все названные основные компоненты деятельности образуют системную целостность, и радикальные изменения одного из них предполагают изменение других. Соответственно, критериями типов рациональности выступают особенности: 1) системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) средств и операций познавательной деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) ценностно-целевых ориентаций субъекта исследовательской деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки¹.

С позиций философско-культурологического анализа речь идет о ключевых взаимосвязанных компонентах культурной формы, которая, в зависимости от ее исторически различного содержательного наполнения, предопределяет, конституирует, регулирует и дает основания для легитимации того или иного типа организации научной деятельности.

Каким образом изменения типов и идеалов рациональности в организации научной деятельности отражаются на трансформациях содержания и культурных форм организации и осуществления практической образовательной деятельности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь в виду, что изменения этих идеалов и типов рациональности происходит в более широких рамках и контексте изменений общей культурной ситуации, смены культурных эпох, что находит свое специфическое отражение не только в сфере науки, но и в

1. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 249.

сфере образования. Речь при этом должна идти не только и не столько об изменениях предметных и метапредметных содержаний, транслируемых в рамках образовательного процесса, сколько о различиях и трансформациях в самих культурных формах осмысления и организации образовательной деятельности, относящихся к концептуальному ее конструированию, пониманию функций, системы и структуры этого процесса, средствам и способам его проектирования, организации и осуществления. С другой стороны, вся совокупная кооперативно организованная деятельность в сфере образования с присущей ей особой сложной по своему составу междисциплинарной и многослойной культурой испытывает растущее влияние со стороны культурных форм, применяемых в науке, поскольку достижения в фундаментальных, а также, в особенности, в прикладных, технологически ориентированных ее разделах все более активно начинают использоваться в собственно образовательных теориях и практиках. В этой связи актуальной становится задача сравнительного анализа изменений в идеалах и типах рациональности, присущих построению образовательной деятельности, в сопоставлении с опережающими или параллельными изменениями их в деятельности научной. В ходе такого анализа необходимо вместе с тем учитывать различия в сферах научной, познавательной в своей основе, деятельности, и деятельности образовательной как преимущественно практически-преобразовательной, связанной с обеспечением функций воспроизводства культуры в целом, и, в том числе, трансляции достижений науки. При этом наука представляет собой деятельность, стремящуюся к предельной, идеальной или, по крайней мере, максимально возможной в данных познавательных условиях институционализированной форме рациональности. В других сферах культурной практики, в частности, в сфере образования внерациональные составляющие, основанные на традиции, опыте и интуиции, всегда играют более значимую роль. Кроме науки на изменения теорий и практики образования оказывают свое влияние также другие формы познания, коммуникации и деятельности: философия, религия, разнообразная социальная и политическая практика. При этом не всякая философия стремится придать себе форму науки, и более того, некоторые из современных ее направлений позиционируют себя преимущественно как противоположные науке способы и стили мышления.

Попробуем проследить влияние, которое оказывали изменения в категориальных онтологических, регулятивных и ценностных структурах рациональности, характерных для научной деятельности, на трансформации культурных форм, действующих в сфере образования. Для классической рациональности в науке характерна механистическая картина мира. Фундаментом мироздания здесь являются неделимые корпускулы, из которых построены все тела, взаимодействие и тех и других осуществляется путем мгновенной передачи сил и подчиняется жесткой динамической детерминации. Вещь (тело, корпускула) рассматриваются как нечто первичное по отношению к процессу, который представлен как

их силовое взаимодействие². Развертываются эти картины на фоне и в условиях абсолютного пространства и времени, характеристики которых не зависят от самих взаимодействий. Применительно к социальной реальности аналогию такой картины мира можно усмотреть в концепциях естественного права и общественного договора, где роль атомов играет автономная человеческая личность, наделенная естественными правами и свободой и вступающая первоначально в различные, в том числе силовые взаимодействия, для устранения которых и упорядочения отношений потребовалось заключить общественный договор, дабы обеспечить безопасность людей в обмен на отказ от части своей личной свободы, ограничение ее степеней в пользу разумной, регулирующей эти отношения деятельности государства. Процессы здесь, как в природных простых системах вполне обратимы, поскольку подчиняются сознательной воле объединяющихся носителей разума, способных производить преобразовательные социальные действия и вступать в новые взаимодействия между собой.

Что из этого следует для формирования теорий, а затем и практики образования? Если обратиться к педагогическим идеям эпохи Просвещения и Нового времени, где соответствующие ориентации получили наиболее последовательное развитие, то мы можем обнаружить несколько разных концепций, в основу которых положены некие общие подходы и постулаты, позволяющие идентифицировать их как разновидности механистической картины. Первая концепция стала ядром формирующейся и ставшей затем доминирующей системы обучения и воспитания, получившей впоследствии название традиционной, или знаниевой. Главные действующие лица здесь – это исходно автономные единицы: педагоги и учащиеся, вступающие в прозрачные и ясные, регулируемые предварительным договором и осуществляемые под общим надзором государства отношения с целью ретрансляции знаний, умений и навыков, а также обеспечения планирования, организации, контроля и оценки успехов в ходе их усвоения, поощрения и наказания в случае нарушений установленного порядка, содержательных требований и формальной дисциплины. Классно-урочная система с ее унифицированными правилами распределения и использования учебного времени, организации занятий для групп учащихся с введением неких усредненных или дифференцированных общих для них требований к усвоению материала, одним словом, с первичной стандартизацией взаимодействий, учитывающей необходимость обеспечения общественно полезных результатов, представляет собой воплощение концептуальной модели, соответствующей во многом классическому пониманию рациональности. При этом предлагалось также учитывать и уровень реальных возможностей учащихся, ограничения, связанные с их возрастом, а также, в особенности, с различиями в индивидуальных одаренностях

2. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 253.

и задатках, которые отождествлялись с прирожденными способностями к тем или иным видам человеческой деятельности, а, следовательно, и к самому процессу обучения им. Важно, что в этом случае доминирующая механистическая картина проявляется в том, что и время, и пространство образовательных событий отождествляются с некоторыми физическими их единицами. Образовательное пространство – это помещения, в которых должны происходить занятия. Время занятий определяется не хронологией событий или пониманием особой природы образовательного процесса, необходимостью учитывать содержание и характер педагогической и учебной деятельности и взаимодействия их участников, но, напротив, оно рассматривается как механически делимое на некоторые равные хронометрические отрезки, в которые предлагается вместить специально выделенные для серии «уроков» части предметного содержания и определенные типы действий с ними, обеспечивающие их усвоение.

Вторая концепция может быть отнесена к провозвестникам современных систем и моделей, нацеленных на поддержку проявлений и реализацию творческих способностей, которыми, как считалось в этот период, также от природы, хотя и в разной степени, могут быть наделены обучающиеся. Некоторые из классиков педагогических теорий этого времени выдвигали идеи перехода от практики прямой трансляции готовых знаний и их репродуктивного восприятия и воспроизведения учащимися к мотивации и организации их продуктивной умственной деятельности, направленной на самостоятельные «открытия», что позволяет лучше готовить и к будущей самостоятельной жизни. «Сведений науки не следует сообщать учащемуся, но его надо привести к тому, чтобы он сам их находил, самостоятельно ими овладевал»³. Эта первоначально сформулированная идея развивающего обучения практической реализации не получила в этот период в силу ряда причин, прежде всего, отсутствия соответствующей концептуальной основы, описывающей и объясняющей устройство культурно организованной продуктивной мыслительной деятельности в рамках образовательного процесса, а также механизмы личностного развития и саморазвития, лежащие в основе пробуждаемой педагогом «самостоятельности» учащихся.

Особое место занимают идеи, высказанные Ж.-Ж. Руссо, негативно оценивавшим достижения существующей культуры, искажившей, по его мнению, подлинную чистую и естественную природу человека, относительно необходимости и возможности организации образовательного процесса на принципах свободного образования, в рамках которого сами обучающиеся и воспитанники становились бы создателями нового типа культурных ценностей, к которым относятся и знания, и ценности, и правила морального поведения. Задача педагога виделась в создании условий, в которых могла бы проявиться данная от природы, от рождения всем людям способность к подлинно свободному

3. Дистервег А. Руководство для немецких учителей. М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1913. С. 215.

культурному творчеству. Эти идеи тем более не могли быть реализованы в практически-экспериментальном режиме в тот период, но впоследствии стали весьма популярными, и сегодня порождая попытки практического воплощения.

Почему эти весьма различные по своему содержанию концепции могут быть отнесены, тем не менее, к общему разряду классических по типу рациональности? Во всех случаях мы имеем дело с описанием систем простого типа, в которых действия педагога, правильно организованные и произведенные им в соответствии с хорошо проработанным и проверенным методом, являются той силой, которая должна приводить к получению результатов, выражаемых в обученности или воспитанности их подопечных, при условии следования последних либо прямым указаниям наставника, либо побуждающим и направляющим его воздействиям. Но при этом собственно учебная деятельность, механизмы осуществления процесса учения или освоения норм поведения, а потому и возможные основания их организация остаются «невидимыми», скрытыми, поскольку успешность реализации познавательных действий учащихся, будь они репродуктивными или творческими, определяется всецело их природными способностями. Этим, можно сказать, обуславливается и общая ограниченность концептуальных построений данного периода, когда складывались классические представления, относящиеся в основном к регулятивной части культуры педагогической деятельности, нормам ее организации и осуществления, но не получившие еще собственно теоретических оснований, способных выполнять функцию научного объяснения процессов и механизмов учебной, образовательной деятельности учащихся и воспитанников. Последние остаются здесь, поэтому, объектами прямых или манипулятивных воздействий со стороны педагогов, но не становятся самостоятельными субъектами, овладевающими общими культурными способами организации своей образовательной деятельности.

Эти представления существенно трансформировались с переходом к неклассическому идеалу и типу рациональности. Онтологии неклассической науки базируются на категориальных представлениях о саморегулирующихся системах, вероятностной причинности, организмических целостностях, конфигурациях прямых и обратных кибернетических связей, действиях информационного кода. Самоорганизующиеся системы, согласно принципам аутопоэзиса, устойчиво воспроизводятся не за счет внешних воздействий, а посредством элементов и операций, присутствующих в самой системе, внутренних для нее. В теориях образования неклассический тип и идеал рациональности обнаруживаются в процессах появления и развития психолого-педагогических концепций, акцентирующих внимание как раз на внутреннем устройстве процессов саморегуляции в образовательной деятельности, ее системно-структурном строении, взаимосвязи процессов и механизмов, характеризующих усвоение знаний и умений, формирование ценностных установок и ориентиров, развитие высших психических функций и способностей. В русле этих разработок получили определенное

распространение идеи обучения, обеспечивающего помимо усвоения предметных научных знаний и связанных с ними практических навыков, также и формирование общих способностей и воспитание личности, а не просто подготовку специалистов в определенных областях знаний и практики. Возникающие на этой основе практические образовательные системы и модели строятся с опорой на гипотезы и теории, предлагаемые различными психологическими школами и направлениями в их приложении к сфере образования и воплощаемые в форме новых образовательных технологий.

Соответственно этому в образовательные теории проникают и набирают вес рациональные идеи технологизации процессов проектирования и организации образовательной деятельности в целом, что существенно трансформирует и практические ее модели. Наряду с традиционной практикой появляются и системы развивающего обучения, и обучения репродуктивного типа, основанные на принципах детального программирования процесса усвоения, позволяющие значительно повысить его эффективность за счет формирования обобщенных ориентировочных основ действий, применимых при решении определенных классов новых задач. Вместе с тем в образовательном процессе все чаще начинают использоваться новые методы измерений и статистической обработки данных, учета закономерностей вероятностных их распределений при прогнозировании, проектировании, контроле и оценке образовательных результатов. Эти методы используются также в процессе реализации идей дифференцированного обучения. Данные по поводу условий, процессов и результатов образовательной деятельности подвергаются в рамках неклассического видения уже не столько жестко причинному объяснению, сколько осторожной интерпретации в терминах вероятности и возможности, допускающих, в том числе, множественность концептуально-методологических подходов к построению эффективных технологий проектирования и организации практики образования.

Постнеклассический тип и идеал рациональности в науке ориентирует на изучение саморазвивающихся систем, включая и представления об их саморегуляции, но не сводящиеся только к ним. Особое внимание начинают привлекать в этих условиях состояния хаоса, чреватые переходом к новому порядку. Изучение саморазвивающихся систем предполагает расширение смысла категории причинности, связанных с развитием представлений о превращении возможности в действительность и значении целевой причины. Все это особенно важно учитывать, когда речь идет об инновационных процессах в сфере образования, управлении ими, проектировании новых образовательных моделей и систем. При этом возникает необходимость учитывать как объективные условия, порождающие кризисные состояния систем образования, так и роль субъективных факторов, природу и конституирующее влияние формирующих экспериментов, преобразующей сознательной активности и целеустремленности участников инноваций.

Неклассический и особенно постнеклассический типы рациональности привели к расширению теоретической базы образовательной практики,

а соответственно и ее культурных нормативных оснований за счет привлечения в нее новой предметности и метапредметного общего культурного содержания. С позиций социокультурной обусловленности современную постнеклассическую рациональность можно трактовать как ситуацию, в которой возникает точка роста новых ценностей и интеграции мировоззренческих ориентаций, открывающую новые перспективы для широкого культурного диалога и диалога культур. В частности, идея о доминирующей самооценности истины, характерная для науки, начинает здесь согласовываться с идеями нравственности и учета высших духовных и культурных ценностей как необходимых предпосылок истинности.

Неслучайно поэтому и появление множества попыток построения культурологических моделей образовательного процесса, в рамках которых соответственно и образованный человек начинает пониматься как «человек культуры, человек воспитанный, способствующий сохранению культуры, укрепляющий ее... причем подготовленный не только к нормальной жизни и отлаженному производству, но и к испытаниям, к смене образа жизни, к изменениям»⁴.

Идеи саморазвития и универсального эволюционизма, обращение к категориям становления и развития, а, следовательно, общие подходы и категории, характерные для постнеклассики, находят свое выражение в моделях непрерывного образования как культурно оформленного и организованного, осознанного и осмысленного процесса самообразования. Это требует обращения к высшим культурным образцам и общим способам организации мышления, понимания, ориентации в информации, коммуникации, общения, межличностного и группового взаимодействия, самоопределения, поведения и действия в различных жизненных и профессиональнозначимых ситуациях. Отсюда и интерес к метапредметным знаниям, представленным в виде практической, прикладной философии, выступающей в методологической функции, которыми необходимо в первую очередь овладеть как инструментами организации процесса самообразования и инновационного проектирования систем новой образовательной практики. Намечившиеся тенденции разработки и развития метапредметного общекультурного содержания образования и моделей его органичного встраивания в общую систему образовательной практики позволяют говорить о начале появления в культуре образования нового системообразующего звена, задающего стратегию ее преобразования в духе идеалов постнеклассической рациональности.

Литература

1. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография. СПб.: Изд. дом «Миръ», 2009. - 672
2. Дистервег А. Руководство для немецких учителей. М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1913.
3. Розин В.М. Культурология : учебник. М., 1999. – 344.

4. Розин В.М. Культурология : учебник. М., 1999. С. 270-271

С.И. Крамченков,

кандидат социологических наук

Социологический анализ современных проблем институционализации лоббизма в России

Становление институтов правового государства и гражданского общества в современной России определяет потребность в развитии различных форм взаимодействия власти и граждан, методов и способов согласования государственных и общественных, групповых, частных интересов. Далеко не всегда эти вновь возникающие формы сразу приобретают необходимое демократическое и правовое содержание. Лоббизм, несомненно, относится к числу таких явлений современной российской действительности, восприятие которых в обществе неоднозначно.

Постоянный интерес научного сообщества к проблеме лоббизма активизирует различные социологические исследования в этом предметном поле. Большая часть исследований ориентирована на политологические аспекты — лоббизм в политической жизни общества и в системе государственного управления. Другая часть исследований вводит в проблему взаимодействия экономики и власти, причем на различных уровнях — от общей проблемы «бизнес и власть» до конкретноэкономических вопросов об эффективности «вложений» в лобби отдельных компаний и просчете полученной в связи с этим выгоде. Гораздо реже исследования лоббизма в современной России носят общесоциальный характер и включают в себя более широкие аспекты, например, обращение к культурной или этической стороне феномена российского лоббизма, его институциональности в системе отношений государства и гражданского общества.

Проблемы, связанные с институционализацией лоббизма рассматривались в ходе проведения социологического исследования по социально-профессиональным проблемам государственной гражданской службы Российской Федерации (ИГСУП РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2012 год; руководитель социологического исследования доктор социологических наук, профессор Магомедов К.О.). Особое значение для социологического анализа современных проблем лоббизма в России имеет то обстоятельство, что в исследовании участвовали — в качестве респондентов массового опроса (проведен в 20 субъектах Российской Федерации всех федеральных округов) 1008 государственных служащих, а в качестве экспертов 180 представителей органов государственной власти и управления, государственных и негосударственных предприятий, организаций и учреждений, общественных организаций, средств массовой

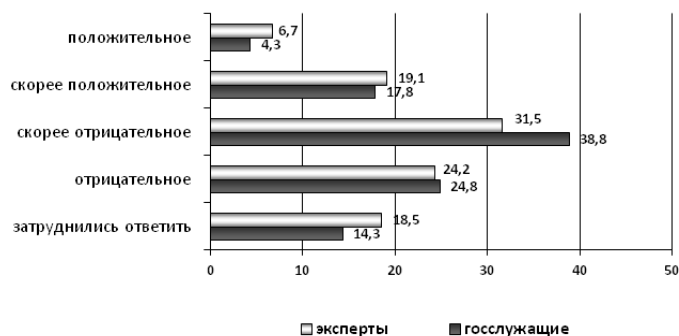
информации, работники науки, культуры и образования. Это дало возможность получить репрезентативный результат и квалифицированные оценки по различным проблемам государственного управления, в том числе и по лоббизму в органах государственной власти.

Исследование показало, что восприятие лоббизма в современной России, даже среди работников системы государственного управления, имеет выраженный негативный оттенок. Так, в ответах на вопрос о том, с чем у участников исследования ассоциируется российский лоббизм, распределение мнений показывает следующее: 38,0% респондентов – госслужащих и 50,8% экспертов отметили, что это форма слияния интересов власти и бизнеса, а еще 31,7% респондентов и 49,2% экспертов, что лоббизм – это вид коррупционных связей. Только примерно по пятой части респондентов (20,3%) и экспертов (22,0%) назвали российский лоббизм способом диалога власти и бизнеса, имеющим недостатки. Еще меньшее количество и респондентов, и экспертов, отметили институциональное (для процессов взаимодействия государства и гражданского общества) значение современного российского лоббизма: как канал прямого воздействия общества на власть лоббизм в России воспринимается 17,5 респондентами и 11,3% экспертов, как возможность выражения гражданами своих интересов 14,4% респондентов и 9,6% экспертов, как институт цивилизованного взаимодействия власти и бизнеса 12,7% респондентов и 11,9% экспертов.

Сравнение распределения приведенных мнений респондентов и экспертов показывает, что современный российский лоббизм представляется явлением, связанным с негативными процессами в обществе и государстве, и мало способствующим развитию цивилизованных форм социальных взаимодействий. Это как раз является следствием низкого уровня институционализации российского лоббизма, его слабой интеграции с интересами гражданского общества. Общая негативная составляющая в оценках современного лоббизма, проявленная участниками исследований, соответствует, в целом, состоянию общественного мнения – лоббизм по-прежнему вызывает негативные ассоциации.

В связи с этим отмечается и общая отрицательная оценка лоббизма как социального явления в современной жизни России: на вопрос, положительным или отрицательным явлением сегодня можно назвать лоббизм в российской действительности, мнения участников исследования распределились следующим образом (см. Диаграмму 1).

Диаграмма 1
Оценка явления лоббизма в российской действительности

Такая негативно ориентированная оценка современного российского лоббизма свидетельствует о том, что современный российский лоббизм пока практически никак не соотносится с позитивными общественными процессами, в первую очередь - с развитием правового демократического государства, обладающего эффективной системой государственной власти и управления, и со становлением гражданского общества.

В мировой цивилизованной практике функционирования лоббизма этот институт дает возможность представления интересов достаточно широкий социальных групп и слоев в системе взаимоотношений государства и гражданского общества. В современной России мы сталкиваемся в этом отношении с большими проблемами, с явным сужением пространства представляемых лоббизмом интересов. Это определилось и в результатах исследования — относительно того, чьи интересы чаще всего представляют лоббистские группы, мнения участников исследования распределились следующим образом:

- крупного финансового капитала и крупных промышленных кругов - мнение 58,7% респондентов и 71,3% экспертов;
- «естественных» монополий - мнение 37,2% респондентов и 47,2% экспертов;
- среднего и малого бизнеса - мнение 25,5% респондентов и 23% экспертов;
- некоммерческих организаций (НКО, т.н. «третий сектор») — мнение 14,6% респондентов и 8,4% экспертов;
- зарубежных финансовых и промышленных кругов — мнение 15,8% респондентов и 24,2% экспертов;
- граждан, населения России — мнение 7,3% респондентов и 7,3% экспертов.

Приведенное распределение мнений участников исследования показывает,

что российский лоббизм в основном ориентирован на представление интересов больших субъектов финансово-хозяйственной деятельности, и в какой-то мере — среднего и малого бизнеса. Экспертами также выделяются интересы иностранного бизнеса, защищаемые российскими лоббистами. Но интересы тех, кто относится к субъектам гражданского общества, в том числе частные интересы граждан, российский лоббизм, по мнению участников исследования, представляет очень ограниченно.

Такое положение говорит о том, что российский лоббизм пока еще далек от цивилизованного идеала, и это является очень большим противоречием в развитии современных процессов взаимодействия государства и гражданского общества. А преодолеть это противоречие, стать российскому лоббизму цивилизованным, как считают участники исследования, мешают следующие факторы:

- отсутствие правовой основы лоббистской деятельности — мнение 37,5% респондентов и 48,9% экспертов;
- несовершенство нормативно-правовой базы, регламентирующей служебное поведение представителей органов государственной власти и управления — мнение 24,2% респондентов и 34,8% экспертов;
- чрезмерное влияние государства на экономику (распорядительные, разрешительные и т.п. функции) — мнение 25,2% респондентов и 17,4% экспертов;
- не соответствующее современным требованиям развитие основных институтов государства — мнение 23,2% респондентов и 22,5% экспертов;
- слабое влияние на общественные процессы институтов гражданского общества — мнение 16,8% респондентов и 21,3% экспертов;
- консолидированное противодействие коррумпированной части российских чиновников — мнение 14,6% респондентов и 21,9% экспертов;
- нежелание представителей крупного финансово-промышленного капитала выводить свои интересы из «тени» — мнение 23,8% респондентов и 33,1% экспертов.

Исходя из анализа мнений участников исследования можно сделать вывод о том, что необходимо как можно скорее формировать нормативную правовую основу лоббистской деятельности в России, которая не только позволит сформироваться цивилизованному институту лоббизма, но и определить служебное поведение в этой сфере государственных служащих и представителей своих интересов их финансово-промышленных кругов, в том числе повысив уровень открытости их взаимодействий.

То, что российский лоббизм в современной форме его существования (и организационной, и политической) уже изжил себя, что требуются значительные шаги по его дальнейшей институционализации, переходу в новые цивилизованные рамки, не вызывает сомнений. Это отражено

и в позициях участников исследования, которые среди мер, которые необходимо предпринять, чтобы создать условия формирования цивилизованного лоббизма в России, выделили следующее:

- принять закон о лоббизме и сопутствующие ему другие правовые акты — мнение 33,3% респондентов и 48,0% экспертов;
- дать четкое правовое толкование того, где кончается взаимодействие интересов государства и хозяйствующего субъекта (или иного заинтересованного лица) и начинается коррупционная связь чиновника и клиента — мнение 46,1% респондентов и 49,7% экспертов;
- обеспечить действие прозрачности власти на всех ее уровнях — мнение 40,4% респондентов и 44,7% экспертов;
- создать нормальные условия для развития конкурентной среды в экономике, ее открытости перед обществом, гражданами, а не исключительно перед чиновниками — мнение 29,9% респондентов и 31,3% экспертов;
- довести до конца административную реформу — мнение 13,5% респондентов и 11,7% экспертов;
- сократить количество административных органов и чиновников, способных быть объектом лоббирования — мнение 16,8% респондентов и 21,2% экспертов;
- законодательно приравнять лоббистскую деятельность к предпринимательству для представителей законодательной и исполнительной власти — мнение 10,8% респондентов и 15,1% экспертов;
- создать общественно-контролирующие органы как необходимые элементы институтов гражданского общества — мнение 13,4% респондентов и 19,0% экспертов.

Такое распределение мнений еще раз подтверждает необходимость создания правовой основы для всех типов лоббистской деятельности и лоббистских взаимодействий, в том числе, поддерживающей антикоррупционные цели.

В заключение можно сделать общий вывод о том, что целенаправленное и последовательное решение проблем институционализации лоббизма, законодательный запрет на практику нерегулируемого воздействия различных заинтересованных групп на органы государственной власти и управления, на отдельных должностных лиц в этих органах, будет способствовать не только развитию института лоббизма в его цивилизованном виде, но и повышению качества общественного контроля за деятельностью органов власти, снижению коррупционных рисков, а в целом — укреплению и упорядочению системы взаимодействий институтов государства и гражданского общества в современной России.

Смагина Л.А.,

докторант кафедры национальных и
федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Российский федерализм и местное самоуправление

Одним из элементов федерализма как системы отношений между уровнями власти в государстве является развитие местного самоуправления. Так же как в отношении между федеральным центром и субъектами федерации подразумевается определенная степень автономии местного самоуправления – одного из уровней власти, основанная на предельно четком разграничении компетенции каждого из уровней государственной власти. Эта особенность местного самоуправления исследуется Л.Ф. Болтенковой, Н.В. Михайловой, М.В. Столяровым, В.А. Кадоховым и др.

Нельзя не согласиться с обоснованием местного самоуправления в системе российского федерализма, Л.Ф. Болтенкова, «именно через включение местного самоуправления в систему публичной власти она включается и в федеративные отношения»¹. Местное самоуправление вследствие своей двойственной общественно- государственной природы, может иметь огромное значение в качестве субъекта организации взаимодействия государственных и общественных институтов и выступать определенным гарантом социально-политической стабильности общества и государства.

Пока не раскрыты на практике богатый демократический и управленческий потенциал, который несет в себе местное самоуправление.

Опыт большинства федеративных государств Запада (США, Канада, ФРГ и др.) показывает, что все они имеют более или менее развитую систему местного управления или самоуправления. Большинство таких стран создавало свои федеративные системы «снизу», в интересах отдельного индивида. Локальное сообщество является здесь необходимым связующим звеном между личностью и правительством субъекта Федерации.

Интерес к идее местного самоуправления в России возрос во второй половине 80-х годов, что было связано с началом реорганизации государственной власти в стране. При этом следует подчеркнуть, что попытка путем принятия в 1990 г. Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства» и в 1991 г. Закона Российской Федерации «О местном самоуправлении в РСФСР» ввести местное самоуправление «сверху», не реформируя по сути прежнюю систему управления, не дала ожидаемых результатов.

Закон «О местном самоуправлении в РСФСР» определял местное самоуправление как особый институт, отличный от государственно-властных учреждений, как систему организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного

1. Болтенкова Л.Ф. Местное самоуправление в системе федеративных отношений. М., 2004. С. 19.

значения. Внеся изменения в Конституцию, согласно которым местные Советы, входящие в систему местного самоуправления, выводились из общей системы представительных органов государственной власти, Съезд народных депутатов РСФСР сохранил формулу Конституции о праве Верховного Совета России руководить Советами. Таким образом, конституционное закрепление статуса местного самоуправления оказалось весьма противоречивым.

Однако при всем несовершенстве эти законы сыграли определенную роль если не в реальной перестройке, то, по крайней мере, в осмыслении возможных путей преобразования структур местной власти.

Осенью 1993 г. начался новый этап реформирования местного самоуправления. 9 октября 1993 г. был издан Указ Президента РФ о реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в РФ. Этим Указом было утверждено Положение об основах организации местного самоуправления в РФ на период конституционной реформы.

Важнейшие параметры современной российской концепции местного самоуправления (основополагающие начала организации и деятельности местного самоуправления, его место и роль в системе народовластия) нашли свое отражение в Конституции РФ 1993 года. Конституция Российской Федерации определяет во многом сущность и гарантии местного самоуправления, которое представляет собой наиболее приближенную к проблемам и потребностям граждан, местным, этнокультурным, социально-бытовым и иным условиям форму публичной власти.

Среди некоторых правоведов и политиков сложилось мнение о том, что местное самоуправление обладает устойчивым иммунитетом от государства. Считается, что, с одной стороны, оно приводит к требованиям о минимизации регулирующего влияния государства на местное самоуправление. С другой стороны, формируется недоверие государства к местному самоуправлению. Такая практика самоуправления в ряде случаев перерождается в самоуправство должностных лиц и властный беспредел, граничащий с криминалом.

Соображения о «самостийности» местного самоуправления необходимо вести юридически грамотно. Внимательное прочтение ст. 3, 4, 12 Конституции Российской Федерации полностью устраняет все сомнения: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение полномочий преследуются по федеральному закону», «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации», «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». На самом деле речь идет о самостоятельности местного самоуправления в пределах, установленных федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации.

На наш взгляд, споры о том, разрушает или не разрушает целостность государства реализация ст.12 Конституции РФ о местном самоуправлении безосновательны и некорректны. Исходя из гл.1 Конституции РФ следует, что российское федеративное государство предполагает существенную степень децентрализации и концентрации власти, то есть наличие определенного числа ее субъектов, имеющих собственную компетенцию, в

пределах которой эти субъекты самостоятельны. То, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, означает, что местное самоуправление отделяется от государственной власти с точки зрения структурно-организационной. Однако они действуют в русле общегосударственной политики и могут наделяться отдельными государственными полномочиями.

Разделение субъектов власти на три уровня обусловлено необходимостью «распределения» центров власти с учетом многочисленности и сложности решаемых задач, а в России – также с учетом величины территории и большого разнообразия исторических, культурных и др. особенностей народов. Каждый из названных уровней власти решает свои задачи, обладая для этого своими полномочиями, а не транслирует указания «сверху».

Конституционно отделенное от государственной власти, местное самоуправление само располагает всеми признаками власти, отличающееся от последней лишь масштабами осуществления, участниками реализации (в этом качестве выступает население муниципального образования и создаваемые им органы местного самоуправления) и специальными правовыми механизмами, регулирующими его деятельность.

Разумеется, местное самоуправление не входит в систему государственной власти в том смысле, что государство не может диктовать органам местного самоуправления, что им делать на своей территории. Законодательством за ними закреплен определенный объем полномочий, за реализацию которых они несут ответственность не только перед местными сообществами граждан, но и перед государством. Поэтому речь должна идти не об отделении одних органов власти от других, а о наделении органов местного самоуправления самостоятельностью с учетом реальных возможностей в рамках закрепленных за ними предметов ведения и компетенции; введении в действие четкого экономически и социально обоснованного механизма распределения государственных дотаций, субсидий, трансфертов, налогов между разными уровнями; развитии нормативно-правовой базы.

В связи с изложенным представляется обоснованным вывод Ю.Н. Старилова о том, что «едва ли возможно однозначное отделение органов местного самоуправления от государственной власти не только с теоретической, но и с практической точки зрения»².

Как справедливо отмечает С.А. Авакьян, юридическое лишение государственных начал для органов местного самоуправления добавит к их реальной слабости еще и слабость правовую.³

После принятия федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 1995 году в России было возможно построение пяти основных организационных моделей местного самоуправления. Однако сегодня это уже не имеет былой актуальности, так как 6 октября 2003 г. был подписан № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который установил новые правила «правила игры» с 1 января 2006 г.

1. Старилов Ю.Н. Административное право: В 2 ч. Ч.1: История. Наука. Предмет. Нормы. - Воронеж, 1998. С. 205.

2. Авакьян С.А. Состояние, проблемы и перспективы местного самоуправления// Местное самоуправление в России: состояние, проблемы и перспективы. - М., 1994. С. 47.

Следует отметить, что принятие и развитие на практике этого закона лежит в русле понятия «административная реформа», которое впервые вошло в официальный документ, и было озвучено в Послании Президента РФ Путина В.В. Федеральному Собранию 3 апреля 2001 года.

Основные цели административной реформы состоят в существенном повышении эффективности единой системы исполнительной власти в Российской Федерации, а в конечном итоге для улучшения качества жизни граждан на основе совершенствования государственного управления, оптимизации структуры и упорядочения функций органов исполнительной власти.

При этом следует отметить, что замысел и методология административной реформы предполагают, что её основные направления и составные элементы, осуществляемые на федеральном уровне, концептуально должны быть осознаны, продолжены и развиты на региональном уровне, а также в муниципальных образованиях с учетом специфики субъектов РФ.

Но сегодня вопрос о системе местного самоуправления - не только вопрос об эффективности работы местных органов власти, а и вопрос о политической стабильности в стране. Федеративное государство и местное самоуправление находятся в неразрывном диалектическом единстве. С одной стороны, местное самоуправление реализуется в рамках государственной правовой системы, с другой - соединение общества с государством происходит на уровне местного самоуправления, где свободно выраженной коллективной воле граждан придается правовая форма. Горизонтальная сеть самоуправляемых муниципальных образований образует своего рода «ткань» государственности, содержание государства, а государство, в свою очередь, выступает структурообразующей формой этой сети. Федерализм как вертикальное разделение государственных полномочий и ответственности получает свое логическое завершение именно на уровне местного самоуправления, органы которого несут двойную ответственность: перед органами государственной власти и непосредственно перед населением, наделившим муниципальную власть полномочиями по решению своих повседневных проблем. Более того, местное самоуправление - это система публичных корпораций, которые могут по ряду объективных причин выступать союзником как федеральных органов государственной власти против суверенизации регионов, так и органов государственной власти субъектов Федерации против сверхцентрализации Центра. Следовательно, местное самоуправление является механизмом укрепления федеративных отношений в Российской Федерации. Однако правовая база местного самоуправления, как показывает анализ Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г., пока еще далека от совершенства. Ряд норм этого закона не отвечают конституционному принципу самостоятельности органов местного самоуправления; недостаточно четко разделена компетенция муниципальных образований разных типов; некоторые статьи допускают отступления от общепризнанных демократических норм при формировании органов местного самоуправления. Эти и другие несовершенства закона и его нестыковки с Конституцией требуют

скорейшего пересмотра. Отмечая указанные недостатки, следует в то же время отдать должное позитивному потенциалу, заложенному в современной российской модели местного самоуправления. К началу 2006 года в соответствие с новым законом приведены практически все уставы муниципальных образований и законы субъектов Федерации, а это существенно уменьшает фрагментарность российского правового пространства. Можно заключить, что муниципальное строительство в рамках отечественного законодательства явится одним из ключевых факторов укрепления российского федерализма.

Поэтому на сегодняшний день приоритетное значение в оптимизации всей системы управления в России имеет именно создание и развитие эффективного муниципального управления. Это связано с действием следующих факторов:

- потребностью в дальнейшей демократизации всех сфер жизни российского общества, достижения баланса общегосударственной и региональной централизации с перераспределением властных полномочий и ресурсов между Федерацией, региональными структурами и местным самоуправлением (муниципальными образованиями);
- необходимостью сбалансирования интересов и отношений федеральных, региональных и муниципальных властных структур;
- необходимостью улучшения качества жизни большей части населения муниципальных образований;
- настоятельной потребностью использования потенциала самоорганизации и самоуправления населения в рамках муниципальных образований.

Таким образом, при всем демократическом значении самостоятельности местного самоуправления, это самостоятельность не может быть абсолютной, поскольку местное самоуправление действует в системе отношений публичной власти, в границах Российской Федерации как единого государства.

Местное самоуправление можно рассмотреть как первичное звено федеративных отношений. Что должно быть отражено, учитываться в реализации принципа разграничения предметов ведения и полномочий, тем более, что действующая Конституция Российской Федерации предусматривает возможность наделения властными полномочиями органов местного самоуправления (ст. 132), и это реализуется в новом Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Федералогия. — СПб. Литер, 2004. С. 77
2. Авакьян С.А. Состояние, проблемы и перспективы местного самоуправления// Местное самоуправление в России: состояние, проблемы и перспективы. - М., 1994. С. 47.
3. Болтенкова Л.Ф. Местное самоуправление в системе федеративных отношений. М., 2004. С. 19.
4. Стариков Ю.Н. Административное право: В 2 ч. Ч.1: История. Наука. Предмет. Нормы. - Воронеж, 1998. С. 205.

Ю.Ю. Пескова,

аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Социологический анализ проблем реализации кадровой политики в государственном управлении

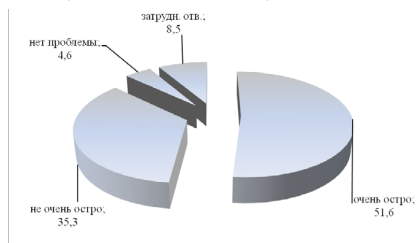
В вопросах кадрового обеспечения государственных органов, если его рассматривать как важнейшую задачу поддержания функциональности организаций в системе государственного управления, на первое место выходят проблемы кадровой политики и ее реализации. Соответственно этому, эти же проблемы становятся особо значимыми в процессах взаимодействия государства и гражданского общества, что часто определяет их актуальность в социологических исследованиях.

Этому же было посвящено авторское социологическое исследование «Современные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в области реализации кадровой политики в государственном управлении», проведенное в октябре 2012 г. (всего было опрошено в качестве экспертов 153 представителя органов государственного и муниципального управления, государственных и негосударственных предприятий, учреждений и организаций, общественных и политических организаций, учебных и научно-исследовательских учреждений, средств массовой информации).

Прежде всего, участникам исследования было предложено оценить, насколько остро для российского общества в современных условиях стоят проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в области реализации кадровой политики в государственном управлении. Мнения участников исследования показывают — эти проблемы не только достаточно существенны, но и активно проявляются — более половины экспертов определили их как очень острые, и еще более трети — как не очень острые, что, по крайней мере, можно расценить как признание наличия проблем взаимодействия государства и гражданского общества в области реализации кадровой политики в государственном управлении (см. Диаграмму 1).

Диаграмма 1.

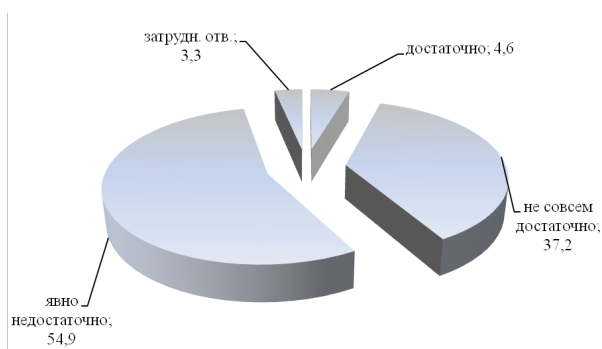
Оценка остроты проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в области реализации кадровой политики в государственном управлении

Анализ распределение мнений среди групп участников исследования показывает, что в каждой из них примерно равное количество представителей отмечает и повышенную остроту проблемы, и ее невысокое проявление, но только в группе представителей общественных организаций 22,6% ответили, что такой проблемы нет (они же составили 4,6% в общем массиве). Это можно рассматривать, в том числе, как признак недостаточной мотивированности отдельных структур гражданского общества к взаимодействиям с государством в кадровой сфере. Государственные структуры в целом, как показывают мнения участников исследования, больше мотивированы к таким взаимодействиям, и это вполне объяснимо, так как в существующих в современной России условиях государство выступает наиболее активной стороной в процессах формирования и развития гражданского общества.

Об этом же говорит и распределение мнений участников исследования о том, достаточно ли институты гражданского общества в России оказывают влияние на формирование кадровой политики в государственном управлении — более половины из них указали на явную недостаточность, и еще более трети на частичную (см. Диаграмму 2).

Диаграмма 2.
Оценка достаточности влияния институтов гражданского общества на формирование кадровой политики в государственном управлении

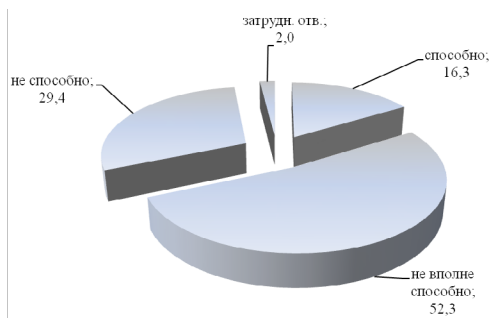
По этому вопросу распределение мнений по группам участников исследования в целом достаточно ровное и соответствует общему. Поэтому можно считать, что недостаточное влияние институтов гражданского общества на формирование кадровой политики в государственном управлении является проблемой, которую необходимо решать путем развития институтов и структур гражданского общества, способных участвовать во взаимодействиях с государством в этой области.

Данный вывод подтверждается и ответом участников исследования на вопрос, способно ли гражданское общество в России на современном уровне своего развития активно воздействовать на формирование и эффективность реализации кадровой политики в государственном управле-

нии большинство из них (в совокупности более 80% от общего количества) в этом, в той или иной мере не уверено (см. Диаграмму 3).

Диаграмма 3.

Оценка способности гражданского общества активно воздействовать на формирование и эффективность реализации кадровой политики в государственном управлении

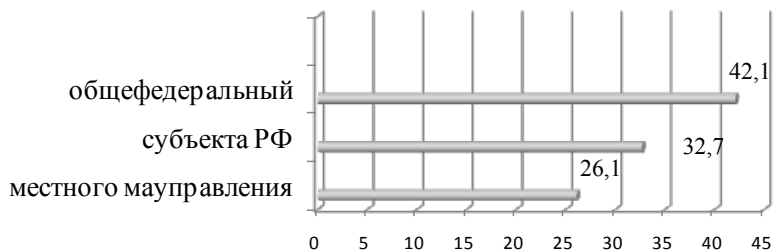

По данному вопросу также отмечается однородность в распределении мнений в группах участников исследования, что в значительной мере повышает объективность общей оценки, а также говорит о насущной необходимости развития гражданского общества как субъекта взаимодействия с государством в вопросах кадровой политики в государственном управлении.

Относительно того, на каком уровне в наибольшей мере проявляются проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в области кадровой политики в государственном управлении, мнения участников исследования распределились следующим образом (см. Диаграмму 4).

Диаграмма 4.

Оценка проблем взаимодействия государства и гражданского общества в области кадровой политики в государственном управлении по уровням их проявления

Мнения участников исследования показывают, что проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в области кадровой политики в государственном управлении достаточно заметно проявляются на всех уровнях. Но все же выделяется общефедеральный уровень, что можно связать с тем, что процессы формирования институтов в современных

условиях чаще всего инициируются «сверху», и по отношению к гражданскому обществу это очень заметно. В субъектах Российской Федерации также проблем взаимодействия государства и гражданского общества, в том числе и в кадровой сфере, к тому же на этом уровне свое влияние на кадровую политику, особенно в государственном управлении, оказывает и региональная специфика: то же можно сказать и о местном уровне. В частности, можно выделить влияние этносоциальных процессов на кадровую политику и формы и методы ее реализации в различных регионах, которое может, как положительно, так и отрицательно сказываться на результатах взаимодействия государства и гражданского общества. В этом отношении принципиально правильным можно считать следующее утверждение: «Конструктивный характер этносоциальных процессов означает развитие институтов гражданского общества и их влияние на эволюцию общественных отношений, расширение диалога граждан и институтов власти, поиск компромиссов, которые снижают конфликтогенность в обществе».¹ Данное положение в полной мере справедливо для сферы кадровой политики, в которой можно выделить и такой аспект, как регулирование представительства различных национальностей в органах власти.²

Проблемы во взаимодействии государства и гражданского общества в реализации кадровой политике в государственном управлении возникают по различным направлениям и проявляются неравномерно. Участникам исследования было предложено оценить, по каким направлениям необходимо в первую очередь активизировать взаимодействие государства и гражданского общества в реализации кадровой политики в государственном управлении. На основании распределения мнений участников исследования, по степени проблемности такие направления взаимодействия государства и гражданского общества можно подразделить на несколько категорий.

1 категория (выделена мнением более половины участников исследования):

- Антикоррупционная работа (59,5%).
- Отбор и назначение руководящих кадров (53,6%).

2 категория (выделена более чем третью мнений участников исследования):

- Духовно-нравственное развитие государственных служащих (39,9%).
- Соблюдение требований к должностному поведению государственных служащих (34,0%).

3 категория (выделена мнением от четверти до трети участников исследования):

- Подготовка специалистов для сферы государственного управления (32,7%).
- Кадровое обеспечение государственных органов (31,4%).
- Формирование резерва руководящих кадров (26,1%).

Первая категория направлений взаимодействия государства и граждан-

1. Кадровая политика: монография; под общ. ред. А.И. Турчинова. – И.: Изд-во РАГС, 2011. – С. 8 – 9.

2. Там же, с. 80.

ского общества в вопросах кадровой политики в государственном управлении является, по мнению участников исследования, наиболее проблемной. Это не удивительно, если учесть, что в нее вошли такие проблемные «темы», как противодействие коррупции и кадровые назначения на руководящие должности. Нужно отметить, что как раз по этим направлениям деятельность государственных структур всегда была, и сейчас во многом остается, малопрозрачной и слабо поддается общественному контролю. В последние годы, особенно после введения в действие законов, составивших так называемый «антикоррупционный блок», после развития президентских инициатив по исключению совмещения лицами, замещающими государственные должности и должности государственной службы, своей деятельности с участием в любых, не предусмотренных законом, видах деятельности, а также ситуаций, способствующих проявлению конфликта интересов, либо могущих повлечь за собой коррупционную опасность (например, владение активами коммерческих организаций), стали определяться положительные тенденции. Тем не менее, трудности взаимодействия государства и различных структур гражданского общества при выдвижении и оценке кандидатов на руководящие должности государственной службы остаются большими.

Вторая категория направлений взаимодействия государства и гражданского общества в вопросах кадровой политики в государственном управлении, согласно мнениям участников исследования, носит социально-нормативный характер. Это, прежде всего, проблемы с определением и выработкой критериев этичности поведения государственных служащих. Пока этические нормы поведения государственных служащих содержатся в более – менее концентрированном виде в Указе Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»³ и в различных нормативных правовых актах в виде прямых регламентирующих норм (например, для государственных гражданских служащих — в Федеральном законе №79-ФЗ от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). «В эти акты впервые в истории российского законодательства введено понятие служебного поведения государственных гражданских служащих, включены правовые предписания в форме требований и запретов, направленных на нравственное оздоровление государственной службы...».⁴

Однако законодательно нельзя установить, например, такую норму — государственный служащий должен быть высоконравственной личностью, духовно и морально развит, служить образцом для подражания и т.п. Это социальная норма, которая должна вырабатываться в тесном взаимодействии институтов государства и гражданского общества, в том числе в пла-

3. Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // СЗ РФ. 2002. № 33. Ст.3196.(с последующими изменениями и дополнениями)

4. Кадровая политика: монография; под общ. ред. А.И. Турчинова. – М.: Изд-во РАГС, 2011. – С. 21

не формирования механизмов интериоризации соответствующих такой норме социальных ценностей в личностном сознании государственного служащего. Вербализоваться такая социальная норма, с учетом всей специфики государственной службы, может в Кодексе этики государственного служащего, различные варианты которого уже неоднократно предлагались и активно обсуждаются.

Третья, наименее проблемная, с точки зрения участников исследования, категория направлений взаимодействия государства и гражданского общества в вопросах кадровой политики в государственном управлении относится, в целом, к сфере кадрового обеспечения государственных органов, что подразумевает и подготовку и профессиональное развитие государственных служащих, и формирование и работу с резервом руководящих кадров. Среди проблем, которые можно выделить по данным направлениям, помимо участия негосударственных учебных организаций в подготовке специалистов для государственной сферы, можно выделить кадровый обмен между государственными органами и негосударственными структурами, делегирование высокопрофессиональных специалистов из негосударственных структур в федеральные, региональные и местные резервы управленческих кадров, а также выработка согласовательных механизмов по назначению таких резервистов на должности государственной службы и др.

Таким образом, социологический анализ, проведенный в ходе работы над диссертацией, показал, что проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в реализации кадровой политики в государственном управлении имеют высокую степень остроты и значимости в современных российских условиях. Однако, гражданское общество еще не имеет той степени институционального развития, которая позволила бы ему активно влиять на формирование кадровой политики. Вместе с тем, в развитии гражданского общества, с точки зрения повышения эффективности кадровой политики, заинтересовано государство, которое готово на конкретно-субъектных уровнях к взаимодействию с гражданским обществом, в том числе, по таким важнейшим направлениям, как антикоррупционная работа и отбор и назначение руководящих кадров.

И.В. Ефремова,

*соискатель кафедры национальных и федеративных
отношений РАНХиГС при Президенте РФ*

В.В. Янускина,

*специалист кафедры национальных и федеративных
отношений РАНХиГС при Президенте РФ*

Этнофедеративные аспекты трудовых отношений в досоветской России

Берясь за разработку вопроса, содержащегося в названии статьи, авторы исходили из того, что в более чем тысячелетней истории России фактор федеративности и этничности играл значительную роль во всех сферах жизни общества. Не остались в стороне и трудовые отношения, хотя, на первый взгляд, казалось бы, эти отношения менее всего подвержены воздействию федерализма и многонациональности. Но, как показало исследование, это только на первый взгляд.

Коротко изложим основные вехи исследования.

Исторически доказанными истоками Древнерусской государственности можно считать Новгородскую федерацию, представлявшую собой союз (объединение) трех племен – кривичей, словен, чудь¹. Именно эти племена-федераты составили основу будущей Новгородской республики, добровольно пригласив в качестве «управленцев» представителей рода «Рускаго».² Федерализм Русской (Российской) государственности, как видим, закладывался изначально, хотя его последующая судьба была сложной, неоднозначной. Многоэтничность Новгородской, а затем Древнерусской государственности – факт тоже доказанный. Кроме славянских племен (кривичей и словен) ее создавали угрофинские племена под общим названием «чудь» и варяги-русы (русские). Тем не менее, утверждать, что многоэтничность и федерализм влияли на характер трудовых отношений, скорее невозможно, чем возможно. В феодальном обществе трудовых отношений, в их более позднем понимании, не было. Единственное, что с полным основанием можно отметить, это пополнение холопства (самая низшая социальная ступень) за счет плена. Но пленение происходило не по этническому признаку, а вследствие побед в войне. Хотя разностатусность холопов на Руси – явление доказанное. «Русская Правда» (источник права) выделяет категории холопов, жизнь которых защищалась более высоким наказанием: обслуживающий персонал княжеского и боярского дворов. К ним относились слуги, воспитатели детей, ремесленники и т.д. Социально-этнический «оттенок» можно заметить в уголовном праве Древней Руси.

1. См.: Болтенкова Л.Ф. Учение о федерализме и его реализация в развитии государств. В двух томах. – М.: РАГС, 2007; Болтенкова Л.Ф. Становление и развитие Российского многонационального государства (VI в. – настоящее время). Т.1. – М.: Этносоциум, 2011.

2. Термин «взят» из Договора Руси с Византией 907 г.

К примеру, Русская Правда трактует: «Положити за голову 80 гривен, аще будеть княжь муж или тиуна княжа; аще ли будеть русинь, или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то 40 гривенъ положити за нь».³ Как видим, за убийство русина штраф назначен 40 гривен, как и за убийство славянина. Но интерес состоит в том, что этническое в процитированной норме переплетается с социальным: гридь, купець, тивун бояреск и т.д. Это же социальные группы людей.

Побыв в составе Древнерусского государства, Новгород затем несколько столетий был самостоятельным. Характер общественных отношений в нем отличался от других государственных образований. Во-первых, Новгород – государство федеративное. Во-вторых, – демократическое. В-третьих, Новгород являлся центром торговли русских земель с западно-европейскими странами. Общественные отношения в таких условиях строились на более либеральной основе. В Новгороде даже холопов обучали грамоте. Но трудовые повинности возлагались на них и на другие низкие социальные группы: ремесленники, смерды (крестьяне) и т.д.

В Русском (Московском) государстве XIV – XV вв. элементы конфедерализма проявлялись в праве отъезда и выборе своего сюзерена по своему усмотрению. Отъезжающий боярин не терял своих вотчин, но служебные (служилые) отношения заканчивались. Элементы федерализма выражались в заключении договоров, на основе которых устанавливались служилые отношения. В определенное время (XIV – XV вв.) право отъезда было выгодно Московским князьям, ибо к себе они переманивали бояр, удельных князей, что способствовало собиранию русских земель, формированию централизованного Русского государства. Постепенно усиливаясь, Московские князья ограничивают, затем запрещают право отъезда, лишая за отъезд вотчин. В XVI-XVII вв. отъезд считается государственным преступлением. В основном из холопов формировался новый слой людей-управленцев: «слуги под дворским», а боярин превращается в придворный чин. Ему противостоит дворянин, «выросший» из «слуг под дворским». Сельское население получило название «крестьяне» взамен «смерды». Статус их был разный, что накладывало отпечаток и на трудовые отношения. Одни – владельческие, принадлежали помещикам, другие – чернотягловые – государству (относительно свободные люди). Интересно то, что в процессе «участвует» договор: князья заключали договоры о непринятии на свои земли чужих тяглых людей. Крестьяне теряли право переходить от одного господина к другому. То есть, элемент федерализма (договор) служил не обеспечению свободы, а закреплению, к ограничению свободы выбора господина. Тем не менее, еще долгое время сохранялся разный статус крестьян. В XV в. стирается статусная грань между холопами и крестьянами, зато появляются кабальные люди. Кабала возникла из долговой зависимости. Ремесленники и торговцы также несли государственные повинности и платили налоги.

Во второй половине XVI-XVII вв. сохраняются феодальные отношения. Но Русское государство превращается в Россию. Боярско-княжеская аристократия противилась централизации государства. Дворянство было заинтересовано в этом, оно «кормилось» службой. Конфликт послужил поводом для опричнины Ивана Грозного: нужно было вырвать власть из рук князей и бояр. Основной социальной опорой царской власти после опричнины

3. Российское законодательство X-XX вв. Т.1. М., 1984. С.64

становится дворянство. Но ненадолго, ибо бояре и бывшие удельные князья своим поведением спровоцировали Смуту, которая чуть не привела к гибели России. Крестьяне постепенно прикреплялись к земле и хозяину. Холопство исчезало. В среде городского населения назревал конфликт по поводу тягла (налогов, повинностей). Конфликт вылился в восстание 1648 г., который во многом изменил статус городов. К середине XVII в. Россия расширяется территориально, более многонациональным становится ее население.

Этот аспект отражается на общественных отношениях в виде особенностей управления в зависимости от местных условий. К примеру, Украина. Вхождение Украины в Россию (1654 г.) закреплялось царскими грамотами от 21 и 27 марта 1654 г. («Мартовские статьи»). Но приняты они были по просьбе самой Украины, ее инициативе. В «Мартовских статьях» определялся статус различных групп населения и Украины в целом. «Мартовские статьи» - выражение федерализма. Обеспечивались права и вольности войска Запорожского и привилегированных сословий, подтверждались выборность гетмана и местной администрации, традиционное судопроизводство, допускалось право сношения с иностранными государствами, действовало казачье право вплоть до середины XIX в.

В XVIII в. в России начинают зарождаться капиталистические отношения. Появляется новый слой людей: купцы-капиталисты и предприниматели из крестьянской верхушки. К концу первой четверти XVIII в. действовало много мануфактур. Форма организации труда изменилась, но суть эксплуатации осталась – крепостничество. Пожалуй, это является одной из российских особенностей: соединение феодального элемента с капиталистическим, при верховенстве феодального. На Западе, по словам К.Маркса, - «абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой».⁴

В России XVII-XVIII вв. формируются сословия – большие группы людей, объединенные единым правовым статусом, передаваемым, как правило, по наследству. При этом промежуточные слои включаются в конкретные сословия, обычно более низкие. Например, служилая «мелкота», ранее примыкавшая к феодалам, во второй половине XVII в. причисляется к тяглому населению. Сословия становятся замкнутыми, что делало почти невозможным переход из одного в другое. Всё население Империи со времен Петра I делилось на две категории – податное и неподатное. Сословий было четыре: дворянство, духовенство, мещанство и крестьянство. Дворянство наделялось одинаковыми правами и обязанностями (Указ о единонаследии 1714 г., Табель о рангах 1722 г., Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству 1762 г., Жалованная грамота дворянству 1785 г.⁵). Отметим, что княжеский титул был древнерусского происхождения (отечественный), а титул графа и барона – иностранного происхождения и введены Петром I. «Труд» дворян заключался в военной и гражданской службе. Такое состояние сохранялось до принятия Жалованной грамоты 1785г. Этим документом обязательная служба государству была отменена.

Дворянство освобождалось от податей и всякого рода повинностей, оно являлось политически сильным сословием.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т.4. С.306

5. См.: История государства и права СССР. Ч.1. Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. – М. 1985. С. 158-162.

Мещане представляли городское население. Со времен Петра I их статус регулировался «Регламентом главному магистрату» (1721 г.). Это было податное сословие. В 1785 г. была издана Жалованная грамота городам, согласно которой городское население делилось на шесть разрядов: настоящие городовые обыватели; купцы; ремесленники; иногородние и иностранные гости; крупные капиталисты, банкиры, владельцы кораблей, ученые, художники, лица, занимавшие выборные городские должности; посадские люди (владельцы трактиров, бань, постоялых дворов и т.д.). «Трудовая часть» жителей городов несла различного рода повинности: подушная подать, рекрутская обязанность, постоянная, дорожная, мостовая и т.д. повинность.

Крестьяне и холопы оказались в одном сословии – крестьянство. По переписи 1718 г. в это сословие включили «гулящих» людей, однодворцев и нерусские народы Поволжья, Приуралья. На этом сословии лежала основная доля повинностей. Крепостное право сохранялось.

С учетом расширения территории государства возрастало количество этносов, входящих в состав Империи. Подчеркнем, что инициатива вхождения принадлежала элитам этих народов. Формой вхождения был договор.⁶ Договор, как известно, основа федерализма в сфере государственного строительства. С этой точки зрения следует отметить, что вошедшие в Империю территории сохраняли определенную автономию, что отражалось и на статусе подданных. Мы согласны с тем, что «при всем разнообразии оценок и полемичности суждений относительно административного опыта российской государственности исследователи в своем подавляющем большинстве сходятся во мнении, что он в той или иной степени отражал традиции и управленческие практики местных народов»⁷.

Специфика наблюдалась и в регулировании «трудовых отношений»⁸. Правительство старалось опираться на систему, близкую и родную местным жителям, привлекая на свою сторону местную элиту (знать): даровали чины, дворянство, землю и т.д. Учитывался образ жизни, природно-хозяйственные условия и военно-политическая обстановка. Даже повинности одного и того же этноса, но рассредоточенного по разным местам, были разные, не говоря уже о том, что, к примеру, повинности хакасов и башкир были разные, а у народов Северного Кавказа – другие. «Вхождение башкир в Русское государство способствовало этнической консолидации башкир. Общение с русским и другими народами помогло дальнейшему развитию хозяйства, торговли, духовному обогащению», – пишут башкирские авторы.⁹ Грамотой Посольского приказа (XVIII в.) калмыкам разрешалось «кочевать по Волге по ногайской стороне, и по Ахтубе, и по белужью или близко наших городов, где они кочевать хотят».¹⁰ Родоплеменная организация сохранялась у многих народов Сибири. Как уже отмечалось, повинности были разные. Например, самый большой ясачный оклад платили остяки Нарымского, Томского и Енисейского уездов, а самый маленький – камчадалы, ненцы,

6. См.: Болтенкова Л.Ф. Становление и развитие Российского многонационального государства (VI в. – настоящее время). В 4-х книгах. М., 2011-2013.

7. Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макро-региона / Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев, М.А. Агларов [и др.]. – Ростов н/Д, 2012. С.33

8. Термин берется в кавычки, поскольку в условиях крепостного права сложно говорить о наличии правовых трудовых отношений.

9. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. С.30.

10. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – М., 1967. С.112.

тувинцы и некоторые буряты.¹¹ При этом никто не диктовал относительно и формы труда, рода занятий. Отметим, что в среде управленцев старались назначить людей, знающих местные языки и обычаи. В Сенате и Синоде были люди, знающие языки народов России.¹²

Век XIX и начало XX в. (до революции 1917 г.) принципиально не изменил подхода к управлению народами России, хотя реформ проводилось много. Принцип отношения к входящим в состав Империи народам остался прежним, хотя в отдельных случаях отклонения были, но вызваны они, как правило, политическими мотивами и в сфере политических отношений, и в сфере труда. Были, конечно, категории населения, которые не допускались до государственной службы в связи с этническим происхождением или по религиозным мотивам, но это не являлось ключевым направлением политики. Напротив, положение русского населения почти повсеместно было более плохим. К примеру, крестьяне Прибалтики были освобождены от крепостной зависимости еще в 20-е годы XIX в. Для крестьян Белоруссии, Украины и Литвы были государством установлены пределы оброка. В Финляндии, как известно, функционировал «свой» Сейм, Правительственный совет. В местном управлении сохранялось корпоративное устройство, куда входило в основном шведское дворянство. Особый статус имела Польша (до восстания 1830-1831 гг.). Тем не менее, крепостное право там было отменено раньше. Положение городского населения тоже отличалось в лучшую сторону. В Прибалтике в интересах немецких баронов и бюргерства сохранялись их местные нормы права. Отмена крепостного права изменила общественно-политическую ситуацию в России. Несмотря на издержки реформ, Россия вступила в капиталистический период развития. А это значит, появился рабочий класс и сельская буржуазия. Российская промышленность настолько шагнула вперед, что наступил кризис перепроизводства. Однако достижения были вызваны, в том числе, и усилением эксплуатации рабочего класса, труд которого не ценился в соответствии с результатами. Намечались противоречия между буржуазией и рабочим классом. Относительно этнофедеративных особенностей трудовых отношений следует подчеркнуть, что даже наступление капитализма не исключало этих особенностей, хотя движение в сторону единства правового поля все же замечалось. Что касается особенностей. Обратимся к практике управления Кавказом. В 1840 г. был создан Комитет по делам Закавказского края и ему было поручено разработать законопроекты специально для управления Кавказом.¹³ В состав Кавказского края вошли все российские земли (владения) на Северном Кавказе и в Закавказье, включая Кавказскую область, переименованную в 1847 г. в Ставропольскую губернию и Кавказскую линию. В губернских судах часть мест отводилась кавказским народам. Уездные советы правосудия состояли из русских и кавказцев. Активно вовлекалось местное население в низовые органы власти. Восстанавливались имущественные и социальные права беков и агаларов

11. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. – М., 1955. С. 813-823.

12. См.: Костомаров Н.М. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 2008. С. 912.

13. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ) Собр. 2. Т. XVII. № 16008.

в мусульманских районах края. В 1847 г. Дербентская губерния с шамхальством Тарковским и ханством Мехтулинским образовали Прикаспийский край, где проводилась гибкая региональная политика. Широко распространялось образование, с целью чего было принято в 1847 г. «Положение о Кавказском учебном округе». Сеть учебных заведений учитывала этнические, религиозные и правовые особенности населения. Значительное количество местных уроженцев направлялось на учебу в столицу России. К началу 1850-х годов их там было 160 человек.¹⁴ Так формировалась кавказская элита, вливаясь в общероссийскую. Надо отметить, что территории, охваченные боевыми действиями, управлялись военными людьми и по другим правилам. В ходе реформ второй половины XIX в. и после них на Кавказе общеимперские административные меры распространялись только при их соответствии специфическим условиям края. Формы и характер труда оставались те, что сложились исторически.

Такой же специфический подход осуществлялся в управлении Туркестанским краем. К управлению краем и областями привлекались местные люди (аксакалы), действовавшие на основе местных обычаев.

Так, шаг за шагом, на просторах российского пространства создавалась общность экономической жизни, отмирали племенные и территориальные диалекты, возникал общенациональный язык, росла и крепла национальная культура, формировалось национальное самосознание. В то же время противоречия в сфере политики, труда и экономики привели к падению империи, а вместе с этим и старых общественных (в том числе и трудовых) отношений.

Литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис., 1885. Т.Х. С. 897.
2. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. С.30.
3. Болтенкова Л.Ф. Становление и развитие Российского многонационального государства (VI в. – настоящее время). В 4-х книгах. М., 2011-2013.
4. Болтенкова Л.Ф. Учение о федерализме и его реализация в развитии государств. В двух томах. – М.: РАГС, 2007.
5. История государства и права СССР. Ч.1. Под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. – М. 1985. С. 158-162.
6. Костомаров Н.М. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 2008. С. 912.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т.4. С.306.
8. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – М., 1967. С.112.
9. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. – М., 1955. С. 813-823.
10. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ) Собр. 2. Т. XVII. № 16008.
11. Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона / Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев, М.А. Агларов [и др.]. – Ростов н/Д, 2012. С.33
12. Российское законодательство X-XX вв. Т.1. М., 1984. С.64.

14. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис., 1885. Т.Х. С. 897.

Д.Р. Ахмедова,

*участник программы Института экономико-политического
развития управления социальных программ «Город XXI век»*

Деятельность руководителей по управлению персоналом государственной гражданской службы

Для оценки деятельности по управлению персоналом руководителя в определенной мере приемлемы основные требования к служебному поведению государственного служащего, содержащиеся в Федеральном законе (№79-ФЗ, ст.18). Руководители замещают должности соответствующей категории государственной службы, следовательно, они обязаны выполнять эти требования в полном объеме, показывая пример подчиненным.

Закон требует:

- 1) исполнять должностные обязанности добросовестно на высоком профессиональном уровне;
- 2) исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл и содержание его профессиональной деятельности.

Статус руководителя государственного органа в системе управления персоналом этого органа определяется нормативными правовыми актами, прежде всего Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской службе» (2004г.). Как представитель нанимателя (государства) руководитель решает все вопросы управления персоналом, играет ведущую роль в системе этого управления. Абсолютный приоритет в этой системе придает ему определение понятия о государственной гражданской службе в соответствующем Законе, как « профессиональной служебной деятельности по обеспечению полномочий государственных органов и лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации». Этим положением подчеркивается, что нет никакого другого государственного органа, который мог бы поправить, изменить или отменить кадровое решение представителя нанимателя. Словом, государственная служба заканчивается юридически на ведомстве. Это создает массу трудностей в модернизации системы управления персоналом государственной службы. Однако социология позволяет расширить горизонты рассмотрения проблемы роли руководителя в системе управления персоналом, какой бы всеохватывающей она не была. При этом важно учитывать, что в категорию «руководители» входят и руководители среднего звена.

Так, о роли руководителей в системе управления персоналом государственной службы свидетельствуют данные с экспертного опроса. На вопрос, «Чем преимущественно руководствуются служащие государственного органа при выполнении своих должностных обязанностей», 60% экспертов отметили позицию - «указаниями

непосредственного руководителя (первое место), на втором месте позиция с большим отрывом - «должностными регламентами» - 37,5%¹.

Руководство государственного органа представляет собой процесс управления поведением других людей в интересах достижения определенной цели. В этом смысле управление означает стимулирование людей действовать определенным образом или же следовать определенному курсу. Это вызвано такими факторами, как утвердившаяся политика организационной системы, процедуры, характеристики работы. Центральная проблема, стоящая перед руководством государственного, - это выполнение определенной задачи через посредство людей. Руководители призваны обеспечивать выполнение работы посредством других людей. Об их успехах судят не по тому, что они делают сами, а по тому, как они вдохновляют на работу других. Руководители, которые учитывают только фактические возможности своих подчиненных, не получают от них ничего большего, тогда как руководители, которые учитывают потенциальные возможности своих подчиненных, способствуют их творческому росту и раскрытию их потенциала. Руководители призваны убедить своих подчиненных в том, что они могут работать лучше. Учитывая ведущую роль в системе управления персоналом руководителей государственных органов, представляет интерес оценка экспертов их знаний о коллективе как объекте управления персоналом. Четверть экспертов считает, что руководители знают свой коллектив хорошо, половина - скорее знают, чем нет, а еще четверть скорее не знают, чем да и не знают чем да².

Успешный руководитель максимально руководствуется правилами и процедурами внутрикорпорационной жизни. При этом он стремится к тому, чтобы быть демократом настолько, насколько это возможно.

Изучение личности, умение понять, распознать личность - большое искусство руководителя, который должен знать своих людей с их слабыми и сильными сторонами.

По мнению успешных руководителей, необходимым условием успеха является привлечение работников к обсуждению проблем. В системе управления персоналом наибольшее влияние на решение кадровых вопросов оказывают руководители государственных органов. Эксперты в рамках пятибалльной шкалы, оценили влияние руководителей государственных органов в пять баллов, руководителей средних подразделений - три бала, мелких подразделений - два бала, руководителей кадровых служб государственных органов - один балл³.

Для руководителей важна обладать культурой нравственного сознания управления персоналом. Личный авторитет руководителя может находиться только на фундаменте нравственной культуры в единстве трех ее компонентов: культуры нравственного сознания, предполагая наличие таких личностных качеств, как честность, порядочность, справедливость, гуманность, интеллигентность; культуры нравственных чувств, определяющих характер

1. Индекс: АП ГГС - 06э.

2. Индекс: РУПГС-10э.

3. Там же.

отношения к обществу, гражданам, окружающим, к самому себе: культуры поведения как воплощения нравственных убеждений и установок в конкретных поступках, в определенных формах этикета, включающих знание правил поведения, умение ими пользоваться в конкретной ситуации и навыки, доводящие исполнение этих правил до автоматизма.

Как показывает опыт, основное влияние на принятие неэтичных решений служащими оказывает поведение их руководителей.

Подавляющее большинство опрошенных (90)% в ходе проведенных социологических исследований убеждены, что большая роль моральных требований придает серьезное отношение к ним со стороны руководства. По их мнению, самое главное - чтобы руководство само показывало образец нравственного поведения.

В широком смысле, «то, что делает и как ведет себя руководитель» - основной фактор влияния на поведение подчиненных. Таким образом, ведя себя этично, руководитель может заметно влиять на этику поведения своих подчиненных.

Непременными условиями формирования высокой нравственной культуры современного руководителя являются:

- социальная востребованность тех нравственных качеств, которые необходимы лидеру, и наличие механизма противодействия проявлениям авторитаризма и неэтичности во взаимоотношениях с подчиненными;
- постоянное этическое образование как неотъемлемая составляющая профессионального образования и повышения квалификации кадров персонала управления;
- самообразование и самовоспитание как способ формирования социально востребованных качеств;
- «прозрачность» и открытость руководителя в вопросах не только его доходов, но и поступков и действий, поддающихся моральной оценке, корреляции и воздействию;
- наличие четких критериев нравственной оценки и практическое использование их в процедурах отбора, расстановки и карьерного продвижения кадров.

О проблемах с нравственностью в системе управления персоналом свидетельствует следующий факт. Руководители государства неоднократно обозначают проблему нехватки квалифицированных кадров («кадровый голод»). Однако основной причиной этого состояния является не система подготовки кадров (13,4% ответов), а привлечение и выдвижение кадров по знакомству, личной преданности, то есть моральный фактор.

Главная проблема связана с особенностями труда руководителя любого уровня в системе управления персоналом. Сущность руководства состоит во взаимодействии людей, единоначалии и групповой самоорганизации. Властная вертикаль неизбежно дополняется самоуправлением снизу. Вынужденное делегирование прав и полномочий касается всех функций руководителя, даже «святая — святых»- принятия управленческих решений.

Согласно теории «человеческих отношений», руководителю важно лично направлять подчиненных к достижению целей организации посредством определения норм их поведения, реагирования на их нужды, запросы. При этом влияние на подчиненных, использование творческого потенциала других составляет основу руководства.

Предметом труда руководителя является вся совокупность управленческих, организационных, межличностных отношений в системе управлении персоналом. Ее эффективность во многом зависит от действий руководителя государственного органа. Однако если руководитель не учитывает закономерности развития управления персоналом в современных условиях, его ждет неизбежный провал. Умение обращаться с людьми - самое главное искусство руководителя. Это определяет место управления персоналом в деятельности руководителя любого ранга.

Совместная деятельность людей основывается на общих и специфических закономерностях. Общие закономерности поведения работников любой организации, в том числе государственной гражданской службы определяются целями и принципами организации. Специфические закономерности вытекают из того, что государственная служба - это управление общественными процессами от имени государства.

В настоящее время наиболее распространенной остается функциональная модель управления персоналом государственной службы. Исходя из этого, важно определиться с функциями руководителя государственного органа в системе управления персоналом.

Приписываемые ему функции не являются прерогативой одного лица, эти функции обычно распределены между государственными служащими, прежде всего находящимися в категории должностей «Руководители», а также высшей и главной группе должностей государственной гражданской службы.

В государственных органах различают линейных и функциональных, или штабных руководителей по аналогии с армейскими полевыми и штабными офицерами.

Функциональные руководители возглавляют отдельные подразделения и службы в организационно - функциональной структуре управления. Каждая такая служба отдел кадров, плановый отдел, отдел труда и зарплаты, конструкторское бюро и пр.- выполняет одну возложенную на нее функцию, при этом задачи общего руководства: организация, целеуказание, координация, несение ответственности, коммуникативные функции и воспитание - это дело линейных руководителей.

В системе управления много внимания уделяется классификации функций руководства. Первая классификация была предложена в 1916 г. французским инженером А.Файо, который выделил пять административных операций: предвидение, организацию, распоряительство, согласование и контроль. В настоящее время известно до двух десятков подобных функций. В них входят: несение ответственности, принятие решений, маркетинг, составление бюджета, установка и изменение при необходимости корпоративных ценностей, норм, правил, символов и многое другое.

Однако попытки описать сущность и содержание деятельности руководителя посредством перечисления его функций не увенчались успехом. Дело в том, что в реальной деятельности руководителя любого уровня, чем бы конкретно он не был занят, все операции и функции руководства присутствуют одновременно. Например, если он в данный момент планирует коллективную работу, то в его деятельности

одномоментно присутствуют коммуникативные функции: он принимает решения, определяет задания кому что поручить, анализирует обстановку, прогнозирует последствия принимаемых решений, мотивирует и даже воспитывает подчиненных всем образом своих действий. При этом руководитель, конечно, несет ответственность за результаты своих решений своим поведением отдаленные последствия.

Другая причина, почему рациональная модель принятия решений не позволяет вскрыть внутреннюю сущность труда руководителя, состоит в том, что абсолютно все функции руководитель при желании может делегировать подчиненным, включая и такие стратегические функции, как постановка целей, воспитание и несение ответственности.

Третьей особенностью роли руководителя в системе управления персоналом является его отношение к принятию кадровых решений. Порой утверждается, что руководитель отличается от исполнителя тем, что именно он принимает решения, а исполнителю остается их реализация. Однако и здесь, признавая ведущую роль руководителя в принятии решений, следует отметить других субъектов управления персоналом: любые кадровые решения — это плод коллективных усилий, группового творчества, использования информации, которой владеет широкий круг людей, причастных к принятию решений. Разумеется, это осложняет оценку эффективности действий руководителя в системе управления персоналом. Здесь важно различить процесс разработки кадровых решений и их утверждения.

Принципиально важным отличием места руководителя в системе управления персоналом от других субъектов этой системы является то, что этот руководитель в той или иной степени является лидером коллектива государственного органа. С позиций совместной деятельности персонала этого органа руководитель принимает на себя часть неформальных функций.

1. Во – первых, он устанавливает и поддерживает эталоны приемлемого группового поведения: доброжелательность, ответственность, взаимопонимание, производительность, или негативные формы поведения группы: агрессивность, обособленность, стяжательство и пр.

2. Во - вторых, установив нормы, цели, обычаи и традиции деятельности и поведения, неформальный лидер мотивирует поведение каждого члена группы, заставляя его следовать эталонам группового поведения.

Мотивацию лидер осуществляет по- разному: взглядом, жестом или словом, своей оценкой действий члена группы и т.д. К лидеру добровольно и не всегда полностью осознанно присоединяется большинство членов группы, одобряя или порицая его действия. Зависимость социометрического статуса каждого члена группы от групповой солидарности и внутригруппового контроля делает коллектив в социально-психологическом плане эффективным средством воспитания, или в более широком смысле - институтом социализации.

Руководитель государственного органа как лидер, призван выполнять ряд функций по управления персоналом:

- координатора группового поведения (распределяет роли, обязанности, задания);

- контролера поведения каждого члена группы (наблюдает за исполнением порученных ролей, обязанностей, заданий);
- планировщика действий и средств, при помощи которых группа достигает своих целей (эта функция может включать в себя определение как краткосрочных, так и долгосрочных планов групповой деятельности);
- политика (устанавливает дополнительные цели и основные линии группового поведения, помимо формально-организационных целей, которые определяют границы первичного трудового коллектива; лидер-политик может предложить и такие цели, как соревнование с другим коллективом, освоение новой техники, овладение смежными профессиями);
- эксперта (почти во всех случаях, когда члены группы зависят от человека, технические знания и квалификация которого необходимы для осуществления групповых целей, вокруг этого лица происходит поляризация власти, которую он может использовать для укрепления своей роли лидера);
- представителя группы (представляет всех членов группы, их коллективный разум, интересы, волю, желания и т. д.);
- арбитра (выступает как судья, прокурор, защитники и утешитель, мотивируя поведение членов группы; использует неформальные социальные санкции, выражают уважение тем, чье поведение соответствует их ожиданиям, и проявляют недовольство теми, кто не оправдывает их надежд);
- примера :служит эталоном, моделью поведения для остальных членов группы, т.е. обеспечивает их наглядными указаниями, кем они должны быть и что делать, при этом особое место в сознании людей занимают лидеры референтных групп;
- символа группы: группы с высокой степенью сплоченности членов, которые стремятся не только к внутренним, но и к чисто внешним отличиям от остальных индивидуумов; члены таких групп прибегают к определенным знакам отличия в одежде и поведении - галстукам, нашивкам, знакам, ритуалам приветствия; лидеры таких групп начинают выполнять функции символов; их имена присваивают всему движению и косвенно его участникам;
- носителя ответственности: лидер освобождает членов группы от индивидуальной ответственности за личные решения и действия;
- «отца»: истинный лидер - это фокус всех положительных эмоций членов группы, идеальный объект идентификации и чувства преданности. Отецеская роль во многом объясняет ту почти беспредельную власть, которую иногда приобретают лидеры при определенных условиях; в патерналистической концепции руководства, широко распространенной в Японии, эта функция является самой важной и всеобъемлющей, особенно для низовых руководителей;
- носителя групповой вины: иногда лидера в этой функции называют козлом отпущения; действительно, негативный эмоциональный лидер в том случае, когда выйдет из проблемной ситуации, окажется объектом нападок и обвинений; это происходит в тех случаях, когда будут утрачены иллюзии относительно действительных целей и личности своего лидера. Здесь важно иметь ввиду, что статус руководителя предопределяет его роль в системе

управления персоналом. Эта роль доминирующая, властная, творческая.

В связи с проблемой лидерства различают руководителей по должности и лидеров по влиянию. Руководство по должности делает власть все более и более централизованной и соответственно все менее и менее эффективной.

Руководителю по влиянию подчиняются не потому, что должны, а потому, что хотят подчиняться. Власть его менее регламентирована, и поэтому в случае необходимости он может требовать, чтобы подчиненные тоже вышли за рамки регламента. Идеальным становится тот случай, когда руководитель по должности и руководитель по влиянию совмещаются в одном лице. В современных условиях попытки опираться всецело на принцип приказа и подчинения не может принести положительные результаты в управлении персоналом.

В литературе обращается внимание на то, что авторитарные руководители, подавляют волю своих подчиненных и стремятся выжать из них результаты без обращения к мотивационным средствам. По этому они прибегают к всеохватывающему контролю поскольку не уверены в том, действительно ли ему сотрудники работают добросовестно. Авторитарные системы управления не без основания отличаются тем, что имеют множество различных уровней контроля и обилие контролируемых инстанций. При этом расходы на организацию контроля зачастую превышают получаемую «экономия». Сами формы контроля в свою очередь способствуют тому, что люди постоянно ощущают себя под подозрением. Такой контроль по существу постоянно унижает честных людей, которые считают что с ними обращаются, как с обманщиками и лентяями.

В настоящее время и на государственной гражданской службе такие методы неэффективны. Государственного служащего не всегда можно запугать, ему не всегда страшно увольнение, поскольку служащие обладают высоким уровнем профессионализма и востребованы в других сферах. Кроме того, государство несет потери от текучести кадров и замаскированного нежелания служащих эффективно трудиться. Управление персоналом только тогда эффективно, когда оно обеспечивает условия для выполнения поставленных задач гуманным, экономичным и рациональным образом. В данной связи обращают на себя внимание доводы специалистов по рассматриваемой проблеме, ставящих под сомнение популярную ранее концепцию, согласно которой человек по своей природе ленив и его поведением можно манипулировать по схеме «стимул - реакция» путем поощрения и наказания. В настоящее время более применяется теория, в которой обосновывалась мысль о том, что для людей характерно стремление к самореализации, что когда они заинтересованы в результатах своего труда, могут мобилизовать огромную внутреннюю энергию, что сознание успеха оказывает большое влияние на их готовность трудиться.

Руководители как основное звено системы управления персоналом государственной службы должны обладать лидерскими качествами.

В США модель основ квалификации руководителей в государственной службе предусматривает в качестве ключевых характеристик - лидерство: «Лидерство и мотивированное управление для развития видения.

Стратегическое планирование и управление качеством во всех сферах деятельности организации. Поощрять творческое мышление и инновации; влияние на других для развития услуг населению. Формировать и реализовывать новые и актуальные программы и процессы»⁴.

В России, по мнению экспертов, из числа государственных служащих, такими качествами обладают треть руководителей, более половины - скорее обладают, чем нет. Пятая часть руководителей, по оценке экспертов, такими качествами не обладает⁵.

Руководителю как ведущему звену в системе управления персоналом приходится использовать теории организационного поведения людей. Человек, вступая в коллектив государственного органа, теряет степень свободы поведения, вынужден избирать лишь те линии поведения, которые приняты в этом органе и государственной гражданской службе.

В литературе приводятся следующие характеристики руководителя:

1. С точки зрения установок в отношении подчиненных:

- утверждение права на руководство;
- доверие к подчиненным;
- доступность и открытость;
- стремление помочь подчиненным быть более эффективными;
- предупредительность в общении с подчиненными.

2. С точки зрения участия:

- предоставляет подчиненным свободу при решении проблем, связанных с работой, там, где нет необходимости в стандартизации методов, и изобретательность отдельного работника может принести пользу общему делу;

- поощряет участие работников, но только на основе действительной заинтересованности в использовании конструктивных предложений и лишь там, где подчиненные рассматривают участие как законное.

3. С точки зрения технологии и планирования:

- использует и поощряет работников использовать соответствующую технологию для достижения поставленных целей, т.е. упрощения работы;

- является действенным плановиком в терминах как долгосрочных, так и краткосрочных целей.

4. В терминах стандартов и оценок исполнения:

работает вместе с подчиненными при постановке достижимых, но высоких стандартов исполнения и высоких целей, совместных с целями организации;

- оценивает работников на основе объективных и измеримых критериев выполнения работы.

5. В терминах функции связующего звена:

- служит в качестве эффективного связующего звена с высшим руководством и подразделениями организации;

- пользуется влиянием на начальство, что позволяет добиться повышения заработной платы и других благ.

4. Лобанов В.В. Работа с высшим административным персоналом в США. М.: ГУУ.1999. С.29.

5. Индекс: РУПГС-10

6. С точки зрения вознаграждений и поправок:

- использует ошибки подчиненных не в качестве предлога для наказаний, а как возможность совершенствования их знаний и навыков;
- высоко ценит хороший труд.

Более дробную классификацию типов менеджера дает И.Ансофф. Он выделяет лидера, администратора, планировщика и предпринимателя. Характерные черты лидера: умение общаться с людьми, способность распознать потенциал каждого работника и заинтересованность его в полном использовании этого потенциала. Но для руководителя это недостаточно. Например, цикл контроля предполагает управляющего с административным складом характера, обладающего способностью определить место сбоя и принять корректирующие меры. При этом менеджер- администратор не может позволить себе, чтобы симпатии и антипатии в трудовом коллективе заслоняли основное дело. В задачу менеджера-планировщика входит оптимизация будущей деятельности фирмы путем концентрации основных ресурсов в традиционных хозяйственных областях и ориентации организации на достижение поставленных целей. В целом, подчеркивает И.Ансофф, лидер должен быть «общительным и уметь вдохновлять людей на максимальную самоотдачу. Администратор - быть предельно объективным и полагаться на факты и логику. Планировщик - иметь аналитический склад ума, методичность в работе и ориентацию на будущее». Предприниматель стремиться изменить динамику развития фирмы, ищет и новые направления деятельности и возможности расширения номенклатуры продукции фирмы. Он прирожденный экспериментатор и стремится к нестандартным решениям. Когда способности и таланты всех архетипов собраны в одной личности, налицо редкий феномен управленческого гения, выполняющего с одинаковым мастерством и легкостью любую конкретную задачу. Но такое сочетание встречается редко.

Таким образом, при оценке роста руководителя в системе управления персоналом требуется исходить из особенностей реализации функций руководства, проблем лидерства и организационного поведения.

Наряду с этим, эта роль оценивается по кадровым решениям, принятым руководителем с учетом мнения других субъектов управления персоналом.

От руководителя зависит во многом статус других субъектов управления, прежде всего кадровых служб.

Кроме того, имеются общие показатели, в которых есть определенная часть труда руководителя: успешность органа; результаты работы; выполнение функций по управлению персоналом; внедрение эффективных кадровых технологий; улучшение культуры нравственного сознания государственных служащих.

Особой оценки требуют взаимоотношения руководителя и подчиненных, которые имеют, прежде всего, социальный нравственный смысл.

В связи с этим особое значение приобретает стиль управления персоналом, от которого в решающей степени зависит успешность работы органа в целом, а также его представителей на местах.

Региональные исследования

Т.А. Нигматуллина,
директор Башкирского института
социальных технологий,
докторант РАНХ и ГС при Президенте РФ,
кандидат исторических наук

Социально-политические особенности протестного поведения Российской молодежи

Проблема молодёжного протеста в современной политической науке находится в начальной стадии её разработки. В области политических исследований ещё не сформулированы устоявшиеся научные конструкции, касающиеся проблем протестного поведения молодёжи. В этой связи, современное состояние политической теории молодёжного протеста характеризуется слабостью научных концепций, научных трудов, посвященных обзору западных источников, а также описанию конкретных акций протеста, имевших место в политической практике последних лет.

Ряд учёных справедливо отмечает, что в политической теории протеста еще не сформирован категориально-понятийный аппарат, не выявлены общие теоретико-методологические принципы исследования проблем протестного поведения¹. Отсутствие единого методологического инструмента позволяет многогранно трактовать сущность протестного поведения молодёжи.

О.Ю. Гаранин, выделяет следующие признаки, характеризующие протест как специфическое социально-политическое действие: маргинальность, политическая конфликтность, публичность, целеустремлённость².

По мнению В.В. Горьковенко и В.В. Костюшева, следует выделять такие обязательные признаки протестного поведения, как обращенность требований на другие группы или элитарные группировки; возможность насилия, которое является ультимативной формой; наличие стратегии; прямой характер, без институционального посредничества; экспрессивность, иррациональность поступков³.

Д.В. Бушуев говорит о следующих качественных измерениях протестного поведения: во-первых, протест может существовать в виде внутреннего состояния неприятия субъектом доминирующих в обществе социально-политических отношений или политической системы в целом; во-вторых, протестное поведение – это определенная форма выражения несогласия, сопротивления, неприятия социально-политических действий или решений, т.е. то, что чаще всего выражается определенной акцией, действием,

1. Назаров М.М. Политические ценности и политический протест. – М.: РАН ИСПИ, 1995. С.46; Поздняков С.В. Политический протест: автореф. дисс....канд. полит. наук. – Ростов н/Д, 2002. – С.34.

2. Гаранин О.Ю. Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России: дисс. канд. полит. наук. – М., 2009. – С.56-57.

3. Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективного протестного действия: информационная база данных акций протеста (ProDat-SPb) // Общественные движения в современной России / Под ред. В.В. Костюшева. – СПб.: Изд-во ИС РАН, 1999. – С.34-37.

поступком протестного характера. Протестная активность является формой протестного поведения. Арсенал протестной активности не только велик, но и неисчерпаем. В специальной научной литературе описываются массовые и индивидуальные формы протестного поведения, мирные и насильственные, организованные и стихийные, прямые и демонстративные, обычные и не традиционные акции протестного характера⁴.

На наш взгляд, рассматривая протестное поведение такой социально-политической группы, как молодёжь, необходимо выделить следующие её специфические признаки: уровень проводимых акций (международный, федеральный, субфедеральный, локальный); частота участия в акциях протеста; причина и мотивация участия в подобных акциях; возможность нести ответственность за свои действия; членство в молодёжных объединениях; уровень политической и правовой культуры. А под протестным поведением молодёжи нами понимается совокупность действий молодёжных объединений или отдельного представителя молодёжного поколения, направленных на выражение позиции, отличной от той, которую представляют органы государственной власти и управления.

Специфическими чертами протестной активности молодежи в Российской Федерации являются: слабо развитые культура и традиции протестных движений; немногочисленность акций протеста среди молодежи (в нашей стране этот показатель не превышает 10%, в то время как в европейских странах – это около 20%); консолидация властных действий на решение молодежных проблем на микроуровне; восприятие наиболее образованной группой молодежи протеста на макроуровне как средства «карьерного роста»; трансформация политического протеста с физического на информационно-технологический уровень; деперсонализация протестного движения ввиду отсутствия харизматических лидеров; деинституализация субъектов политической социализации, которые способны эффективно взаимодействовать в контексте формирования демократической федеративной системы, и др.⁵

К протестным формам поведения относят митинги, демонстрации, шествия, забастовки, пикетирование, массовые и групповые насильственные акции. Наиболее распространенной теоретической моделью, объясняющей причины протестного поведения, является концепция депривации. Депривация – это состояние недовольства, вызываемое расхождением между реальным и ожидаемым состоянием, к которому стремится субъект. В том случае, когда сравнение социально-политической действительности с социально значимыми ценностями порождает чувство глубокой неудовлетворенности, возникает ощущение, что при некоторых социальных и политических изменениях желанные цели могут быть достигнуты в относительно короткий срок. В том случае,

4. Бушуев Д.В. Анализ эмпирических трудностей при исследовании феноменов протестного поведения и протестной активности // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 7. – С.67-75.

5. Гаранин О.Ю. Протестная активность российской молодежи в условиях обострения глобальных и региональных модернизационных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2 (16). – С. 102-105.

если описываемое расхождение становится значительным, а недовольство приобретает массовый характер, возникает мотивация участия в протестных действиях. Факторами депривации могут быть экономический спад, резкий рост цен и налогов, утрата привычного социального статуса, завышенные ожидания, отрицательные результаты сравнения собственных успехов с успехами других или с некоторым «нормативным» состоянием.

Политическое протестное поведение молодёжи в современной России характеризуется наличием традиционных и инновационных форм протеста. К традиционным формам молодёжного протеста в первую очередь следует отнести участие в санкционированных (и несанкционированных) митингах, пикетах, шествиях. К инновационным – участие молодёжи в оппозиционных флешмобах, критическое обсуждение молодёжью политики в социальных сетях и на иных интернет-ресурсах.

Е.С. Соина выделяет и специфические формы политического протестного поведения молодёжи в условиях избирательных трансформаций в Российской Федерации: «Посредством отмены графы «против всех» происходит нивелирование негативных последствий проявлений протестного поведения в форме протестного голосования. Понижение уровня негативизма, выраженного в голосовании «против всех», влечет за собой повышение голосования против основных альтернатив на выборах, в дальнейшем – повышение влияния оппозиционных власти политических партий. Процесс формирования более сильных и активных политических партий приведет к преобладанию конвенциональных форм политического протеста и к дальнейшей институционализации политического протестного поведения»⁶.

Очевидно, что потенциал протестного поведения молодёжи может содержать в себе мощнейший регулятор накапливаемой жестокости и агрессивности, вызванный невозможностью в полной мере реализовать собственный интерес. В конечном счёте, подобное проявление протестных настроений молодёжи приводит к крушению собственной идентичности, и к проявлению молодёжного радикализма и экстремизма⁷.

Угроза молодёжного политического экстремизма фокусируется не только в физических политических антигосударственных проявлениях, но и в падении в глазах россиян демократических ценностей и снижении политической легитимности действующих органов государственной власти. Согласно Р. Баркеру, политическая легитимность – это «в точном смысле вера в правомерность государства, в его полномочия издавать приказы с таким расчетом, чтобы эти приказы выполнялись не просто из страха или корыстных побуждений, но потому, что они каким-то образом основаны на моральном праве, в силу чего люди должны верить, что они обязаны подчиняться»⁸.

Стоит отметить, что в целом причины возникновения молодёжного протестаразнообразны. Они могут быть связаны с разрушением молодёжной

6. <http://kulturoznanie.ru/politology/tipologiya-politicheskogo-uchastiya-politicheskij-protest-absenteizm/>.

7. Соина Е.С. Политическое протестное поведение в современной России: дисс. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2008. – С. 61.

8. Пахоменко С.А. Трансформация политического поведения молодежи в транзитивной России. – Новочеркасск. Изд-во ЮРГТУ. 2006. – С.112-113.

среды жизнедеятельности под воздействием модернизационных процессов, с бюрократизацией органов государственной власти и управления, коррупционной культурой чиновников. Факторами, стимулирующими чувство уязвимости молодёжи, служат препятствия, ограничивающие реализацию и самореализацию молодежных потребностей⁹.

Наряду с непосредственными причинами молодёжного протестного поведения следует выделить ряд условий, способствующих его дальнейшей активизации: радикальные политические взгляды, низкий уровень доверия представителям федеральной, региональной и местной власти, активность в сфере молодёжного политического участия.

Вероятность обращения к протесту повышается и вместе с уровнем обеспокоенности молодых людей социально-политическими проблемами; сторонников протестных движений характеризует четко выраженная негативная оценка социально-экономических и политических процессов. При этом направленность и интенсивность реализации протестного потенциала в большей степени зависят от возможностей его институционального оформления, движения по вектору ненасильственного санкционированного законом протеста.

На современном этапе институционализации политических институтов в Российской Федерации происходит становление общественно-политических объединений, основной силой которых выступает активная молодёжь. В целом протестное поведение российской молодёжи носит мобилизационно-коммуникативный характер, нежели автономный, и субъектами молодёжной мобилизации выступают лидеры оппозиционных организаций, которые «задвигают» на задний план активистов властных общественных движений¹⁰.

Таким образом, ускоренная модернизация институциональной системы России имеет в качестве одного из своих эффектов возникновение противоречия между легальными и легитимными политическими институтами, между традициями и инновациями, что нарушает систему перераспределения социально-политических капиталов, приводя к политической напряженности. В свою очередь, политическая напряженность, рефлекслируемая отдельными социально-политическими группами в связи с конкретными экономическими, политическими и культурными формами социально-политической депривации, конституирует потенциал протестной активности. Условием актуализации протестного потенциала является вмешательство в модернизационные процессы и манипулятивное воздействие на общественное молодёжное сознание со стороны субъектов, которые обладают существенными организационными ресурсами. Данные субъекты инспирируют некоторое политико-резонансное событие, которое влияет на осуществление перехода протестного потенциала в конкретные формы протестной активности (в том числе и экстремистские).

9. Barker R. Political Legimacy and the State. – Oxford, 1996. – P.11.

10. Пустошинская О.С. Молодежь в условиях глобального кризиса и структурных изменений: проблемы дезинтеграции и протестных настроений // Глобальный кризис и социальные изменения: вызовы и стратегии: Материалы Международной научной конференции. – Тюмень: ТюмГУ, 2009. – С. 283-287.

Молодежь, как особая социально-политическая группа, имеет большой риск быть вовлеченной в политический конфликт. По мере своей интеграции в политическую систему молодые люди сталкиваются с множеством труднопреодолимых препятствий. Между молодежью и обществом традиционно возникают противоречия по поводу запросов и ожиданий, прав и обязанностей, интересов и возможностей их реализации. При этом в условиях социально-политической неопределенности риск обострения таких противоречий, возникновения и эскалации конфликта стремительно повышается. Учитывая подобные тенденции, важность изучения феномена молодёжного протеста в контексте политической конфликтологии с точки зрения выработки технологий успешного разрешения политических конфликтов с участием молодежи не вызывает сомнения.

Ныне действующие политические регуляторы протестного поведения молодёжи нуждаются в совершенствовании на основе: а) создания адекватной системы государственного воздействия на акции протеста, в том числе органов несудебного рассмотрения споров между протестующими и их оппонентами; б) демократизации российского законодательства; в) отказа от негативного отношения к социально-политическому протестному поведению молодёжи; в) модернизации, реализуемой государственной молодёжной политики¹¹.

На наш взгляд, для оптимизации негативных последствий протестного поведения молодёжи и дальнейшей конструктивной институализации протестного молодёжного движения следует предпринять следующие меры:

1. Выработать (с привлечением педагогов и учёных) и принять на законодательном уровне федеральную общенациональную программу политической и идеологической социализации российской молодёжи, в которой были бы закреплены формы политической активности молодёжи, в том числе и возможности её протестного поведения.

2. Обеспечить эффективный контроль за размещением в сети интернет информации экстремистского, террористического характера, урегулировать данный аспект законодательно. Имеет смысл повысить ответственность модераторов за размещение подобной информации. Также считаем целесообразным сформировать в структуре МВД России специальный отдел, занимающийся надзором за распространением антисоциальной информации (своеобразный отдел «нравов»).

3. Обозначить в качестве одного из стратегически приоритетных направлений деятельности политических институтов (политических партий, общественных молодёжных движений) становление молодёжной протестной культуры, т.е. реализация на практике политического принципа «конструктивная критика».

4. Усилить мотивацию участия оппозиционных молодёжных организаций и движений в легитимных формах протестного поведения с целью отстаивания и реализации молодёжного мнения.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: в Российской Федерации за последние десятилетия сформировалось молодое поколение, мало

11. Петрушина А.В. Протестное участие молодежи в современном российском обществе: автореферат дисс. ... канд. социол. наук. – Тула, 2012. – С.18.

рассчитывающее на поддержку со стороны государственной власти. Это не значит, что молодёжь изначально настроена оппозиционно. Дело в другом: молодёжные инициативы зачастую не воспринимаются российскими чиновниками. То ли возрастной фактор играет в этом ключевую роль («молодо-зелено»), то ли в рамках глобальных политических и социально-экономических преобразований ещё не выработаны действенные механизмы реализации государственной молодёжной политики. В любом случае сегодня особо важно понимание того, что современная молодёжь – это реальная социально-политическая сила. И если ее не направлять в нужное русло, не создавать благоприятных условий для развития молодых людей, то протестные настроения в молодёжной среде будут расти, принимая временами стихийный, неподконтрольный характер.

Литература

1. Назаров М.М. Политические ценности и политический протест. – М.: РАН ИСПИ, 1995.
2. Поздняков С.В. Политический протест: автореф. дисс....канд. полит. наук. – Ростов н/Д, 2002.
3. Гаранин О.Ю. Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России: дис. канд. полит. наук. – М., 2009.
4. Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективного протестного действия: информационная база данных акций протеста (ProDat-SPb) // Общественные движения в современной России / под ред. В.В. Костюшева. – СПб.: Изд-во ИС РАН, 1999.
5. Бушуев Д.В. Анализ эмпирических трудностей при исследовании феноменов протестного поведения и протестной активности // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 7.
6. Гаранин О.Ю. Протестная активность российской молодежи в условиях обострения глобальных и региональных модернизационных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2009. – № 2 (16).
7. Соина Е.С. Политическое протестное поведение в современной России: дисс. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2008.
8. Пахоменко С.А. Трансформация политического поведения молодежи в транзитивной России. – Новочеркасск. Изд-во ЮРГТУ, 2006.
9. Barker R. Political Legimacy and the State. – Oxford, 1996.
10. Пустошинская О.С. Молодежь в условиях глобального кризиса и структурных изменений: проблемы дезинтеграции и протестных настроений // Глобальный кризис и социальные изменения: вызовы и стратегии: Материалы Международной научной конференции. – Тюмень: ТюмГУ, 2009.
11. Петрушина А.В. Протестное участие молодежи в современном российском обществе: автореферат дисс. ... канд. социол. наук. – Тула, 2012.
12. Артюхина В.А. Методологические проблемы социологических исследований протестного поведения [Текст] / В. А. Артюхина // Мир науки, культуры, образования: междунар. науч. журн. – 2011. – № 5 (30).

Л.Т. Алтынбаева,

аспирантка кафедры государственного права
Института права Башкирского государственного университета

Преобразование конституционного законодательства в Российской Федерации

Действующее конституционное законодательство России развивается в определённых формах. Большинство из них имеют стандартный характер, в связи с чем они хорошо известны юридической науке и практике. В число таких форм следует включать принятие новых законов, внесение в законы поправок, отмену закона в целом или в части (например, вследствие признания отдельных норм закона противоречащими Конституции РФ). Наряду с этим своеобразной и почти не исследованной формой развития отечественного конституционного законодательства является его «преобразование».

Наиболее отчётливо данная форма развития просматривается на примере основных законов федерального и регионального уровней. При этом в качестве одного из способов «преобразования» Конституции РФ, конституций (уставов) субъектов РФ выступает текущее законодательное регулирование. Федеральные конституционные законы и федеральные законы вовлечены в процесс «преобразования» Конституции РФ, а законы субъектов РФ в процесс «преобразования» региональных основных законов, ввиду чего «преобразование» представляет собой не только путь развития основного закона, но и форму развития конституционного законодательства в целом. Тенденции «преобразования» основных законов символизируют и направления развития текущего конституционного законодательства России.

Исследователь Е.С. Аничкин отмечает, что «преобразование» Конституции РФ представляет собой совокупность фактов существенного изменения смысла отдельных конституционных положений, символизирующих процесс нетекстуальной модификации Основного закона¹.

Применительно к действующей российской конституции исследуемый феномен воспринимается в научной среде неоднозначно. Сторонники текстуальной модификации Конституции РФ оценивают мнения о происходящем «преобразовании» основного закона как спорные или неверные в принципе (С.А. Авакьян, А.И. Лукьянов)². Другие (В.И. Васильев, Н.В. Витрук, В.В. Невинский)³ признают процесс «преобразования» Конституции РФ, но относят к данному пути развития Основного закона сдержанно. Третьи (Л.В. Бойцова, М.А. Митюков)⁴ полагают, что «преобразование» является в современных условиях оптимальным вариантом развития Конституции РФ.

На наш взгляд справедливым является мнение о необходимости максималь-

1. Аничкин Е.С. «Преобразование» конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в решениях региональных органов конституционной юстиции // Российская юстиция. – 2010. – №2. – С. 5-8.

2. Авакьян С.А. Конституционное право России. – М.: Норма, 2011. – 630 с.

3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. – М.: Инфра-М, 2012. – 637 С.

4. Митюков М.А. Российская Конституция нуждается не в изменении, а в нормативном развитии и защите // Го-сударство и право. № 4. 1999. С. 119-121.

ного использования заложенного в действующей Конституции потенциала и, как следствие этого, обеспечение стабильности всей системы права государства.

Такое положение можно обеспечить не путём радикального (пересмотр) либо частичного (поправки) реформирования действующей конституции, а путём её постепенной и осторожной адаптации к велениям времени. Использование этого пути позволит ослабить фиктивность юридической Конституции РФ и в то же время усилит её адекватность фактической конституции. К тому же «преобразование» в сравнении с текстуальной модификацией Конституции РФ обладает определёнными преимуществами, к числу которых могут быть отнесены гибкость (приспособляемость к существенно изменившимся обстоятельствам), оперативность, сравнительно высокая вероятность избежания социально-политических катаклизмов, часто сопровождающих реформирование конституции⁵.

«Преобразование» Конституции РФ представляет собой самостоятельное, объективное и уникальное явление, обладающее специфическими признаками. Следует выделять четыре основных признака «преобразования» Конституции РФ: сохранение формальной неизменности текста Основного закона; существенное изменение смысла нормы Конституции РФ; обусловленность необходимостью адаптации нормы Конституции РФ к изменившимся потребностям общества и государства; выражение в особых юридико-технических приёмах.

Касаемо последнего признака, то в числе таких приёмов относят: а) ограничение первоначального смысла нормы; б) расширение первоначального смыслового объёма нормы; в) искажение подлинного смысла нормы, вплоть до его выхолащивания (например, путём изменения характера предписаний нормы); г) фактическое дополнение нормы в результате обнаружения скрытого в ней смысла; д) заполнение пробела в основном законе и, как следствие этого, фактическое создание новых конституционных норм, внедрение новых правовых понятий; е) «восполнение» конституционной нормы путём насыщения конкретным содержанием абстрактных понятий и юридических конструкций; ж) нейтрализация нормы основного закона в результате вытеснения её преобразованной нормой или вследствие длительного отсутствия практики её реализации. На основе указанных признаков «преобразование» разграничивается со смежными правовыми категориями (реализация, нарушение, толкование, конституционные преобразования).

Факторы «преобразования» имеют внеправовой и правовой характер. Внеправовые факторы являются естественными и связаны с социально-экономическими, политическими и духовными процессами, происходящими в современном российском обществе. Они отличаются ситуативностью и первичностью по отношению к факторам правового характера. В свою очередь, внеправовые факторы могут быть подразделены на объективные и субъективные. Внеправовые объективные факторы сводятся к изменению общественно-политической и экономической обстановки, обуславливающему новые тенденции развития, проблемы и общественные ожида-

5. Аничкин Е.С. Поправки к Конституции Российской Федерации: проекты и реальность // Вестник алтайской науки. – 2009. – №4 (7). – С. 137-150.

ния (например, снижение уровня благосостояния граждан). Это, в свою очередь, влечёт за собой некоторое отставание конституционного текста от сформировавшихся реалий и устарение первоначального смысла той или иной конституционной нормы. Внеправовые факторы субъективного характера также имеют несколько основных проявлений: смена лидера государства и вызванное этим изменение политического курса; смена политической элиты (например, в результате изменения соотношения сил в парламенте страны); особенности взаимоотношений общегосударственной и региональных правящих сил; баланс сил высших органов законодательной и исполнительной власти; наличие политического давления на законодателя и (или) орган конституционного контроля в условиях авторитарного государственного режима; уровень согласия основных социально-политических сил в обществе; обеспечение интересов определённой категории лиц в ущерб остальным.

Правовые факторы влияния на «преобразование» связаны с особенностями содержания конституции страны и состоянием текущего законодательства. Они характеризуются статичностью (вплоть до неустраимости) и производностью по отношению к внеправовым причинам.

К правовым факторам «преобразования» Конституции РФ относят:

Во-первых, обстоятельства, вызванные несовершенством самой Конституции РФ, невысоким качеством изложения её текста.

Во-вторых, повышенная сложность текстуальной модификации действующей Конституции РФ на фоне необходимости в оперативных и существенных изменениях правового регулирования тех или иных общественных отношений.

В-третьих, предпосылки «преобразования» Конституции РФ в определённой мере заложены в некоторых нормах текущего законодательства (главным образом, в нормах федеральных конституционных законов «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О военном положении», «О чрезвычайном положении»).

Целесообразным с научной точки зрения видится выделение шести оснований классификации «преобразования» Конституции РФ: а) способ (законодательное регулирование и конституционное судопроизводство); б) юридико-технические приёмы; в) механизм осуществления (прямое и опосредованное); г) структурно-тематическое деление текста Конституции РФ («преобразование» норм, закрепляющих основы конституционного строя, основные права и свободы человека и гражданина, федеративное устройство, основы организации и деятельности высших органов государственной власти Российской Федерации, основы местного самоуправления); д) форма («мягкое» и «жёсткое»); е) характер содержания (позитивное и негативное)⁶.

Ввиду наибольшей сложности последней классификации её рассмотрению необходимо уделить особое внимание. Позитивное «преобразование» выражается в конструктивном уточнении и обогащении смыслового содержания конституционной нормы, принципиально не подрывающем её сущность. Негативное «преобразование» выхолащивает первоначальный

6. Авакьян С.А. Конституционное право России. – М.: Норма, 2011. – 630 с.

правоустанавливающий и доктринальный смысл конституционной нормы, гипертрофирует её подлинное назначение. Чтобы не дискредитировать действительный смысл нормы и не ухудшить её содержание, важно соблюсти пределы «преобразования», превышение которых порождает негативное «преобразование» Основного закона.

Учёный Аничкин Е.С. выделяет возможные пределы «преобразования» Конституции РФ. 1. «Преобразование» норм глав 2-9 Конституции РФ не может входить в противоречие с положениями главы 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя». 2. «Преобразование» конкретной нормы Конституции РФ не должно входить в противоречие с другими её нормами. 3. «Преобразование» нормы Конституции РФ не может нарушать существо, смысловое «ядро» соответствующего конституционного правила. 4. «Преобразование» Конституции РФ ограничено рамками правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом РФ в ранее принятых решениях. Таким образом, для всех пределов характерно одно – «преобразование» конституционных норм не должно превращаться в их нарушение⁷.

Соблюдение указанных пределов «преобразования» Конституции РФ является одним из критериев эффективности «преобразования». К критериям эффективности «преобразования» Основного закона также относятся: максимальное использование демократического потенциала Конституции РФ; усиление реальности Конституции РФ в результате её приспособления к потребностям развития государства и общества; взвешенность, своевременность и объективная необходимость; внутреннее совершенствование конституции; реальная заинтересованность в результатах «преобразования» большинства субъектов права, а не какой-либо одной категории субъектов.

В целом «преобразование» Конституции РФ можно считать эффективным тогда, когда оно происходит через развитие конституционного текста и сглаживание его дефектов. Именно позитивное «преобразование» Конституции РФ имеет основания оцениваться в качестве нормального пути её развития⁸.

Представляется возможным выделить два типичных случая конституционного «преобразования»: первый - названные законы, будучи базовыми, могут непосредственно «преобразовывать» те или иные нормы Конституции РФ; второй - Конституцию РФ «преобразуют» законы «о внесении изменений и дополнений» в базовые федеральные конституционные и федеральные законы.

Наиболее рельефно «преобразование» Конституции РФ прослеживается в нескольких подотраслях (институтах) конституционного законодательства. В качестве таковых, как видится, следует отнести: 1) основные права и свободы человека и гражданина; 2) разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами РФ; 3) конституционно-правовой статус автономных округов; 4) основы функционирования высших федеральных органов государственной власти; 5) основы организации высших органов государственной власти субъектов РФ; 6) основы местного самоуправления.

7. Аничкин Е.С. Поправки к Конституции Российской Федерации: проекты и реальность // Вестник алтайской науки. – 2009. – №4 (7). – С. 137-150.

8. Авакьян С.А. Конституционное право России. – М.: Норма, 2011. – 630 с.

В рамках этих подотраслей (институтов) текущее конституционное законодательство объективно сформировало несколько направлений «преобразования» российской конституции. Её адаптация к современным реалиям происходит в направлениях усиления «совокупного» государства с одновременным ослаблением субъектов Российской Федерации, углубления асимметрии Российской Федерации, расширения полномочий Президента РФ и иных высших органов государственной власти России, огосударствления местного самоуправления. Большей частью «преобразование» действующей Конституции путём текущего законодательства имеет негативные проявления. Это становится особенно нежелательным для устойчивости конституционно закреплённой концепции развития российского государства тогда, когда смысловая подвижность затрагивает не «рядовые» конституционные нормы, а незыблемые положения, составляющие основы конституционного строя страны (в частности, подвергшийся в последние годы некоторой деформации принцип федерализма).

В то же время современное законодательство содержит и примеры позитивного «преобразования» Основного закона, не позволяющие характеризовать исследуемый процесс только в отрицательных тонах. Оно наблюдается на примере ст. 33 Конституции РФ о праве граждан России на обращение. Принятый в развитие данной статьи Федеральный закон от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» распространил право на обращение на иностранных граждан и лиц без гражданства, что свидетельствует о расширении сферы действия конституционной нормы по кругу лиц и усилении её гуманистической направленности.

Многочисленные случаи «преобразования» Конституции РФ посредством его решений подчёркивают нормативный характер этих решений, обусловленный специфической правотворческой деятельностью Конституционного Суда РФ. Суд создает своеобразные правовоположения, которые, наполняя ту или иную норму Конституции РФ конкретным содержанием, уточняя механизм её реализации и определяя сферу и границы действия, в некоторых случаях трансформируют подлинный смысл положений Основного закона. «Преобразующий» характер имеют не только и не столько постановления Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ, сколько постановления по делам об абстрактном и конкретном нормоконтроле, «отказные» определения, определения о прекращении производства по делу.

Подотрасли (институты) конституционного законодательства, в рамках которых осуществляется судебное «преобразование» Конституции РФ, во многом совпадают с областями законодательного «преобразования» Основного закона. Дополнительной областью судебного «преобразования» стали нормы Конституции РФ о законотворческих процедурах и нормативных правовых актах. В каждой подотрасли (институте) за годы деятельности Конституционного Суда РФ сложились отчётливые тенденции нетекстуальной модификации российской конституции.

Так, «преобразование» норм Конституции РФ о Президенте РФ нашло выражение в выявлении его скрытых (дополнительных) полномочий: по использованию Вооружённых Сил на территории России; по изданию акта о временном отстранении от должности Генерального прокурора РФ; по возвращению

федерального закона в парламент без его рассмотрения по существу (на основании нарушения законодательных процедур); по внесению указом в статью 65 Конституции России нового наименования субъекта РФ и ряд других.

Исследованное «преобразование» Конституции РФ обладает специфическими чертами, в связи с чем возникает необходимость в выявлении его отличий от законодательного «преобразования» основного закона. Законодательное и судебное «преобразование» различаются по органам его осуществляющим; правовым формам; уровню юридической силы актов, посредством которых происходит «преобразование»; характеру содержания «преобразования» (судебное «преобразование» преимущественно позитивное); подотраслям (институтам) конституционного законодательства, в рамках которых «преобразуется» Конституция РФ и тенденциям её «преобразования».

Кроме того, обращает на себя внимание различие в основаниях «преобразования»: если законодательное «преобразование» базируется на изначальной нормотворческой основе, то судебное «преобразование» создается на интерпретационной основе. Сказанное позволяет сделать вывод об относительной самостоятельности и специфичности двух способов нетекстуальной модификации российской конституции.

Как и на федеральном уровне, ведущими способами преобразования конституций (уставов) субъектов РФ являются конституционное (уставное) судопроизводство и региональное законодательное регулирование. Примечательно, что среди средств «преобразования» учредительных актов субъектов РФ основное место занимают постановления конституционных (уставных) судов о толковании тех или иных положений конституции (устава), в то время как постановления региональных органов конституционной юстиции «по вопросам конституционности» представлены реже.

Однако в настоящее время органы конституционной (уставной) юстиции действуют только в 16 субъектах РФ, что свидетельствует об отсутствии «судебного» пути «преобразования» учредительного акта в большинстве субъектов РФ. Факты «преобразования» посредством текущих законов субъектов РФ и постановлений законодательных органов субъектов РФ о толковании конституции (устава) крайне немногочисленны, что объясняется особенностями российской модели разграничения законодательных полномочий между Российской Федерацией и её субъектами, усилившейся в последние годы централизацией законодательного регулирования предметов совместного ведения и сокращением объёма остаточной сферы ведения субъектов РФ.

Изучение «преобразующих» правовых позиций конституционных (уставных) судов субъектов РФ, особенно по делам о толковании отдельных положений их основных законов, позволяет утверждать, что суды в таких случаях фактически формируют новые положения нормативного характера, которые развивают в позитивном или негативном направлении конституционные (уставные) нормы и находятся с ними в неразрывной связи. Наполняя конкретным содержанием абстрактные конституционные (уставные) положения, восполняя пробелы в конституционном (уставном) регулировании, ограничивая или расширяя сферу действия конституционной (уставной) нормы, а иногда и кардинально изменяя её смысл, «преобразующие» правовые позиции региональных органов конституционной

(уставной) юстиции способны корректировать сложившуюся нормативно-правовую среду и оказывать существенное воздействие на регулирование общественных отношений.

«Преобразование» основных законов субъектов РФ характеризуется некоторыми особенностями, отличающими этот процесс от «преобразования» Конституции РФ. Тем самым, «преобразование» федеральной конституции и «преобразование» региональных основных законов выступают в качестве относительно автономных друг от друга явлений. Фактов внесения поправок в конституции (уставы) субъектов РФ по количеству значительно больше, чем случаев их «преобразования». Кроме того, обращают на себя внимание последствия «преобразования» конституций (уставов) субъектов РФ: иногда созданный образец правовой нормы текстуально воспроизводится в норме основного закона, а иногда «преобразующий» акт и, более того, «преобразованная» конституционная (уставная) норма утрачивают юридическую силу. В то же время до сих пор не было примера, чтобы даже самое оптимальное «преобразование» Конституции РФ повлекло за собой соответствующее изменение её текста.

Литература

1. Аничкин Е.С. «Преобразование» конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в решениях региональных органов конституционной юстиции // Российская юстиция. – 2010. – №2.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. – М.: Норма, 2011.
3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. – М.: Инфра-М, 2012.
4. Митюков М.А. Российская Конституция нуждается не в изменении, а в нормативном развитии и защите // Государство и право. № 4. 1999.
5. Аничкин Е.С. Поправки к Конституции Российской Федерации: проекты и реальность // Вестник алтайской науки. – 2009. – №4 (7).

МИР БЕЗ НАРКОТИКОВ

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ЦИКЛ

социум № 5 (59)

М.Ш. Шабанов,

ГБУЗ ГП № 11 ДЗМ, врач-статист, соискатель степени кандидата
политических наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Международный опыт по борьбе с наркоманией и распространением наркотиков

Наркомания – проблема мировая, проблема многоаспектная, включающая социальную проблему генофонда и демографии, медицинскую, экономическую, правовую, педагогическую сферы, международные и межконфессиональные отношения.

Масштаб злоупотребления наркотиками является одним из важнейших показателей общемировой проблемы. Общая численность людей, употребляющих наркотики, в мире оценивается примерно в 200 млн. чел., что составляет 5% от населения в возрасте от 15 до 64 лет¹.

В последние десятилетия отмечается небывалый рост и распространение наркомании в нашей стране, которые перерастают в бедствие общегосударственного масштаба. В Российской Федерации принимается комплекс мер по преодолению этой проблемы, учитывая, что сокращение спроса на наркотики в России является неотъемлемым элементом глобального подхода к решению мировой проблемы наркотиков.

Наряду с комплексом мер, определяемых в Стратегии антинаркотической политики Российского государства до 2020 г. ставится задача обмениваться опытом с зарубежными организациями в отношении применения мер борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, форм преодоления наркомании, в частности в молодежной среде.

Ознакомление с зарубежным опытом противодействия наркомании вытекает из международного права, договоров о борьбе с злоупотреблением наркотиками. Имеется целый ряд международных договоров о контроле над наркотиками, которые служат основой существующей правовой системы противодействия наркомании.

Известно, что международная система контроля над наркотиками основывается на принципе национального контроля в рамках юрисдикции отдельных государств и в соответствии с положениями международных договоров. Каждое государство, участник конкретного договора обязано принять соответствующее законодательство, осуществлять необходимые меры борьбы с наркоманией и сотрудничать не только с другими государствами, но и применять все лучшее из их опыта.

При этом следует учитывать, что государственные политики и общественное мнение по отношению к наркотикам, наркопотреблению существенно различаются по странам.

1. Российская антинаркотическая энциклопедия. Общество против наркотиков. Информация. Технологии. Опыт. М., 2007. С. 13.

Российская Федерация как неотъемлемая часть мирового сообщества в полной мере испытывает на себе растущую наркотическую угрозу. В России зарегистрировано более 3 млн. больных наркотическими расстройствами, т.е. 2/3 общей численности населения². Среди основных тенденций, характеризующих наркологическую ситуацию как в нашей стране, так и за рубежом, наибольшую тревогу вызывает неуклонное омоложение контингента потребителей психоактивных веществ (ПАВ).

Развитие международного сотрудничества по осуществлению противодействия глобальной наркоугрозе является одним из направлений плана реализации антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. Подписаны совместные соглашения по борьбе с наркоугрозами со странами ШОС и БРИКС.

В последние 15-20 лет получили развитие общественные движения по международному сотрудничеству в области снижения спроса на наркотики. По инициативе Швеции была создана международная организация «Европейские города против наркотиков» (ЕСАД), а на североамериканском континенте по инициативе США – аналогичная организация по контролю за потреблением наркотиков (CICAD). Данные общественные организации выступают против либерализации отношения к наркотикам и программа снижения вреда.

Дело в том, что во многих странах мира употреблении наркотиков, в том числе школьниками воспринимается как обычное явление. Согласно последним данным Европейского проекта исследований, употребление школьниками наркотиков и алкоголя широко доступны школьникам по большей части европейского континента.

С более жестким и ограничивающим подходом к наркополитике ассоциируется США, Швеция, Россия, Гонконг.

В целях борьбы с распространением наркомании в ряде государств реализуются программы позитивной профилактики наркомании (ППП). Предпосылки позитивной профилактики наркомании возникли в США около 30 лет назад, когда антинаркотическое информирование детей было объявлено одним из национальных приоритетов. Однако уже к 1973 г. на программы антинаркотического информирования был наложен запрет, ввиду их неэффективности³.

Сегодня широко распространены программы формирования жизненных навыков (ФЖН), которые распространены более чем в 30 странах мира.

В начале 90-х годов программы формирования жизненных навыков стали распространяться в ряде московских школ. В ряде школ г.Москвы применялись программы позитивной профилактики (ППП) наркомании, алкоголизма и асоциального поведения. Занятия по методике ППП проводились и в ряде других регионов России.

2. См.: Круглый стол «Общество против наркотиков», проходивший 12 сентября 2012 г. в рамках межгосударственного форума «Здоровье населения – основа процветания стран Содружества» // Вопросы наркологии. 2012. №5. С. 3,4. // Вопросы наркологии. 2012. №5. С. 3,4.

3. См.: Российская антинаркотическая энциклопедия. Общество против наркотиков. Информация, технологии, опыт. М., 2007. С. 182, 183.

В России поставлена задача создания национальной системы комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей, возврата их в общество. Такая задача решается в стране впервые. Подобные программы реализуются в странах Европейского союза, в Соединенных штатах Америки. Благодаря честному сотрудничеству в рамках президентской российско-американской группы по борьбе с наркотиками получена возможность на низовом уровне изучить как организуется эта работа в других странах.

Из многочисленных стран мирового сообщества, столкнувшихся с проблемой наркоманией и распространением наркотиков, большинство из них испытывает серьезные проблемы в данной сфере. Но практически каждая из развитых стран мира имеет и свой опыт.

На примере Финляндии, столкнувшейся с наркопроблемой в начале 90-х годов после вступления этой в Европейский союз, можно увидеть эффективную, внятную политику государства, основанную на трех главных приоритетах.

Первый приоритет заключается в проведении политики полного запрета на торговлю, контрабанду, хранение и употребление «тяжелых» наркотиков. Последнее способствует негативному отношению к наркотикам и в большой степени снижает масштаб их употребления.

Второй принцип борьбы с оборотом наркотиков касался повышения уровня всеобщего благосостояния и условия жизни граждан, как фактора предотвращения наркомании.

Третьим принципом является политика снижения вреда, когда государством и обществом создаются необходимые условия в целях оказания помощи гражданам, страдающим наркотической зависимостью.

Огромное значение в осуществлении национальной антинаркотической концепции имеет профилактика употребления наркотических средств и психотропных веществ. В учебных заведениях, в первую очередь, в школах в состав учебных программ введены обязательные предметы, направленные на формирование здорового образа жизни, цель которых, привлечь молодые поколения к спорту, к здоровому образу жизни.

Следует отметить, что в Финляндии успешно действует практика принудительной госпитализации, но осуществляется эта мера в том случае, если субъект упорствует в употреблении наркотиков и не желает становиться на путь излечения от недуга. Также, если человек, нуждающийся в лечении и представляющий собой опасность для общества, отказывается от добровольного лечения, он может по закону быть осужден специальным судом к принудительной госпитализации.

Уголовный кодекс Финляндии предусматривает наказание за преступления, связанные с наркотиками, от различных видов штрафа – до двух лет лишения свободы, при наличииотягощающих обстоятельств – до 10 лет лишения свободы. В случае, если лицо, совершившее преступление, связанное с употреблением наркотиков, обращается за лечением, уголовная ответственность с него снимается.

В других странах Европы, таких как Германия, Швеция, Нидерланды, существуют свои особенности, свой индивидуальный опыт борьбы с наркоманией и распространением наркотиков.

В приводимых компетентными источниками сведениях указывается, что наркотические вещества расклассифицированы в Германии следующим образом:

А) наиболее опасные (метадон, морфий, кокаин, героин, MDMA (экстази), ЛСД и опиум);

В) опасные (кодеин, каннабис и большая часть амфетаминов);

С) менее опасные (некоторые амфетамины, седативные средства и бензодиазепины).

Борьбу с оборотом наркотиков на территории Германии осуществляет Федеральное ведомство криминальной полиции (ВКА). По закону производство и распространение наркотиков карается тюремным заключением до 15 лет. Предусмотрено лечение больных наркозависимостью: с 1992 года в качестве средства заместительной терапии используется метадон, с 2000 года – бупренорфин.

Вступивший в июле 2009 года в силу закон, разрешающий использовать искусственный героин для лечения больных наркозависимостью, позволяет, по мнению немецких экспертов, вывести больного из состояния крайней степени зависимости и вернуть его посредством поэтапной терапии в социум. В процессе лечения пациенты под специальным наблюдением врача и в специальных клиниках, получают препарат диаморфин. Данная практика, методика, хоть и является спорной в отдельных кругах, позволяет, говоря «специализированным» языком, «снять ломку», постепенно трансформировать состояние тотальной зависимости от наркотиков, в ощущение необходимости лечения и приёма наркозаменяющих веществ, как лекарственные средства в процессе лечения.

Законодательство Германии предусматривает замену уголовного наказания для лиц совершивших тяжкие преступления в состоянии наркотического опьянения (карающиеся согласно уголовному кодексу сроком до 2-х лет), если обвиняемый добровольно соглашается на прохождения курса лечения от наркозависимости.

Уголовное дело будет возобновлено, если:

- лечение не продолжается до предполагаемого окончания (до успеха терапии);
- обвиняемый не может подтвердить продолжение лечения;
- обвиняемый совершил еще одно преступление;
- выявились новые факты и доказательства (ожидаемое лишение свободы составит более двух лет).

Как и Германия, являющаяся одной из стратегических точек наркотрафика, осуществляемого международными наркокартелями, Нидерланды являются «конечной точкой балканского маршрута транспортировки афганского опия». Этот крупнейший транспортный узел поставки кокаина и героина охватывает большинство регионов Европы, в том числе, такие страны, как Великобритания, Франция и Бельгия.

Несмотря на достаточно либеральное отношение голландских властей к так называемым «лёгким наркотикам», в Нидерландах действуют вполне ясные законы, предусматривающие те или иные меры уголовного наказания за преступления, связанные с распространением, изготовлением

и употреблением наркотиков. Действенный эффект на снижение уровня наркопреступлений оказывает и специализированная система штрафов.

Опиумный закон (Opiumwet), действующий в Голландии с 1928 и видоизменявшийся впоследствии, является «основой правового регулирования обращения наркотических средств».

Но неслучайно многие критики голландского законодательства в этой области, называет Голландию «наркотической ямой Европы», ведь, в действительности, потоки наркотоуризма в такие города, как Амстердам, год от года только возрастают, что сказывается и на имидже страны, и на здоровье населения. Именно это заставило голландские власти начать пересматривать некоторые пункты национального законодательства, в связи с чем, принят закон и 01 января 2013 введен запрет на продажу марихуаны и наркотических изделий из конопли туристам, не гражданам Нидерландов.

В Голландии, в отличие от некоторых других европейских стран, в частности Финляндии, не предусмотрено принудительное лечение больных наркозависимостью.

Лечение медикаментозного характера осуществляют частные и негосударственные медицинские организации, поддерживаемые и поощряемые правительством, которое и финансирует основные программы лечения наркомании в стране.

Как и в Германии, в Нидерландах осуществляется заместительная терапия. В терапии в качестве лечебного средства в специализированных медицинских учреждениях применяются метадон, бупренорфин, искусственный героин, что предназначено исключительно для «ограниченной группы резистентных потребителей опиатов».

Просветительскую программу, направленную против употребления наркотиков и алкоголизма, проводят различные неправительственные учреждения, среди них LADIS – информационная система по алкоголю и наркотикам, Институт Тримбоса – «национальный центр передового опыта в области охраны психического здоровья, наркомании, ухода и социальной работы». Налаживание и укрепление контакта с молодежью в целях предотвращения потребления наркотиков входит в деятельность Фонда СТИВОРО, реализующего антинаркотическую просветительскую программу⁴.

В мире несколько крупнейших транспортных узлов, по которым проходит мировой наркотрафик, перегоняющий героин, кокаин и другие наркотические средства в страны Западной Европы, Северной Америки, в Австралию и Новую Зеландию. Основной объём наркотиков на мировой рынок поступает из Афганистана и Колумбии.

Президент США Б. Обама назвал государству, из которых исходит наибольшая наркоугроза мировому сообществу: «Я идентифицирую следующие страны, как страны с наиболее масштабным наркотрафиком или наиболее масштабным производством запрещенных наркотических

4. Опыт Нидерландов в борьбе с наркоманией. Справка. http://ria.ru/beznarko_help/20110915/438053943.html

веществ: Афганистан, Багамы, Белиз, Боливия, Бирма, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Индия, Ямайка, Лаос, Мексика, Никарагуа, Пакистан, Панама, Перу и Венесуэла»⁵.

В самих Штатах ведётся целенаправленная борьба против наркомании, одной из её компонент является пропаганда здорового образа жизни, конкретные, проверенные опытом, меры противодействия развития наркомании, включающие в себя:

Тестирование учащихся на употребление наркотиков.

Общенациональная антинаркотическая медиакампания.

Наркосуды.

Альтернативный способ вынесения наказания за преступления, связанные с употреблением наркотиков и нетяжкими преступлениями в состоянии наркотического опьянения – это наркосуды. Наркосуды, их полномочия и деятельность позволяют вести полноценный, эффективный контроль за лицами, совершившими правонарушения в состоянии наркотического опьянения и наркозависимыми. Для этой категории граждан существуют программы лечения и тестирования, как альтернатива тюремному заключению.

Опытом США по противодействию незаконному обороту и торговле наркотиками, интересуются различные страны мира, в том числе и Россия. На заседании российско-американской рабочей группы по противодействию незаконному обороту наркотиков, состоявшемся в 2011 году, стороны договорились обмениваться опытом в рамках программы сотрудничества, информировать друг друга о новых методах работы в процессе борьбы с наркотиками и наркоманией.

Глава Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) В. Иванов, представлявший Россию на этой встрече, отвечая на вопросы корреспондента Российской газеты, отметил: «В США накоплено много позитивного опыта, который не просто можно использовать, но который мы уже используем. В этой связи хотел упомянуть о вопросах, связанных с работой по снижению спроса на наркотики, лечением, реабилитацией и реинтеграцией наркопотребителя в общественную жизнь, активно используя реабилитационные центры, ключевая задача которых - раннее выявление наркопотребителей»⁶.

На заседании глав государств-членов ОДКБ по проблеме наркоугрозы, исходящей из Афганистана, сторонами было сделано заявление, в котором они призвали - «Совет Безопасности Организации Объединенных Наций - рассмотреть вопрос о квалификации наркопроизводства в Афганистане в качестве угрозы международному миру и безопасности; рассмотреть вопрос о расширении полномочий Миссии Организации Объединенных Наций; Правительство Афганистана, его партнеров по деятельности в области развития, всех членов международного сообщества - выполнить Соглашение по Афганистану, принятое на Международной конференции по

5. Обама: Боливия, Бирма и Венесуэла плохо борются с наркотиками // Источник: <http://korrespondent.net/>

6. Гасюк А. Наркоманы попадут в сеть центров // Российская газета. 2011.11.22.

Афганистану (31 января - 1 февраля 2006 г., г. Лондон) и одобренное Советом Безопасности ООН 15 февраля 2006 г., которое предусматривает неуклонное и существенное сокращение производства и незаконного оборота наркотиков с целью их полной ликвидации, рассматривая деятельность по контролю над наркотиками в качестве основного вопроса»⁷.

В 2012 г. исполнилось сто лет со дня подписания Международной конвенции по опиуму в Гааге в 1912 году, ставшей основой правовых норм в области борьбы с наркотиками. В докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2011 год, Председатель комитета Х. Годсе призвал международное сообщество к объединению совместных усилий в борьбе с распространением наркотиков и наркоманий: «Проблема наркотиков имеет глобальный характер, включает множество взаимосвязанных аспектов и требует принятия мер на международном, региональном, национальном и местном уровнях. Для нас очевидны успехи, достигнутые со времени подписания Международной конвенции по опиуму 1912 года, и приобретенный с тех пор опыт в области международного контроля над наркотиками, так давайте укрепим наши совместные усилия и сделаем все для того, чтобы следующее столетие международного контроля над наркотиками стало еще более успешным, чем предыдущее».

МСКН признает и устанавливает право молодежи на защите от опасности злоупотребления наркотиками и наркозависимости. Проблема наркозависимости рассматривается со всех сторон в совокупности, одной из основных ее причин названа социальная изоляция отдельных обществ, т.н. маргинализированных общин, нуждающихся во всесторонней помощи со стороны общества и правительств мира. В самых разных странах, независимо от их развития существуют подобные отсталые слои общества, проблема наркомании в которых, напрямую или косвенным образом связана с проблемами безработицы, недоступности медицинского обслуживания, коррупции во власти, низкого уровня образования, криминала и насилия.

В России в 2010 году по официальной статистике опиатами злоупотребляли около 2 млн. чел. Из 73 тонн опиатов, потребленных во всей Восточной Европе, около 70 тонн явилось на долю России. Эти и предыдущие данные подтверждают необходимость объединения усилий мирового сообщества в борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков. Со времен опиумных войн и победы в них Закона и здравых сил общества, человечество накопило немалый опыт для преодоления этой, казалось бы, непреодолимой на данном этапе проблемы. Всё зависит от каждого человека в отдельности и от всего международного сообщества

7. 21 февраля 2011 в пресс-центре ВГТРК «Россия» состоялась пресс-конференция председателя ГАК, директора ФСКН России Виктора Иванова и генерального секретаря Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Николая Бордюжи «Заявление ОДКБ по вопросу ликвидации афганского наркопроизводства». Электронный ресурс: URL: http://www.28.fskn.gov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=168:21022011&catid=19:in-russia-in-world

в целом. Наркотики и, стоящие за ними силы, объявили войну людям, в которой последние не имеют права проиграть, так как цена поражения непомерна велика. «На войне, как на войне», - да, но и на войне законы писаны и побеждает на ней тот, кто руководствуется законом, на чьей стороне правда и справедливость, а они на стороне тех, кто хочет избавить мир от наркотической заразы, несущей гибель и страдания⁸.

Анализ показывает, что в настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» к политике меньшего вреда. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австрия. Швеция избрала путь сочетания запрета с активной наркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам.

Важно, чтобы проблема наркомании постоянно оставалась в поле внимания как государственных органов власти, так и гражданского общества. Необходимо официально признать, что наркомания является огромной общегосударственной проблемой, требующая принятия комплекса мер как внутри России, так и в содружестве с мировым сообществом, используя все приемлемые для современной России из международного и собственного опыта, что находит отражение в государственной политике российского государства.

В плане мероприятий по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российского государства до 2020 года поставлена задача имплементации передового международного опыта нормативного регулирования, что предполагает:

- на регулярной основе проводить мониторинг законодательства зарубежных стран (США, Китай, Евросоюз и его страны-члены и др.), регулирующего различные направления противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.
- внести в Правительство Российской Федерации предложения по адаптации российского законодательства к современным международным методам организации деятельности правоохранительных органов иностранных государств по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.
- разработать комплекс мер по укреплению и совершенствованию международно-правовой базы в области противодействия наркобизнесу посредством заключения двухсторонних и многосторонних соглашений во взаимодействии и сотрудничестве⁹.

8. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2011 год.

9. Стратегия государственной антинаркотической политики Российского государства до 2020 года. Электронный ресурс: URL www.fskn.gov.ru

Перспективы межкультурной коммуникации в современном мире

И.Б. Байханов,

*кандидат политических наук, Председатель
Избирательной комиссии Чеченской Республики*

Интернет, выборы и формирование электоральной культуры

Понимание особенностей современной эпохи как эпохи информационной предполагает выявление сфер жизнедеятельности общества, которые в наибольшей степени изменились под влиянием новой информационной ситуации. Самой главной среди них, несомненно, выступает сфера человеческого общения. Никогда ранее коммуникационное пространство не было столь широким, в прямом смысле глобальным, никогда не было возможности не только услышать собеседника, но и увидеть его, даже если он находится на другом континенте. Никогда в прошлом у человека не было шансов перевоплощения в виртуальную фигуру, проживающую иную, но по-своему насыщенную жизнь в виртуальном пространстве. Все это, как и многое другое дали людям современные информационные технологии.

При этом надо учитывать, что в изменившейся информационной обстановке нигде не исчезло простое правило «do ut des» - «даю, чтобы ты дал». Эта формула римского права, устанавливавшая правовые отношения между двумя лицами, выросла из практики принесения даров и жертв античным богам, но в более позднее время она приобрела поистине универсальный характер, выйдя за рамки того, что Гуго Гроций в трактате «О праве войны и мира» относил к частно-правовым сделкам римских юристов, которые подразделяли их на «даю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал»¹. Практика взаимодействия людей зиждилась на том, что, получив что-либо, следовало в ответ что-либо отдать или сделать. Такая практика по мере становления буржуазного общества распространялась и на отношения человека к объектам труда и природы. На ее основе уже в XIX в. формировались первые правозащитные организации, идеологи которых понимали всеобщность правила «do ut des».

В конце XX столетия возникло новое пространство, оказавшееся сферой действия той же логики, пространство Интернета. Давая людям все перечисленные в начале статьи информационные технологии, само это пространство стало предъявлять определенные требования всем входящим во Всемирную паутину. Во-первых, от них требовались знания и навыки работы в Сети. Во-вторых, оказалось необходимым принять ряд условий, в которых Интернет-общение только и могло происходить, например, условия открытости и прозрачности многих сторон жизни, свободы высказывания мнений, молниеносности реакции на любые действия в реальности и в виртуальном мире. В-третьих, быть готовым к

1. Гроций Гуго. О праве войны и мира // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/gr_prvoin.php.

возникновению новых рисков и вызовов, связанных с тем, как выполняются данные условия.

Совершенно очевидно, что выполнение отмеченных требований привело к тому, что подавляющее большинство пользователей Интернета составила самая активная и обучаемая часть общества, которую относят к молодежи. Хотя понятие «молодежь» в разных странах и культурах имеет различные возрастные границы, ясно, что применительно к Интернет-аудитории можно вести речь о возрастной границе до 35 лет. Фактически с малых лет молодые люди растут и получают воспитание, а затем и самовоспитание в контексте новой Интернет-культуры.

В то же время Интернет-культура не является изолированной от общего культурного пространства, включая культуру политическую во всех ее компонентах. Какие-то из них затрагивают лишь узкий слой Интернет-аудитории, другие компоненты в определенные моменты становятся знаковыми, позволяющими измерить степень политической активности социума, представить спектр политических интересов, выявить привлекательные и отталкивающие черты политических лидеров, установить актуальность провозглашения каких-либо лозунгов и пр. И именно выборы с набором присущих им избирательных технологий позволяют увидеть, насколько глубоко в современное общество проникли элементы Интернет-культуры, на глазах меняющие политическое поведение и электоральную культуру граждан, являющихся пользователями Интернета.

Выделим несколько ведущих линий, связывающих Интернет-культуру и культуру электоральную. Первая из них - использование Интернета для получения или передачи информации об избирательном процессе в самом широком его понимании. Это относится и к процессу выдвижения и регистрации кандидатов, и к донесению до избирателей их платформы, и к возможности избирателям обсудить любую кандидатуру. Вторая линия – совершенствование скрепляющих общество демократических процедур, существующих в арсенале его взаимодействия различными ветвями власти. Третья линия – придание любым взаимодействиям в обществе прозрачного характера. Применительно к выборам следует говорить о прозрачности избирательного процесса. В политическом и социально-экономическом ракурсе важно видеть прозрачность в борьбе с коррупцией, что даже отражено в названии международной организации, регулярно публикующей рейтинги различных сторон коррумпированности современных государств, Transparency International.

Еще в 1999 г. в США по распоряжению а Билла Клинтона был создан специальный национальный фонд для изучения возможности голосования через Интернет². Анализ открывающихся с помощью новейших информационных технологий возможностей улучшить процедуру выборов, сделать ее удобнее как для кандидатов, так и для избирателей привел специалистов из научно-исследовательского института технологий Georgia Tech Research Institute (GTRI), объединенных в группу Internet Voting

2. Бережков А. Использование сети Интернет в предвыборной кампании в США // Компас. 1999. № 45-46. С. 9.

Research Team, сразу после президентских выборов в США в 2000 г., к выводу о необходимости развивать технологии голосования через Интернет, что должно способствовать и развитию самой Сети, так как стало очевидной заинтересованность кандидатов в том, чтобы сделать Интернет доступным для максимально большего числа избирателей-пользователей.

В январе 2001 г. корпорация Microsoft и компьютерные компании Dell Computers и Unisys заявили о намерении совместно разработать новую автоматизированную систему голосования для предстоящих в 2004 г. президентских выборов в Соединенных Штатах. Этот проект получил название «Система будущего». И действия его разработчиков, и выводы исследователей GTRI во многом отталкивались от успешного эксперимента с электронным голосованием в рамках федеральной Программы содействия выборам (Federal Voting Assistance Program).

Интернет-голосование в качестве эксперимента на выборах в муниципальные органы власти в штатах Аризона, Калифорния и Вашингтон приводилось. в ноябре 2000 г., когда он-лайн проголосовали 84 избирателя, находившихся за границей³. На парламентских выборах в Великобритании в 2002 г. в ряде графств допускалось электронное голосование. Но идея доступности такого голосования была впервые в широком масштабе воплощена в жизнь не в США или Британии, а в Эстонии, где она возникла в начале 2001 г., а на местных выборах в октябре 2005 г. была апробирована. В Эстонии на законодательном уровне было разрешено проведение голосования через Интернет как одно из средств подачи голосов. Заметим, что сам термин «электронное голосование» может относиться не только дистанционному голосованию, но и стационарному, т.е. в кабине для голосования с использованием электронных устройств фиксации позиции избирателя, но в Эстонии это понятие используется исключительно для определения удаленного голосования через Интернет.

Специалистами выделяются как преимущества, так и недостатки электронного голосования. К позитивной стороне следует относить возможность увеличения доли избирателей, участвующих в выборах, уменьшение затрат на голосование в отдаленных местностях, увеличение комфортности процедуры голосования для многих граждан (больных, инвалидов, ухаживающих за детьми), ускорение процесса подсчета голосов и повышение точности подсчетов. В то же время нельзя не видеть того, что повсеместное распространение дистанционного электронного голосования придает виртуальность и самой процедуре выборов, а это снижает доверие избирателей к их результатам. Есть трудности идентификации личности избирателя, подтверждения его избирательных прав, обеспечения тайны голосования. Не исключено неоднократное голосование с использованием процедуры электронного и стандартного голосования, невнесения в списки избирателей и пр.

Возможно, с совершенствованием технологий этих рисков будет все меньше, но пока электронное голосование остается лишь одной из форм выражения электорального мнения. А вот другие ресурсы Сети оказываются востребованными самыми различными группами лиц,

3. <http://www.fvap.gov>.

связанных с избирательным процессом. Поэтому выделим несколько групп пользователей Интернета, занимающих различные позиции в ходе выборов, чтобы посмотреть, насколько велика их возможность не просто продемонстрировать свои электоральные интересы и задачи, а и добиться определенного успеха на этой ниве.

Во-первых, группа пользователей, являющихся простыми избирателями. Им должен быть обеспечен свободный доступ к информации о выборах, в которой их интересуют сведения о кандидатах, их избирательных платформах, мнение других избирателей о кандидатах, результаты подсчета голосов. Интернет позволяет им высказать свое отношение к разным сторонам выборов.

Во-вторых, группа потенциальных кандидатов и представителей политических партий и общественных движений, для которых важны знания о политической ситуации в обществе, раскладе сил, состоянии в избирательном штабе конкурентов, представление об особенностях календаря выборов, правилах регистрации, финансирования, агитации, отчетности, судебных решения, связанных с различными нарушениями процесса выборов.

В-третьих, группа представителей законодательного корпуса, которые сравнивают состояние законодательства за рубежом и в своей стране, в регионах, судебную практику по спорным вопросам избирательного процесса, вопросы иммунитета различных выборных должностных лиц.

В-четвертых, представители СМИ, транслирующие информацию о кандидатах (финансовое положение, рейтинги, программы, поддерживающие финансовые группы и пр.) с учетом правил освещения избирательных компаний, проведения агитации, воздействуя на формирование общественного мнения.

В-пятых, члены избирательных комиссий разного уровня, которым необходимо оперативно отслеживать изменения законодательства, знакомится с опытом совершенствования процедур проведения выборов и подсчета голосов, отслеживать события согласно календарю выборов, контролировать соблюдение прав и обязанностей кандидатов, наблюдателей, журналистов, избирателей.

В-шестых, есть группа общественных и некоммерческих организаций, которые ставят своей целью придание выборам открытого, демократического и прозрачного характера. К этой же группе целесообразно относить наблюдателей, для которых важно соблюдение законодательства о выборах, процедуры их проведения и подсчета голосов, способы общественности влияния на итоги выборов, способы искажения результатов выборов.

В-седьмых, можно выделить представителей судейского корпуса, которым необходимо знание применения на практике законодательства при рассмотрении спорных вопросов выборов.

В-восьмых, в завершении нельзя не отметить группу исследователей, анализирующих поведение избирателей, их электоральные предпочтения, уровень активности на выборах.

Почему при доступности для большинства этих групп информации о выборах, минуя каналы Интернета, именно Всемирная сеть оказывается необходимым пространством получения сведений о ходе избиратель-

ной борьбы? Интернет обеспечивает насыщение такой информации ее важнейшими признаками - оперативностью и точностью. Если с первым признаком соглашаются абсолютно все, то по поводу второго нужны некоторые уточнения. Итак, по нашему мнению, точность информации о выборах обеспечивается постоянным обновлением действующего законодательства с добавлением комментариев экспертов, членов комиссий, кандидатов, наблюдателей, обеспечением возможности он-лайн общения с кандидатом, экспертом, наблюдателем, юристом, журналистом, другими избирателями, публикацией максимально подробных результатов выборов и отчетов наблюдателей.

Особенность Интернета состоит и в том, что он позволяет заинтересованным лицам и группам оперативно получать информацию не просто неофициального характера, а сведения раскрывающие позицию проигравшей стороны. Кроме того, обилие неофициальной информации о выборах делает их предметом повседневной культуры, заставляет поблекнуть ореол таинственности, который из начальной электоральной практики был присущ выборам, а также отличал тоталитарные режимы в недавнем прошлом.

В условиях демократии XXI в. ситуация с активностью пользователей социальных сетей в обмене впечатлениями о выборах, превышает все возможные фантазии. Так, в 2012 г. по итогам президентских выборов в США лишь в Twitter было посвящено 20 млн записей. По информации газеты «USA Today», пользователи не только комментировали голосование, но и выкладывали фотографии, так или иначе связанные с выборами, например, избирательные бюллетени или очереди на участках. В Youtube было выложено видео, которое стало «вирусным», набрав несколько миллионов просмотров. Один из избирателей снял, как неисправная машина для голосования упорно отдавала голос Митту Ромни, хотя он ставил галочку напротив имени Барака Обамы. Короткая запись самого Обамы в Twitter, в которой он сообщил о своей победе («Еще четыре года») и приложил фото себя и супруги, набрала более полумиллиона ретвитов только в первые часы. Всего же пользователи Twitter в течение дня голосования отправляли ежеминутно около 11 тыс. сообщений, посвященных выборам. Более 8 млн пользователей Facebook сочли нужным сообщить, что они приняли участие в выборах. «Обама», «Ромни», «выборы», «голосуй» и «президент» вошли в десятку самых популярных слов в ночь на среду после вторника голосования. Пользователи сервиса по обмену фотографиями Instagram выложили около 775 тыс. снимков из мест голосования⁴.

Избирательный процесс расширяет границы для всех, становится школой гражданственности, которая вырабатывает определенный тип политической культуры. А в условиях накладываемых законодательством ограничений на информацию в СМИ Интернет выступает в роли пространства не просто обмена информацией о выборах, а своеобразной свободной трибуной, с которой идет массовый поток информации о выборах, не попадающий под ограничение свободы слова ни по времени, ни по месту, ни по сумме затрат. Отличие этого потока состоит в том,

4. Read more: <http://www.ntv.ru/novosti/364156/#ixzz2Tv34eDrE>.

что при своей насыщенности он сохраняет свойства персонификации информации, означающей персонификацию позиции по отношению к избирательному процессу любого из Интернет-пользователей, желающему об этой позиции заявить.

Мы уже отмечали, что возможности Интернета простираются так далеко, что дают пользователям почувствовать вкус к виртуальной жизни, применяя на себя иные социальные роли, иные аватары, т.е. графические представления пользователя как двумерное изображение (иконка) или трехмерная модель. Сложно сказать, что стало определяющим в том, что глава ЦИК России В.Е. Чуров обнаружил наличие нескольких своих двойников в социальных сетях⁵. Однако претензии предъявлять можно лишь в случае с использованием фотографий, а не графического изображения, права на использование фотографии защищаются путем подачи заявления в суд к администратору сайта. И подобного рода разбирательств достаточно много. Что же касается использования фамилии и имени, то они не относятся к защищаемым персональным данным в отличие даты рождения, места проживания, паспортных данных и т.д. Несмотря на то, что ложные аккаунты председателя ЦИК были оперативно удалены из соцсети «ВКонтакте», они оставались в сервисе микроблогов Twitter. Важно заметить, что Интернет культура отличается более высоким чувством юмора, о чем говорит то, что на просторах сервиса микроблогов можно найти страничку кота Чурова (@ChurovCat), который в отличие от своих подложных хозяев может похвастаться приличной армией подписчиков (1115 читателей) и завидным количеством твитов - более 1600 штук⁶.

Частично отмеченный выше феномен появления аватаров персон, связанных с выборами, отражает процесс их визуализации, резко расширившейся благодаря компьютерным технологиям. Если ранее избиратели имели набор агитационных плакатов, листовок-приглашений на выборы, фотографий кандидатов, реже произведений живописи на темы выборов, то сейчас Интернет позволяет не только наблюдать с помощью веб-камер за ходом голосования, но и отражает художественное восприятие избирательного процесса в разных странах. Например, в день проведения выборов в той или иной стране в поисковой системе Google появляется праздничный логотип, называемый дудлем и ставший составляющей Интернет-культуры. Слово «doodle» в переводе с английского означает «каракули». Первый такой логотип был придуман в 1998 г. О том, что такая Интернет-культура глобальна говорит сохранение общей идеи логотипа на протяжении календарного года и изменения лишь национальной символики, указывающей на страну, в которой в этот день проходят выборы. Если в 2010 г. это было скромное перечеркивание одной клеточки в названии компании Google, как это делает избиратель в бюллетене для голосования, то в последующие годы логотип по этому случаю украсился стилизованным изображением избирательного участка и букв-избирателей с элементами национальной одежды. Учитывая характер и

5. Красников Е. Соцсети начали борьбу с псевдочуровыми // РБКдейли. 2013. 15 мая.

6. Там же.

масштабы активности ресурса Google, такое информационное послание о выборах служит важным знаком привлечения к ним внимания не только электората государства, где они проводятся, но и мировой общественности. Таким образом, формирование глобального электорального пространства находит подтверждение и в Интернет-культуре.

Можно подчеркнуть практически безграничные возможности использования Интернет-технологий в ходе избирательной кампании, которые способствуют донесению до избирателей ярко и точно сформулированных и оформленных представлений о роли этих конкретных выборов в развитии страны или региона, взглядов определенного кандидата, того, как данные выборы отразятся на имидже государства или региона. Инновационная презентация политических инициатив и программ кандидата способствует рекрутированию добровольных помощников кандидатов и наблюдателей, увеличивая число политически активных людей и расширяя традиционный набор форм политического участия. Интернет, оказываясь полем общественно-политических дискуссий, заставляет их участников осваивать приемы политической полемики, которая всегда является продуктом своего времени и национальной культуры и в то же время сохраняет те общие принципы политической дискуссии, которые следует считать ценным наследием мировой постоянно преобразующейся культуры.

Литература

1. Берд К. Ложь, наглая ложь и электронные выборы // Компьютерра. 2004. № 4.
2. Бережков А. Использование сети Интернет в предвыборной кампании в США // Компас. 1999. № 45-46. С. 9-14.
3. Большаков С.В., Ланин В.Г., Мешков П.Я., Панарин И.Н. Интернет и выборы. М.: РЦОИТ, 2002.
4. Дурнова И.А. Зарубежный опыт проведения интернет-выборов и проблемы для России // Информационное право. 2007. № 2 (9). С. 26-30.
5. Коршунов А.В. Электоральная культура как социальное явление: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ульяновск, 2003.
6. Красников Е. Соцсети начали борьбу с псевдочуровыми // РБКдеили. 2013. 15 мая.
7. Макаров Б.А. Прозрачные технологии тайного голосования избирательными бюллетенями // Политический маркетинг. 2002. № 1. С. 7-20.
8. Малишевский Н.Н. Технология и организация выборов. Минск: «Харвест, 2003».
9. Навальный С.В. Электоральная культура (социально-философский аспект): Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2010.
10. Половова Е.В. Голосование через Интернет: за и против / Новеллизация избирательного законодательства и актуальные проблемы его применения. Материалы научно-практической конференции. Самара, 2006.

Г.Г. Гольдин,

*доктор политических наук, профессор, заведующий
кафедрой международного права и иностранных языков
Российской академии адвокатуры и нотариата*

Л.О. Терновая,

*доктор исторических наук, профессор Российской
академии государственной службы при Президенте РФ*

Законодательство о молодежи в контексте государственной молодежной политики

Государственный деятель отличается от политика тем, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель - на следующее поколение.

Уинстон Черчилль

Значимость формирования государственной молодежной политики (ГМП) стала отчетливо осознаваться в обществе после Первой мировой войны. Военные бедствия, обрушившиеся на многих молодых людей европейских государств, втянутых в войну, имели множество далеко идущих последствий. Вернувшиеся с полей сражений молодые фронтовики, даже если им посчастливилось не получить ранений, были искалечены морально. И когда люди творчества называли их «потерянным поколением», люди политики предпочитали говорить о «неучтенных жертвах войны». Война своими ужасами, жестокостью и бессмысленностью в сознании некоторых из таких жертв настолько героизировалась, что повседневная жизнь мирного времени представлялась им еще тягостнее, чем была в реальности. Помимо этого, в теоретическом осмыслении причины войны само наличие значительного числа молодых людей, не имеющих ни образования, ни работы, ни цели в жизни, подпитывало сначала мальтузианские идеи, а затем теорию преобладания молодежи, акцентирующую внимание на несоответствии между количеством неимущих молодых людей и доступных рабочих позиций.

Положение молодых работников на производстве было еще одной проблемой, которая требовала законодательного вмешательства. Понимание заботы о молодежи как христианского вспомоществования нуждающимся молодым людям не обеспечивало эффективности ни снятия трудовых конфликтов в индустриализирующемся обществе, ни надзора за молодежью, социальная деятельность которой не поощрялась. В связи с тем, что большинство кризисных социальных проблем было, прежде всего, свойственно странам, потерпевшим в войне поражение, то и задачи социальной и правовой поддержки молодежи в них стояли более остро, требовали неотложного решения. Так, первый комплексный Закон «О молодежном благоденствии» появился в период Веймарской республики в Германии (1922). Его авторы исходили из постулата свободы личности ребенка и понимания сущности правового государства, что

соответствовало немецким концепциям социальной педагогики и государственной политики. Этот закон содержал положения, касающиеся нормативного закрепления государственных обязанностей по обеспечению трудовых и ряда других социальных прав молодых людей. Проблема прав молодежи осознавалась не только властями. Молодежную тематику не упускали из внимания политические силы. В феврале 1922 г. по инициативе Гитлера в НСДАП был создан молодежный отдел. В 1926 г. молодежные группы партии объединились «Великогерманское молодежное движение», в июле того же года на Веймарском партийном съезде переименованное в «Гитлерюгенд – Союз Немецкой Рабочей Молодежи». После 1933 г. национал-социалистский подход к правовому оформлению социальной защиты молодежи отразил мобилизационный дух перемен, происходивших в Германии. Однако вышеупомянутый Закон в годы нацизма был отменен.

После Второй мировой войны морально-психологическое состояние молодежи Запада определялось достаточно быстро набирающей темпы эскалацией ее социальной активности на пути к «бунтующему» и «мятежному» поколению, преодолевающей ступени «молчаливого» и «скептического» поколений. Рождение понятия «государственная молодежная политика» в зарубежной научной литературе, политической и юридической практике приходится на 1950-1960-е гг., что отразило процессы становления молодежи как самостоятельной социальной силы, ее самоопределение в социально-политическом и правовом пространстве, которое приобретало широкий спектр форм от непосредственного сотрудничества с властью до молодежных бунтов. Из опыта того времени западные страны вынесли убеждение в необходимости превращения молодежной политики в самостоятельное направление деятельности государства. Это нашло выражение в принятии законов, специальных программ по вопросам реализации прав молодежи в сфере образования, трудоустройства, молодых семей.

И хотя мир был разделен «железным занавесом», отзвуки молодежного протеста на Западе были слышны и по его восточную сторону в бывших социалистических странах. Были и внутренние социально-правовые истоки формирования законодательной базы в области молодежной политики и социальной защиты молодых людей. Они состояли в том, что властями и обществом понималась важность зафиксировать в правовом поле социальную теорию и практику стран региона, имевших достаточно высокий уровень солидаризма и социальной ответственности старших поколений за создание условий для вступления в самостоятельную жизнь молодого поколения. Среди законов о молодежи восточноевропейских стран в первую очередь следует упомянуть принятый Правительством ГДР 8 февраля 1950 г. закон «Об участии молодежи в строительстве ГДР и содействии молодежи в учебе, труде, спорте и отдыхе». В 1964 г. принимается второй Закон о молодежи ГДР, третий - в 1974-м. Законы о молодежи действовали в Венгрии (1971), в Польше (1986). В 1978 г. Закон о молодежи Кубе, который, с одной стороны, впитал опыт европейских социалистических стран, а, с другой – отразил необходимость закрепления прав молодежи страны, которая развивалась в условиях жесточайшей экономии. Проекты законов о молодежи были разработаны в Болгарии и Монголии.

В этих законодательных актах имелись специальные разделы

и положения, определяющие компетенцию союзов молодежи в отдельных сферах общественной жизни. По Закону об основах участия молодежи в государственной, экономической и культурной жизни Польши стали действовать новые общественные образования, среди них - Государственный молодежный фонд. Появились такие формы государственной помощи молодежи, как профилактические осмотры состояния здоровья молодых людей, аренда культурных и спортивных объектов и др. В начале 1989 г. был разработан проект Закона о молодежи Чехословакии. Его 60 пунктов во многом повторяли имевшееся молодежное законодательство восточноевропейских стран, но были позиции, отвечающие задачам времени социальных и политических перемен. В высшем органе власти ЧССР начала работать Комиссия молодых парламентариев, состоящая из 35 депутатов (16 % от общего числа). Среди решений, инициированных Комиссией, был вопрос о безвозмездной субсидии молодежи для строительства собственного дома (150 тыс. крон). Министерство обороны приняло решение о сокращении срока службы в армии и о приближении места службы к дому тем, у кого имелись особые обстоятельства: престарелые родители, маленькие дети и пр.¹

В ряде стран, согласно Законам о молодежи, стали функционировать специальные государственные органы. Ведомство по делам молодежи при Совмине ГДР было создано после принятия первого Закона о молодежи. Его структура неоднократно изменялась. С 1979 г. оно работало как самостоятельная управленческая единица, приравненная к министерству. Председатель ведомства назначался только по представлению Бюро Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ). Основной функцией ведомства было осуществление помощи молодежной организации в реализации ее инициатив на государственном уровне, привлечение молодежи к решению народнохозяйственных задач.

В Венгрии был создан работающий под контролем Совета Министров Госкомитет по делам молодежи с задачами по координации и контролю выполнения государственными органами решений в области молодежной политики. В его ведении находились молодежные фонды. Считается, что на Пленуме ЦК ВСРП в феврале 1970 г. произошла победа прагматического направления политики в отношении молодежи при том, что эта политика была полна иллюзий и часто неадекватно выражала ситуацию. Если в начале 1970-х гг. Закон о молодежи оказывал влияние на положение молодых людей хотя бы внешне (через молодежные парламенты они были привлечены к участию в управлении, открывались многочисленные молодежные клубы, создавались строительные молодежные жилищные кооперативы), то к концу того же десятилетия выяснилось, что существенных результатов Закон не дал. Из-за засилья бюрократического механизма его действие практически свелось к нулю. Можно сказать, что принятие Закона отразило существовавшую тогда практику коммунистического воспитания - использовать юридическую оболочку для усиления идеологической работы с молодежью. В 1980-е гг. в венгерском обществе стала осознаваться необходимость направить

1. Комсомольская правда. 1989. 6 июля.

молодежную проблематику в широкие социальные рамки. Это отразилось в преобразовании Госкомитета по делам молодежи в Госкомитет по делам молодежи и спорту, что было созвучно тенденции нового понимания роли государства в решении проблем подрастающего поколения, но и отходило от чисто молодежной политики, ведь лишь ничтожная часть бюджета этого комитета тратилась непосредственно на молодежные нужды. С 1988 г. в Венгрии стало функционировать Министерство здравоохранения и социальной политики, в компетенцию которого входило рассмотрение молодежных проблем.

Управление Совета Министров Польши по вопросам молодежи было создано в 1982 г. на основе решений IX Пленума ЦК ПОРП. Осенью 1988 г. оно было преобразовано в Комитет по вопросам молодежи и физкультуры. Комитет имел не только центральные, но и местные органы, которые тесно сотрудничали с народными Советами, так как значительная часть работы велась на общественных началах. Основная функция Комитета сводилась к координации работы союзов молодежи и государственных органов, созданию комиссий по различным вопросам.

В восточноевропейских странах все отчетливее проявлялись кризисные тенденции. В Венгрии в мае 1989 г. на заседании парламента по вопросам молодежной политики было решено отказаться от следования Закону о молодежи 1971 г. Доминирующим стало мнение, что социальными молодежными вопросами нужно заниматься в общенациональном масштабе, а основные положения молодежной политики должны рассматриваться в рамках закона об общественных организациях. С июля 1988 г. начала функционировать временная комиссия Совмина по работе с молодежью. В правительстве был назначен куратор этой комиссии, ответственный за разработку ее программы. Несмотря на то, что в других странах законы о молодежи не получили официальной критической оценки, и там представители власти и молодежь не связывали решение молодежных проблем исключительно с ее правовым регулированием. Гораздо больше надежд возлагалось на развитие прямых связей между молодежными организациями и органами управления, хотя на практике отдача от совместных обсуждений различных молодежных программ почти не приносила результатов. И все же попытки извлечь из такого сотрудничества реальную помощь для молодых людей предпринимались в странах региона неоднократно.

Под влиянием внутренних и внешних факторов социально-экономического, политического и идеологического характера формировались новые подходы в области молодежной политики правящих партий. Часто все ограничивалось сменой вывесок. В Польше появился министр по делам молодежи. В Румынии таким министром был по совместительству назначен первый секретарь ЦК СКМ. В ряде стран были образованы государственные молодежные фонды, предназначенные для смягчения социальных проблем подрастающего поколения. Однако при всем многообразии государственных и государственно-общественных предложений и вспомоществований молодым людям степень вовлеченности молодежи не только в различные мероприятия, но и в целом в действия по поддержке партийных проектов построения коммунистического общества неуклонно снижалась.

В СССР термин «государственная молодежная политика» для характеристики отношений власти и молодежи не применялся, обращение к нему было лишь выражением необходимости осуществления международных связей по этим вопросам. В стране неоднократно озвучивались идеи необходимости разработки и принятия Закона о молодежи. Но начало практических шагов в этом направлении совпало с обострением идейно-политической борьбы в советском обществе. Появившийся в 1991 г. Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» закреплял обязанности государства по поддержке молодого человека путем принятия специальных мер экономического, правового и организационного характера². После распада Советского Союза этот закон не вошел в состав нормативных правовых актов Российской Федерации. А в сентябре 1992 г. Президентом России был подписан Указ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики»³ и утверждена Стратегия государственной молодежной политики⁴.

К концу XX столетия, по данным ООН, в мире насчитывалось более ста стран, где действовали специальные законодательные акты по вопросам развития и социальной защиты молодежи. Большинство из них имело на высшем государственном уровне органы и структуры, непосредственно вырабатывающие и координирующие государственную молодежную политику⁵. Существенное влияние на формирование государственной молодежной политики и разработку законов о молодежи оказали мероприятия, проводимые в рамках Международного года молодежи (1985).

Конституционные законодательства многих зарубежных государств закрепляют в общих чертах правовые основы работы с молодежью. В Конституциях Армении, Белоруссии, Венгрии, Йемена, Словакии, Италии, Испании, КНР, Кубы, Кувейта, Ливии, Молдавии, Португалии, Румынии, Сирии, Таиланда, Турции, ФРГ, Филиппин, Хорватии, Швейцарии и ряда других государств есть формулировки о молодежи, работе с ней и/или молодежной политике.

В Германии почти сразу после объединения в 1990 г. был принят новый Закон о помощи детям и молодежи, который охватил вопросы занятости, социального обеспечения, семейных отношений⁶, который возрождал традиции национальной правовой практики, в частности, закона 1922 г., законов о молодежи ГДР и ФРГ (1949). Специальные законы о молодежи имеются в Афганистане, Австрии, Великобритании, Греции, Израиле,

2. Закон СССР от 16.04.1991 № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» // bestpravo.ru/Документы СССР/gn-postanovlenija/v7p.htm; Закон о молодежи: док. и материалы по истории становления гос. молодежной политики в России / Сост. и авт. вступ. ст. И.М. Ильинский, Вал.А. Луков; Моск. гуманитар. ун-т. В 2-х т. М., 2008.

3. Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (с изменениями от 12 апреля 1999 г.) // <http://base.garant.ru/2300503/>

4. Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 18 декабря 2006 года № 1760-п / www.admhmao.ru/socium/molod/Yprav/1760.htm.

5. Скробов А.П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 129.

6. Das neue Kinder- und Jugendhilfegesetz / Der Bundesminister für Jugend, Familie, Frauen und Gesundheit. Bonn, 1990.

Индии, Испании, Италии, КНР, Нидерландах, Турции, Финляндии, Франции, Швеции, Эстонии, Южной Кореи, Японии, на Кубе и в ряде других стран. В то же время есть государства, где концептуальный подход к молодежной политике предполагает минимальное участие государственных структур в социализации молодежи. Например, в США, эта забота возлагается преимущественно на частные благотворительные организации. А, например, в Скандинавских странах (Швеция, Финляндия) молодежная политика опирается на приоритетную роль государства, четкую регламентацию мер поддержки молодых людей и молодежных организаций⁷.

В странах СНГ, кроме России и Армении, имеются базовые законы в сфере ГМП. В Азербайджане, Казахстане и Туркмении действуют законы «О государственной молодежной политике», в Киргизии, Белоруссии и Узбекистане – «Об основах государственной молодежной политики», в Молдавии – «О молодежи», Таджикистане – «О молодежи и государственной молодежной политике», Украине – «О содействии социальному становлению и развитию молодежи». В ряде стран созданы государственные органы по делам молодежи, приняты национальные программы⁸.

В Российской Федерации необходимость социальной и правовой защиты молодежи очевидна и она вполне осознается самими молодыми людьми. По данным социологов, на вопрос: «Нарушались ли когда-либо ваши права?» – абсолютное большинство опрошенных (80 %) ответили «да». Фактически каждый пятый из опрошенных становился за последние несколько лет жертвой преступления, а надежда на суд, полицию, прокуратуру, органы власти у молодежи невелика. В случае ущемления и нарушения прав лишь небольшая часть молодых людей пыталась их защитить через официальные инстанции. Основная масса (от 70 до 80 %) обращалась за помощью к друзьям, решала свои проблемы самостоятельно или ничего не предпринимала⁹. Большая часть молодых людей чувствует себя практически не защищенными не только от «криминального мира», но и от социальных коллизий и бюрократического произвола. *Отношение к политической реальности* у молодых весьма неоднозначно. Довольно многие молодые люди не уверены в возможности реализации именно тех своих прав, которые, казалось бы, неотделимы от современной политической жизни и постоянно прокламируются властью как достигнутые и реализованные для всех граждан. Около 40 % респондентов считают бессмысленным выражать свои взгляды и требования, полагают, что рядовой гражданин никоим образом не может влиять на развитие событий даже на уровне своего города или села. При этом в регионах РФ действует большое количество законов и подзаконных актов, посвященных вопросам государственной молодежной политики. Создан широчайший массив муниципальных правовых актов, касающихся молодежи и работы с ней.

Вероятно, малая эффективность имеющихся нормативных актов определяется тем, что их исполнение не корреспондируется с

7. См.: Закон о молодежи Швеции // <http://www.fadm.gov.ru/information/16/124/>.

8. Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России // История государства и права. 2007. № 20. С. 10-12.

9. Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. Основные выводы и предложения Государственного доклад // <http://do.gendocs.ru/docs/index-218350.html?page=7>.

положениями, которые могут быть закреплены в федеральном законе о молодежи, поскольку государственная молодежная политика является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Принятие закона о молодежи будет способствовать регулированию правового статуса молодежи и ее объединений, установлению правовых основ государственной молодежной политики, разграничению полномочий между органами власти в этой области. Совершенствование государственной молодежной политики и, прежде всего, ее правовых основ вносит вклад в расширение сферы устойчивого развития¹⁰. В условиях глобализации молодежная политика каждого государства отражает уровень его экономического, политического и культурного развития, общественные ценности и приоритеты, одновременно являясь вкладом и в его будущее, и в будущее всего человечества.

Литература

1. Закон СССР от 16.04.1991 № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» // bestpravo.ru/ДокументыСССР>gn-postanovlenija/v7p.htm.
2. Закон о молодежи: док. и материалы по истории становления гос. молодежной политики в России / Сост. и авт. вступ. ст. И.М. Ильинский, Вал.А. Луков; Моск. гуманит. ун-т. В 2-х т. М.: Изд-во МосГУ, 2008.
3. Закон о молодежи Швеции // <http://www.fadm.gov.ru/information/16/124/>.
4. Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 18 декабря 2006 года № 1760-р / www.admhmao.ru/socium/molod/Yprav/1760.htm.
5. Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (с изменениями от 12 апреля 1999 г.) // <http://base.garant.ru/2300503/>
6. Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. Основные выводы и предложения Государственного доклад // <http://do.gendocs.ru/docs/index-218350.html?page=7>.
7. Доклад о мировом развитии 2007. Развитие и новое поколение. М.: Весь мир, 2007.
8. Кочетков А.В. К вопросу о тематике конституционно-правовых исследований в области государственной молодежной политики // Закон и право. 2009. № 10. С. 9-12.
9. Нехаев В.В., Нехаева Т.Г. Социально-правовые аспекты реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. М.: Социум, 1999.
10. Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России // История государства и права. 2007. № 20. С. 10-12.
11. Скробов А.П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 127-134.
12. Das neue Kinder- und Jugendhilfegesetz / Der Bundesminister für Jugend, Familie, Frauen und Gesundheit. Bonn: BMJFFG, 1990.

10. Доклад о мировом развитии 2007. Развитие и новое поколение. М., 2007.

Международные отношения

А.В. Багаева,

*кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры
социологии международных отношений Социологического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*

Сумерки и рассветы идеи Европы

Возникновение понятия «Европа» относится к тому времени, когда сознание человека научилось создавать масштабные образы, в том числе пространственные. В греческой мифологии был сюжет о похищении Зевсом дочери финикийского царя Европы, по имени которой называли континент. Уже у «отца истории» Геродота можно встретить разделение мира на три части: Европу, Азию и Ливию, т.е. Африку. Геродот в V в. до н.э. фактически открыл традицию рассматривать понятие «Европа» в противоположность понятию «Азия», видя различия населения этих пространств в языке, культуре, веровании, образе жизни, системе управления государством и пр.

Первая попытка не противопоставить европейское пространство другим, а экономически, политически, идеологически связать эту территорию, т.е. в современном понимании пространство от Черного моря до Британских островов, была реализована в период Римской империи. Однако имперская модель, как и все модели управления слишком разными территориями из одного центра, была уязвима. Ни римские дороги, ни римские легионы, ни распространение общего языка – вульгарной латыни, ни адаптируемый к потребностям местных верований культ не могли удерживать во власти слишком обширное пространство, а тем более, не давали возможности сформироваться некой социокультурной общности, которая бы данную территорию воспринимала как источник собственной цивилизационной идентичности.

В этом обнаруживается почва для сохранения другого, отличного от мифологического, источника происхождения понятия «Европа». Так, есть представление, что в греческий язык слово «Европа» пришло из финикийского языка, в котором им обозначали «вечернюю страну», ибо для Финикии за морем садилось Солнце. Поэтому название труда О.Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» следует переводить как «Закат Страны вечера», а не «Закат Европы»¹. В чем же здесь различие, если географически речь идет об одном и том же континенте? Оно в том, что вечерний мир граничит с миром сумерек. А это территория полураспада и распада социальных связей, экономики, культуры, политики. Такое прочтение придает некий природный, суточный ритм геополитической жизни Европы, а позже и жизни идеи Европы. Причем по мере приближения к нашему времени этот хронологический ритм будет становиться все быстрее: и сумерки окажутся короче, но и время расцвета цивилизационной европейской модели, как это ни печально, будет также сжиматься.

1. См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

Первые сумерки Европы наступают, когда рушится имперская модель, установленная Древним Римом. Варварские государства не могут удержать целостности и европейского подбрюшья – Средиземноморского мира, где в VII в. начинается арабская экспансия. Для идеи Европы это также сумерки. А недолговечность империи Карла Великого соответствует сумеречному состоянию Европы. Но сумерки – это не крошечная темнота. В них можно видеть проблески света. А в случае с империей Карла Великого это были проблески новых методов управления и Каролингского Возрождения.

В Средние века и эпоху Возрождения стержнем идеи Европы выступало христианство. Гуманист Энеа Пикколомини, ставший понтификом под именем Пий II, в 1458 г. пишет текст трактата «История Европы» (*Historia de Europa*), а в 1461 г. – такой же трактат об Азии, что свидетельствует о разграничении двух культурных миров и возникновении европейской идентичности. После падения Константинополя (1453) Пий II разрабатывал доктрину, последствия которой поначалу не были осознаны ни им, ни его современниками. Европа провозглашалась «родиной и домом» (*patria e domus*) всех христиан и отождествлялась с христианской религией (*christiana religio*), а, следовательно, любого европейца можно было считать христианином. В предисловии к своей «Истории Европы» Пикколомини употреблял выражение: «Европейцы или те, кто именуется христианами»².

Фактически до конца XVIII в. понятия «Европа» и «христианство» воспринимались как синонимы. Лишь через несколько столетий сначала, увидев земли Нового Света, затем получив основы международного права и сформировав представление о государственном суверенитете и уже пережив Тридцатилетнюю войну, Европа вновь задумалась о своей идентичности вне ее жестко обозначенного конфессионального курса.

Если на середину XVII в. пришлось начало нового расцвета идеи Европы, то на конец XVIII столетия падают ее самые блестящие моменты. Выражение «европейская цивилизация» (*la civilisation europeenne*) впервые появляется в 1766 г. в работе физиократа аббата Бодо, считавшего важнейшей задачей французских колонистов в Северной Америке превратить индейцев в настоящих французов. И в том, что изначально в новом расцвете идеи были признаки превосходства Европы над другими регионами, и европейских народов над другими народами, можно было узреть ожидание новых сумерек идеи Европы. Пока же ее подпитали силы Французской революции XVIII в. Идея Европы во всех своих проявлениях, включая идеи наполеоновской империи и ее крах, утверждала практически безграничную веру в превосходство Европы над всем остальным миром. Венцом этого убеждения стало провозглашение в 1830-х гг. проектов политического объединения Европы, например, проект Дж. Мадзини об образовании Соединенных Штатов Европы.

С чего начались новые сумерки идеи? Их можно было заметить по набравшей силу идее объединения Германии. Это означало

2. Цит. по: Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2007. // http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/1001600/Kardini_-_Evropa_i_islam_Istoriya_neponimaniya.html.

принципиально новый геополитический расклад сил на континенте. Для О. фон Бисмарка Европа уже была всего лишь географическим названием. Не надо думать, что одна Германия считала себя превыше всего (гимн с такими словами на музыку Гайдна станет гимном Веймарской республики в 1922 г.). Европе было суждено пережить взлет национализма. Это было сродни болезненному желанию ощутить свои возможности, открывшиеся в ходе технического прогресса, в результате развития научной мысли. Эти желания подтолкнули европейские государства к Первой мировой войне, и эти же достижения заставили их начать сотрудничать, чтобы закончить Вторую мировую войну.

Отнесение межвоенного периода к сумеркам идеи Европы, а не ко времени ее краткого рассвета уместно, поскольку, хотя на континенте сгушалась атмосфера нацистской опасности, проблемами преодоления конфликтного взаимодействия европейских стран были по-разному озабочены многие политики того времени. Например, Р. Куденхове-Калерги излагал свой план того, как Европа могла бы стать самостоятельным политическим и экономическим образованием, противостоящим одновременно СССР, Великобритании и США в книге «Пан-Европа», опубликованной в 1923 г.³ В 1926 г. в Вене собрался первый Панъевропейский конгресс, на котором было провозглашено создание Панъевропейского союза. Но события, связанные с мировым экономическим кризисом, болезненно проявившиеся в Европе в расколе на социально-экономические модели его преодоления, в итоге через 13 лет привели к началу новой мировой войны.

Нельзя не видеть парадокса в том, что одним из ее уроков, рано или поздно усвоенных, стал урок о необходимости объединения европейских государств, но при этом не было сделано сколь-либо серьезных усилий для осмысления того, что, собственно говоря, представляет собой сама Европа. Стоит обратиться к мысли Х. Мюнклера, *политолога, философа, историка политической мысли, профессора Университета им. Гумбольдта*, который *считает, что* «Европа долгое время не особенно интересовала интеллектуалов XX века. Представители правого их крыла, если краткости ради использовать эту политическую классификацию, были в основном заняты проблемами государства и нации, а левые интеллектуалы посвящали себя общечеловеческим вопросам. Европа, как политико-географическая единица или как политико-культурная идея, какой бы смысл в это ни вкладывать, как бы провалилась между двумя этими величинами соотнесения – национальным государством и человечеством. Или она использовалась ими только как более или менее внятно оформленный контрпроект к тем или иным собственным политическим взглядам: в одном случае – как некая величина, размывающая определенность государства и нации, в другом – как некий конгломерат власти, противостоящий универсальным устремлениям человечества, как источник колониализма и империализма, как место разворачивания внутренних и гражданских войн, скорее противостоящий, чем поддерживающий визионерские идеи мирного обустройства человеческой жизни»⁴.

3. См.: Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа. М., 2006.

4. Мюнклер Х. Европа как политическая идея // Неприкосновенный запас. 2003. № 4(30) // <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/>

Соглашаясь с приведенной выше позицией, нельзя не заметить, что она не исчерпывает всех причин, почему идея Европы не была в центре европейских политических дискуссий почти всей второй половины XX в. На наш взгляд, главной среди них является причина геополитическая, которую лучше всех обозначил Черчилль в Фултонской речи и которая на долгие годы вошла в международную практику как клише «железный занавес». Следует признать, что после Второй мировой войны изменилось лишь качество материала, что использовался для иллюстрации линии разделения Европы на Западную и Восточную. А такое разделение было присуще моделям Европы многих выдающихся умов, среди которых достаточно вспомнить Вольтера и Меттерниха.

После наполеоновских войн идея Европы оказалась препарированной на две части. В первой – Западной Европе – выстраивалась конструкция, через сто лет завершившаяся инициативой «Европа 92», последней фазой либерализации рынка Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС)⁵. В Едином Европейском Акте (ЕЕА) 1986 г., впервые внесшем поправки в изначальный Римский договор, члены ЕЭС обозначили принципиально важные шаги по воплощению «Белой книги» в жизнь. Самым важным среди выделенных мер стал отказ от требования Римского договора о единогласном одобрении мероприятий по завершению формирования рынка, так что один или два члена Сообщества, руководимые национальными эгоизмами, далее не могли блокировать меры по либерализации торговли. Таким образом, ЕЕА предоставил Европейскому Сообществу процессуальный инструмент, необходимый для достижения ее далеко идущей цели, а именно: «включения во внутренний рынок зоны без внутренних границ, в которой гарантируется свободное перемещение товаров, людей, услуг и капиталов»⁶.

В политическом дискурсе, безусловно, и после окончания Второй мировой войны, и еще более после заключения Римских соглашений 1957 г. Европа выступила в качестве отдельной темы, но эта проблематика ограничивалась лишь поиском европейской идентичности в противопоставлении, с одной стороны, идентичности американской (что актуализировалось принятием помощи согласно плану Маршалла, а с 1949 г. еще и присутствием войск Североатлантического альянса на европейской территории), с другой стороны, восточноевропейской идентичности, в восприятии которой западные европейцы избавлялись от элементов ориентализма, однако, заменяли их антибольшевистскими шаблонами оценки сложной политической и социокультурной реальности стран Восточной Европы.

Идея Европы, хотя не исчезала из поля зрения европейских интеллектуалов и даже некоторых политиков (в ноябре 1959 г. генерал де Голль выступил со знаменитой речью о «Европе от Атлантики до Урала»), не была поднята на уровень отдельной гуманитарной технологии, направленной на формирование новой модели самовосприятия европейцев.

5. <http://ecouniver.com/1552-iniciativa-1992-es.html>EcoUniver.

6. Единый Европейский акт (ЕЕА) (вместе с заключительным Актом и декларациями) (подписан в г. Люксембурге 17.02.1986 и в г. Гааге 28.02.1986) // <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex13982.htm>.

Европа в большинстве политических проектов выступала в остаточном от экономике виде, институциональные меры, хотя и являлись результатом совместных политических решений стран-членов Сообщества, но диктовались в первую очередь экономической целесообразностью.

Эту ситуацию можно проиллюстрировать на примере одного из важнейших европейских институтов, созданного в 1957 г. Это – Европейский парламент. Его качество как витрины демократии и парламентаризма было подмечено распространенной в 1970-х гг. шуткой: «Пошли своего старого дедушку заседать в Европарламент». Но в 1979 г. состоялись первые непосредственные выборы в парламент, а после подписания ЕЕА этот орган стал принимать участие в законодательном процессе, получил право официально делать предложения по изменению законов. С принятием Маастрихтского договора 1992 г. произошло уравнивание в правах Европарламента и Европейского совета. При всей синхронности этих мер с мерами по завершению создания единого рынка, они наполнялись иным содержанием. Европарламент символизировал гражданство ЕС, ибо право избирать является одним из важнейших прав гражданина. И в рамках развития европейского парламентаризма идея Европы обретала свои гражданские контуры, что позволяло ей более отчетливо оформиться в особую гуманитарную технологию.

Сложность реализации данной технологии после ликвидации «железного занавеса» обусловлена несколькими моментами. Первый - необходимость распределения ценностей Европы по всей территории континента. Она стала очевидной после крушения социализма в странах Восточной Европы и присоединения значительного числа бывших социалистических стран к ЕС. Но за границами Евросоюза Европа не заканчивается. Вариация идеи Европы вылилась в модель «Восточного партнерства», которая зародилась в 2008 г. в виде польско-шведской инициативы при активной поддержке Германии и Великобритании⁷. К 2013 г. «Восточное партнерство» сохранило поддержку преимущественно новых членов ЕС: Польши, Чехии, Словакии, Литвы и Румынии, став для них возможностью реализации своих внешнеполитических интересов внутри ЕС. Что касается постсоветских государств – Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Украины, то в мае 2009 г. на саммите в Праге они получили адресованную лишь им версию «Европейской политики соседства», запущенной в 2003 г. Все позиции проекта «Восточное партнерство» не позволяют дать четкого ответа на вопрос, для каких целей нужны Евросоюзу восточные соседи. Актуальность этому вопросу добавил кризис, который потребовал перераспределения средств внутри самого ЕС. Снизился идеологический накал аргумента о соперничестве с Россией на территории Восточной Европы. В результате, пока ЕС, фокусирующий европейские взгляды граждан стран, входящих в него, не определится со своей позицией в отношении пространства Европы Восточной, вряд ли можно всерьез рассуждать о продвижении идеи Европы как гуманитарной технологии за рамки ограниченного круга региональных проектов государственного и

7. Шишкина О.В. Четыре года «Восточного партнерства» // Независимая газета. 2013. 20 мая.

негосударственного уровня, к коим, строго говоря, безоговорочно можно отнести «Евровидение», да и наиболее популярные спортивные чемпионаты, например, по футболу.

Второй момент, который говорит о современных сложностях трансформации идеи Европы в гуманитарную технологию, относится к появлению в западноевропейских странах за пределами высокой численности населения, либо родившегося в других регионах, либо родившихся в ЕС, но в семьях иммигрантов. По словам швейцарского теоретика Европы Адольфа Мушга, идентичность Европы «отнюдь не должна искать для себя обоснований где-либо помимо опыта, ибо каждый, кто «забронировал» Европу исключительно для себя, неизбежно становится жертвой той ослепляющей гордыни, из-за которой в XIX веке Европа полагала, будто она представляет весь мир, и стремилась к господству. Ее границы не должны быть иными, нежели те, на которые она непреднамеренно наталкивается, цивилизуя саму себя»⁸. Вобрав демократические традиции полиса, Европа не может остановиться в их развитии, что требует от нее признания открытости и свободы европейского пространства как наследника полиса.

Исходя из такого понимания развития Европы, важно уйти от заикленности на кризисе мультикультурализма и вопросе о том, что делать с иммигрантской массой, не разделяющей европейских ценностей, а обратиться к поиску общей платформы для отмеченных двух моментов. Представляется, что ее истоки относятся к периоду начала активной колониальной политики европейских государств. Она явилась базой того, что с XVIII в. европейцы видели в ней инструмент универсализации собственного образа. Пытаясь интегрировать образ самих себя с помощью колониальной политики, европейцы заложили несколько трендов, с диктатом которых им пришлось столкнуться в наши дни. Во-первых, из-за превалирования экономической модернизации над политической, Европа пережила не только две мировые войны, накопила избыточный опыт тоталитаризма и авторитаризма, но и вынуждена была принять образование двух «Европ» в 1945 г. Во-вторых, серьезным конкурентом идеи Европы стал европоцентризм, означающий приоритетность и всеобщую значимость определенных ценностей и насильственное навязывание их другим, в том числе другим странам и другим людям, оказавшимся на пространстве Европы.

Из этого следует необходимость поиска развилки истории, когда в самом начале колониальных шагов европейских государств были утеряны некоторые черты подлинной идеи Европы. Вернуться к ним значит придать идее Европы не просто качества, отличающие гуманитарные технологии в институциональном плане, а добиться более четкой артикуляции в этой идее и доведения данного смысла до всех, на кого направлена такая гуманитарная технология, того, что имманентно в идее Европы присутствует. А именно: ценность свободы, приверженность солидарности, уважение чужих ценностей, опора на право. С учетом

8. Мушг А. Ядро Европы // Отечественные записки. 2003. № 6 // <http://www.strana-oz.ru/2003/6/yadro-evropy>.

особой ритмики мерцания идеи Европы и безусловного нежелания увидеть в скором времени очередной «закат Европы», эти компоненты необходимо дополнить представлением об ответственности современных европейцев, независимо от их национальности и стажа проживания в Европе, за сохранение и реализацию европейских ценностей.

Литература

1. Глоссарий терминов Европейского Союза и Восточного партнерства (словарь-справочник). Минск: Издатель И.П. Логвинов, 2012.
2. Единый Европейский акт (ЕЕА) (вместе с заключительным Актом и декларациями) (подписан в г. Люксембурге 17.02.1986 и в г. Гааге 28.02.1986) // <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex13982.htm>.
3. Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. СПб.: Alexandria, 2007. // http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/1001600/Kardini_-Evropa_i_islam_Istoriya_neponimaniya.html
4. Куденхове-Калерги Р.Н. Пан-Европа. М.: Вита Планетаре, 2006.
5. Мушг А. Ядро Европы // Отечественные записки. 2003. № 6 // <http://www.strana-oz.ru/2003/6/yadro-evropy>.
6. Мюнклер Х. Европа как политическая идея // Неприкосновенный запас. 2003. № 4(30) // <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/>
7. Шишкина О.В. Четыре года «Восточного партнерства» // Независимая газета. 2013. 20 мая.
8. Шпенглер О. Закат Европы. М.: «Наука», 1993.

А.И. Василенко

аспирант Факультета национальной
безопасности РАНХ и ГС

Современные тенденции развития научно-технологического сотрудничества России и ЕС

Долговременная устойчивость высоких темпов экономического роста невозможна без существенного увеличения доли конкурентоспособной научной продукции, опережающего, по сравнению с сырьевыми, роста высокотехнологических отраслей. Мировой опыт свидетельствует, что ускорение инновационного развития не может быть обеспечено только «точечным» финансированием. Необходимо системное крупномасштабное «вливание» денежных средств в конкурентоспособные или потенциально конкурентоспособные отрасли, а также в отрасли, сопряженные с ними по цепочке научных и технологических возможностей¹.

По планам российского правительства в рамках федеральных целевых программ на развитие и усиление программно-целевого метода управления сферой исследований и разработок приоритетных направлений науки и техники, нацеленных на выполнение конкретных программ необходимо обеспечить концентрацию финансирования науки². При этом важно учитывать различия в подходах к финансированию фундаментальных и прикладных исследований.

Резкое снижение финансирования заставило как исследовательские организации, так и отдельных ученых России искать альтернативные источники средств для продолжения своих работ. Несомненно, что состояние отечественной науки отразило все противоречия системной трансформации в России, издержки государственной научно-технической политики, кризис системы организации научно-образовательного комплекса.

Значительную роль в решении этой проблемы с начала 1990-х гг. стали играть зарубежные некоммерческие фонды, благодаря которым в практику деятельности вузов и научно-исследовательских институтов вошли конкурсы на получение грантов и стипендий, сформировалась новая культура менеджмента науки³.

К сожалению, на сегодняшний день нет даже приблизительных оценок приобретений для российской науки, связанных с возможностью

1. См.: Грохберг Л., Китова Г., Кузнецова Т. Стратегия интеграционных процессов в сфере науки и образования. // Вопросы экономики. 2008, №9.

2. См.: Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2008-2012 годы. Утверждены распоряжением Правительства РФ от 27 февраля 2008 г. №233-р М., 2008.

3. См. Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда им. А. Гумбольдта)/ Под редакцией Чепуренко А.Ю., Гохберга Л.М. М., 2005.

профессионального роста тех ученых, которые участвовали в различных формах международного сотрудничества. Зарубежные научные фонды через систему, прежде всего, грантов, стажировок обеспечивают перспективным молодым ученым, а также уже зарекомендовавшим себя специалистам из России условия для существенного приращения знаний, а тем самым - для вхождения и закрепления в зарубежной и российской научной элите. Эти фонды стали катализаторами научной мобильности востребованных специалистов: плотность и интенсивность научных контактов с зарубежными коллегами возросла в несколько раз, приглашенные российские специалисты работают во многих исследовательских центрах и университетах десятков стран мира. Для работы во многих областях знания по целому ряду причин необходимым условием получения качественных результатов становится пребывание перспективного исследователя на стажировке или по контракту в ведущих зарубежных исследовательских центрах; такая стажировка становится обязательной ступенькой его успешной карьеры. По экспертным оценкам, за последние 10 лет через длительную работу за рубежом прошло более 100 тыс российских ученых, вернувшихся затем в страну⁴.

Признание в мировом научном сообществе становится средством, позволяющим привлекать дополнительные финансовые ресурсы для решения инновационных исследовательских задач. Финансирование инновационной деятельности за счет бюджетных средств осуществляется с целями и приоритетами государственной инновационной политики и нацелено, как для решения крупномасштабных проблем, так и для поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства. Государственное финансирование предоставляется, как правило, на безвозмездной и безвозвратной основе, в форме грантов, но для этого важно представить более выгодный проект, выиграть конкурс и доказать, что выделенные средства будут израсходованы именно на новации, в результате чего предприятие или научно-исследовательский проект принесет пользу государству. Безусловно такой подход, хотя и правильный, но затрудняет получение достаточного объема государственных средств.

Поэтому усиливается важность большей координации программ между западными и российскими научными центрами и организациями для выработки совместных подходов, приобретающая важный смысл в целях устранения излишнего дублирования, а также для более эффективного использования финансовых ресурсов. Скоординированная деятельность может способствовать тому, что реформы в одном секторе (научно-технологическом) будут положительно влиять на другие сектора экономики (такие, например, как сфера образования и промышленность). При этом подготовка программ должна стать более оперативной, поскольку состояние самого объекта поддержки, т.е. науки, меняется достаточно быстро. При этом оперативность будет сочетаться с более тщательным стратегическим планированием.

В последние годы происходит пересмотр подходов к тому, как, кому и на каких условиях должна оказываться поддержка российской науке, и

4. См. там же

доминирующими становятся следующие подходы. Большинство зарубежных организаций склоняется к тому, что должен быть более строгий выбор приоритетных направлений поддержки, и их следует согласовывать с российской стороной до начала реализации инициатив. Все большее число зарубежных организаций стремится привлекать российских ученых в свои программы в качестве экспертов. Ярким примером может служить сотрудничество в крупнейшем международном исследовательском проекте в области энергетики⁵.

Ядерная энергетика и космос - это, пожалуй, те сферы, где действительно происходит сотрудничество между Россией и Европейским Союзом вообще, и отдельными странами ЕС, в частности. На протяжении нескольких лет страны-члены ЕС и Европейское космическое агентство сотрудничают с Россией в этой важной области. Двусторонний диалог по космосу между Европейским Союзом и Россией начался еще в 1998 году. Обе стороны были заинтересованы в большем количестве проектов сотрудничества в области космоса и прикладных космических технологий с учетом своего социального и экономического потенциала. В декабре 2001 года Европейская Комиссия, Европейское космическое агентство и Росавиакосмос подписали трехсторонний Совместный меморандум о «Новых возможностях российско-европейского партнерства в области космоса», который создал политическую основу для работы в данной области и сотрудничества по проектам ГАЛИЛЕО/ГЛОНАСС, Глобальный мониторинг окружающей среды и безопасности (GMES), исследования в области пусковых установок, а также промышленное сотрудничество и исследования в области космических транспортных систем⁶. С 2000 года идут плодотворные переговоры между Европейским Союзом и Россией по техническим и промышленным вопросам. В этой связи, в марте 2004 года «Стареем» и «Арианэспас» подписали контракт с Европейским космическим агентством, включающего запуск двух экспериментальных спутников ГАЛИЛЕО с использованием двух ракетополетителей «Союз» с космодрома Байконур⁷.

В последнее время наметились несколько новых тенденций в деятельности зарубежных организаций и фондов в России.

Во-первых, получила распространение точка зрения, что участниками долевого финансирования могут и должны быть не только госструктуры,

5. Евросоюз выступил с инициативой создания первого экспериментального термоядерного реактора (ИТЭР – International Thermonuclear Experimental Reactor), в котором планируется отработать технологии для создания первой коммерческой термоядерной электростанции. Участниками международного консорциума стали - Россия, Франция, США, Китай, Швейцария, Индия, Япония и Южная Корея. С целью обеспечения участия Российской Федерации в мероприятиях, связанных с подготовкой к сооружению Международного термоядерного экспериментального реактора Правительство Российской Федерации в августе 2001 года приняло Постановление «Об утверждении федеральной целевой программы «Международный термоядерный реактор ИТЭР» на 2002 – 2005 годы. Технически реактор готов и ожидается, что первый плазменный процесс будет произведен в 2016 году.

6. См. сайт Представительства Европейской Комиссии в России: http://www.delrus.ceceu.int/ru/p_294.htm

7. См. там же.

но и частный бизнес, а также региональные власти. Развитие региональной инициативы, подпитываемой зарубежным инвестированием, в области научно-технической и инновационной деятельности обусловит дальнейшее разграничение полномочий между федеральными и региональными органами исполнительной власти в решении вопросов науки и образования, в реализации региональных программ и проектов. Некоторое сокращение благотворительной поддержки, распределяемой через фонды, компенсируется ростом контрактных форм сотрудничества, основанных на прямых договорах российских институтов и зарубежных организаций⁸.

Во-вторых, все больший интерес вызывают области, поддержка которых могла бы принести видимый практический результат. Соответственно, растущее число организаций начинает уделять внимание таким сферам, как помощь в коммерциализации результатов исследований и разработок, развитие программ содействия в установлении партнерских связей между российскими зарубежными научными и организациями, а также российскими учеными и западным малым бизнесом и промышленными компаниями. К примеру, хорошие перспективы сотрудничества между ЕС и Россией даёт программа ГАЛИЛЕО - так называется Европейская программа глобальных навигационных услуг. Имеется большой потенциал у этой программы; с марта 2002 года Совет министров транспорта ЕС предоставил финансовую поддержку этому проекту.

В-третьих, формируя список приоритетных направлений исследований, зарубежные фонды оказывают активное воздействие на структуру и тематику научных исследований в России, нередко более действенное, чем решения академического руководства и политики Министерства образования и науки. Вместе с этим, при этом происходит ослабление связей российских специалистов со своими научными коллективами, их подчиненное положение западным руководителям, усиление зависимости от внешнего финансирования и эмиграционные настроения среди наиболее перспективной научной молодежи. Вообще, последствия деятельности зарубежных фондов в воспроизводстве кадрового потенциала российской науки неоднозначные. С одной стороны, растёт научная компетентность российских исследователей, возрастает их мобильность, с другой - все эти процессы неизбежно сопровождаются «утечкой умов» за рубеж.

В связи с этим, нельзя не обратить внимания на экономические потери, которые несет Россия от «утечки умов» на Запад. По некоторым данным, ежегодный ущерб оценивается в 25 млрд. долл.⁹ Даже министр образования и науки в одном из своих выступлений, отмечая роль отечественной науки в международном разделении труда, заметил, что пока Россия поставляет на Запад интеллектуальное сырьё в виде научных ра-

8. Вообще удельный вес зарубежных инвестиций в российскую науку не так велик в сравнении с некоторыми развитыми странами мира: доля зарубежного финансирования науки в Австрии составляет 8,5%, в Великобритании - 20,5%. Поступления в Россию от экспорта технологий составили 384 млн. долл., а платежи по импорту технологий - 823 млн. долл. // См. Индикаторы науки: Статистический сборник. М., 2006.

9. См.: Пикалова А., Соколов А. Российскую науку зовут в ЕС // Экология и жизнь, 2003, №1(30), с.42-44.

ботников и плохо оформленных научных идей, всю готовую наукоемкую продукцию мы вынуждены закупать за рубежом. Кроме того, помимо экономического ущерба, возрастает опасность неконтролируемого распространения военных и двойных технологий. В этом плане важно снижение удельного веса зарубежного финансирования за счет роста внутренних источников финансирования, в первую очередь средств промышленности. Но, следует заметить, бизнес-сектор России пока не торопится вкладывать деньги в науку.

В-четвертых, придает импульс развитию науки становление новой инновационной системы, спрос на НИОКР со стороны экономики - как в рамках частного бизнеса, так и со стороны государственных, частно-государственных консорциумов в прорывных научных направлениях. Интересно отметить, что подходы к распределению государственных ресурсов на поддержку НИОКР в частном секторе в различных странах неодинаковы. Например, в отличие от ЕС, где значительно превалирует диверсификационный подход к распределению средств между частными фирмами, в США, направляемые государством средства на НИОКР частного сектора сконцентрированы в небольшом количестве компаний; всего 0,5% американских компаний получают 84% государственного финансирования¹⁰.

Зарубежные фонды начинают использовать комбинированные подходы: наряду с грантами заключаются контракты, а также различного рода услуги (проводятся обучающие семинары, тренинги)¹¹. В этих рамках происходит обмен информацией, оказание различных форм взаимной поддержки и содействия, возобновление контактов, формирование международных научных сообществ. Развитие международных научных контактов российских ученых по линии научных фондов происходит в плане расширения довольно устойчивых связей с Германией, Швейцарией, Швецией, Нидерландами, Финляндией и Бельгией.

Получают ли зарубежные страны, и, прежде всего, страны ЕС, какие-либо «научные дивиденды» от сотрудничества с Россией в научной сфере? Безусловно, эти страны получают: новые знания и обмен научными идеями, особенно в тех областях, в которых у России остается более высокий уровень развития - физика, биология, астрономия; доступ к уникальным установкам, базам и банкам данных; апробацию результатов и проведение испытаний, например, клинических в фармацевтике; высокое качество научных работ при низкой, по сравнению с европейским уровнем, оплатой труда; приток в науку высококвалифицированных кадров, а также молодежи благодаря

10. См.: Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Состояние и эволюция научно-технических систем в промышленно развитых странах. М., 2008.

11. На российском «научном поле» активно «играют» немецкие фонды, предоставляющие гранты российским исследователям. Это - Фонд им. Александра фон Гумбольдта, Немецкая служба академических обменов (ДААД), Германское исследовательское общество (ДФГ), Общество Макса Планка, Общество Гельмгольца, Общество Фраунгофера. Среди них особое место занимает Фонд Гумбольдта, деятельность которого нацелена на содействие контактам германских университетов с исследователями зарубежных научных фондов //См.: сайт информационной службы Европейского Сообщества по научным и исследованиям и технологическому развитию CORDIS: <http://cordis.europa.eu/>

стажировкам по линии различных фондов; расширение научных контактов.

В пятых, развитие системы внебюджетного финансирования основывается и на привлечении средств предпринимательского сектора экономики. Представляется возможным формирование специализированной системы ресурсного обеспечения науки на базе Банка развития, не только аккумулирующего значительные финансовые средства, но и имеющего возможности льготного кредитования организаций научной, научно-технической и инновационной сфер. Кроме того, требует расширения деятельность по созданию фондов венчурного финансирования наукоемких коммерческих разработок. Венчурный капитал справедливо считается в зарубежных странах главным источником финансирования для создания радикальных «прорывных» инноваций, сопровождаемых максимальными рисками. Источники венчурного капитала разнообразны. Он может создаваться при госструктурах, в банковском секторе, при промышленных предприятиях и даже в высших учебных заведениях. Кстати, последнее характерно для США, где крупные университеты создают инновационные фирмы на правах «дочерних» коммерческих структур. Во многих государствах существуют национальные ассоциации венчурного капитала. Этот опыт стоит перенимать и России.

Деятельность зарубежных фондов пока еще остается привлекательной альтернативой для многих талантливых ученых, а не естественным, дополнением к национальным программам развития российской науки, органично интегрирующейся в мировое научное пространство. Но преимущества международного сотрудничества для России очевидны. Это - получение научного оборудования, компьютерной техники, доступ к научной литературе, архивам, поддержка выезда на конференции, улучшение материальных условий, карьерный рост исследователей, умножение интеллектуального капитала, повышение научного потенциала исследователей, востребованность научных проектов за рубежом; использование результатов в дальнейшей научно-педагогической деятельности, что имеет большое значение для качественного повышения уровня высшего образования в России; получение знаний по коммерциализации результатов исследований.

Деятельность зарубежных научных фондов и международных программ и объективно и субъективно направлена, прежде всего, на содействие свободным интеллектуальным обменам, которые способствуют развитию образования и науки в их странах, но в тоже время приносят ощутимую пользу и российским исследованиям.

М.Ф. Магадиев,

*доцент кафедры социальной конфликтологии факультета
национальной безопасности Российской академии народного
хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ*

Современные тенденции глобального управления и регулирования мировыми процессами

На современном этапе развития человеческой цивилизации, когда процесс глобализации становится ведущей его тенденцией, впервые мир сталкивается с угрозами, имеющими глобальное значение и ставящими порой вопрос самого его существования. К ним, прежде всего, относятся: неконтролируемое распространение ядерного оружия, трагические перспективы экологической катастрофы (загрязнение окружающей среды, глобальное изменение климата планеты), истощение жизненно важных природных ресурсов (невозобновимые источники энергии, пресная вода и др.), кризисы в мировой финансовой сфере и экономике, международная преступность (терроризм, наркоторговля, продажа оружия, киберпреступность), возросшее в последнее время число пандемий с большой вероятностью летальных исходов и т.п. В тоже самое время, мы живем в мире национальных государств с присущим им национальным суверенитетом и отстаиванием своих национальных интересов на международной арене. В несовпадении, противоречивости и столкновении национально-государственных интересов кроется и одна из главных причин периодического обострения международной напряженности и военных (вооруженных) конфликтов. Все эти угрозы и негативные тенденции, носящие зачастую мировой характер, нарастают быстрее, чем сказываются результаты спорадических, разрозненных и постоянно запаздывающих усилий отдельных (или определенной группы) акторов поставить их под контроль.

Вышеназванные вызовы и угрозы, а также вопросы, связанные с регулированием в мировой экономике и мировой финансовой сфере, естественным образом побуждают правительства и политическую элиту ведущих стран мира на создание некоторых «управленческих» структур, институтов и организаций по выполнению определенных наднациональных функций, отвечающих требованиям устойчивого развития и безопасности человечества в целом.

Необходимо констатировать, что определенные структуры с ограниченными наднациональными функциями уже существуют. Во-первых, такие многофункциональные институты, как:

- Совет Безопасности ООН, правомочный, согласно Уставу ООН, принимать обязывающие решения по вопросам поддержания мира и безопасности, вводить санкции и использовать военно-полицейские силы ООН. Конечно, он не является в строгом смысле слова наднациональной властью, так как его члены принимают решения согласно инструкциям

правительств, которые они представляют, существует право вето, а военно-полицейские силы предоставляются национальными государствами и остаются под их юрисдикцией.

- Европейский союз – наиболее интегрированная в наше время наднациональная структура, эволюционирующая (при всех известных трудностях) в направлении европейской конфедерации. Европейская Комиссия (исполнительный орган – правительство) и Европейский Парламент представляют собой наднациональные органы власти в собственном смысле. Создано Европейское оборонное агентство, формируются Европейские силы обороны и безопасности (Европейский корпус).

- Совет Европы – межправительственная политическая организация, в которую входят все европейские государства (кроме Белоруссии), принявшие на себя определенные обязательства в отношении соблюдения прав человека. Его рабочие органы – Комитет Министров, Парламентская Ассамблея (ПАСЕ), Международный секретариат. Одно из главных направлений деятельности Совета представляет Европейский суд по правам человека, его решения обязательны для исполнения государствами, подписавшими Европейскую конвенцию по правам человека.

Во-вторых, существует ряд монофункциональных наднациональных институтов:

- Международный суд – главный судебный орган ООН. Согласно Уставу ООН, Суд по решению Совета Безопасности или на основе обращения заинтересованных сторон может рассматривать юридические споры между государствами, при этом его решения обязательны для исполнения сторонами, признающими его юрисдикцию. В случае, когда невыполнение решения Суда угрожает поддержанию мира и безопасности, гарантом выполнения решения выступает Совет Безопасности ООН¹.

- Международный уголовный суд в Гааге (договор о его создании вступил в силу в 2002 г.)².

- Международный трибунал по бывшей Югославии в Гааге (учрежден в 1993 г.).

- Международный трибунал по Руанде в Аруше (учрежден в 1994 г.).

В-третьих, есть международные организации, которые по своим функциям приближаются к наднациональным и компетенция которых в целях повышения их эффективности может быть расширена, например:

- Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), в обязанности которой входит не только локализация пандемий, но и их предотвращение, что предполагает получение достоверной информации и беспрепятственный доступ к очагам заболеваний.

1. Международный суд ООН состоит из 15 независимых судей, избираемых сроком на 9 лет, из числа лиц высоких моральных качеств, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым в их странах к назначенным на высшие судебские должности, или являющихся юристами с признанным авторитетом в области международного права.

2. Прокурора и судей Международного уголовного суда избирает Ассамблея государств-участников; судей международных трибуналов – Генассамблея ООН; те и другие независимы и должны руководствоваться в своих действиях исключительно уставами судов и международным правом.

– Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) – оно правомочно контролировать соблюдение соответствующих международных соглашений и проводить инспекции на национальных ядерных объектах (сейчас – с согласия соответствующих государств).

– Всемирная торговая организация (ВТО), в составе которой имеется постоянно действующий апелляционный орган, решения которого обязательны.

– Международная организация труда (МОТ) – она способна дать объективную и беспристрастную оценку практики и законодательства по трудовым стандартам, но пока не имеет возможности контролировать соблюдение трудового права (хотя уже существует Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций).

– Международная организация уголовной полиции (Интерпол).

Тем не менее, вышеперечисленные организации не могут в полной мере возместить дефицит наднациональной власти. Казалось бы, естественным представляется связывать улучшение степени управляемости глобальными процессами с повышением авторитета и эффективности самой ООН. Но на практике оказывается этого недостаточно. Эффективное управление мировыми процессами невозможно без управляющих органов мирового масштаба, наделенных властными полномочиями. Применительно к глобальному социуму речь идет об институтах наднациональной власти, тогда как ООН может действовать лишь с согласия представленных в ней государств.

Существующая международная институциональная система не может обеспечить должного уровня управляемости глобальными процессами. В отсутствие институтов, обладающих необходимыми властными полномочиями, и упирается, по существу, проблема обретения человечеством качеств субъекта, способного направлять свое развитие, обеспечивать свою безопасность и устойчивость своей мировой экономики и финансовой сферы. Таким образом, представляется необходимым вести речь о создании так называемого «мирового правительства», к идее которого обращались многие политические мыслители и ученые разных стран в разные исторические эпохи³.

В настоящее время контуры и перспективы этого наднационального образования неясны и расплывчаты, так как возникает много вопросов о том, каким оно должно быть. И тому есть ряд объективных и субъективных причин:

➤ Во-первых, первоначально встанет вопрос о легитимности субъектов, которые будут принимать самое активное и непосредственное участие в создании подобной системы глобального управления и построении основных ее конструкторов.

3. К идее мирового правительства в свое время обращались: Данте Алигьери (1265-1321гг.) в своем трактате «De Monarchia» (1310-1313); Иммануил Кант (1724-1804гг.) в трактате «Zum ewigen Frieden», в переводе – «К вечному миру» (1795); Фердинанд Тённис (1855-1936 гг.) в работе «Общность и общество» (1887); Торстейн Веблен (1857-1929 гг.) в работе «Исследование природы мира и условий его поддержания» (1917); а также Бертран Рассел (1872-1970 гг.); Альберт Эйнштейн (1879-1955 гг.) в работе «Методы обеспечения достижения мира во всем мире» (1948); Андрей Сахаров (1921-1989 гг.) в работе «Проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» п. 4 (1990) и др.

➤ Во-вторых, в настоящее время непонятен сам механизм возникновения подобного органа. На платформе какой существующей международной организации (института) он будет создаваться, либо его генезис будет проходить естественным образом, пропорционально уровню развития глобализирующегося мирового социума. На этот счет существуют различные точки зрения, которые имеют ряд существенных недостатков⁴.

➤ В-третьих, в процессе образования органов глобального управления встанет вопрос о месте, роли и функциях самих национальных государств вплоть до целесообразности их существования в системе глобального управления. Говоря о глобальном управлении, следует подчеркнуть, что это, прежде всего, должно быть, по мнению ряда ученых, управление мировыми процессами, а не территориями. Управление не «вместо» национальных государств, а вместе с ними. Дальнейшее укрепление института государства является важнейшим условием создания более стабильного и управляемого мирового порядка⁵. С другой стороны, необходимо понять, как и в какой мере национальные государства в долгосрочной перспективе будут включены в систему глобального управления, не будут ли они, по сути, структурно и функционально дублировать основные ее создаваемые (возникающие эволюционным образом) элементы.

➤ В-четвертых, каким образом будут приниматься решения по основным проблемам, имеющим глобальное значение. Ведь, с одной стороны, трудно себе представить, что в процессе принятия решений будут задействованы все (или большинство) стран, так как в таком случае эти решения будут приниматься слишком долго и глобальному правительству будет крайне трудно прийти к единому мнению. А, с другой стороны, решения, принимаемые структурами глобального управления, включающими в себя узкий круг богатых и влиятельных государств, никогда не будут легитимными и не смогут беспристрастно осуществлять властные полномочия. В настоящее время ряд исследователей полагает, что неформальное мировое правительство уже существует, в которое входят страны «Большой восьмерки» во главе с США. По мнению известного социолога и философа А. Зиновьева, «существует не мировое правительство, наподобие правительств отдельных стран, а мировое сверхсообщество. В него уже входят от 50 до 80 миллионов человек, десятки тысяч экономических империй, некоммерческих предприятий, СМИ. У него своя структура, своя пирамида, своя иерархия. Вот оно и управляет планетой. США суть метрополия этого сверхсообщества»⁶. Тем не менее, стоит отметить, что решения G8⁷ носят рекомендательный характер

4. Например, идея создания системы глобального управления на основе действующей ООН существует уже достаточно долго, так как она на определенном этапе своего развития доказала свою жизнеспособность и необходимость в решении таких вопросов, как предотвращение различного рода военных (вооруженных) конфликтов, гуманитарных кризисов на различных континентах, нераспространение оружия массового поражения, борьба за права человека и многое другое. Но существенным недостатком является невозможность включения в ее состав большого количества существующих в настоящее время неправительственных организаций, крупных транснациональных корпораций и других влиятельных акторов.

5. Веские аргументы в пользу этого тезиса приводит известный американский философ, социолог и футуролог Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке» (Издание на русском языке: Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006. – 220 с.).

6. Зиновьев А. Из интервью журналу «Российская Федерация сегодня». №18, 2000 г.

другим участникам международной жизни и не имеют обязательной силы. Поэтому те государства, которые не входят в круг «глобальных игроков», не считают эти решения для себя легитимными.

➤ В-пятых, немаловажным аспектом является выбор принципов демократизма или авторитаризма, которые будут лежать в основе организации и функционирования системы глобального управления.

В середине 2000-х годов международная практика показала, что процесс глобализации престал быть хорошо управляемым проектом ограниченной группы ведущих западноевропейских стран во главе США. В известном смысле, он «вышел из-под контроля» Запада. После падения биполярной системы мирового сообщества, создание однополярного мира потерпело крах. Процесс формирования нового мироустройства оказался гораздо более сложным и противоречивым, чем просто построение однотипной, относительно благополучной и миролюбивой общности «лояльных» политики интернационализации Запада стран.

Мир XXI века становится не более гармоничным, а более сложным. Это, в свою очередь, не ставит под вопрос его единство и целостность, но побуждает к более комплексному и системному подходу в системе глобального управления мировыми процессами, с учетом национальных, этнических, политических, экономических, социальных, культурных и т.д. особенностей участников процесса глобализации.

Многие современные ученые и видные политические деятели сходятся во мнении, что система глобального управления должна, обладать несколькими обязательными признаками, а именно: руководствоваться только международным правом, действовать на основе соблюдения прав человека и принципов демократии, располагать необходимыми полномочиями и ресурсами для оперативного решения конкретных проблем во взаимодействии с соответствующими национальными органами, на основе принципа субсидиарности⁸.

➤ В-шестых, необходимо эволюционное возникновение и развитие глобального человеческого общества, которому объективно будет нужна система глобального управления и регулирования процессами, протекающими в нем.

В настоящее время происходит нарастание взаимосвязи и целостности современного мира, когда различного рода связи (политические, экономические, социальные, правовые, культурные и т.п.) охватили всю планету.

7. «Большая восьмерка» (англ. Group of eight, G8) – международный клуб, объединяющий правительства Великобритании, Германии, Италии, Канады, России, США, Франции и Японии, в рамках которого осуществляется согласование подходов к актуальным международным проблемам. Не является международной организацией, она не основана на международном договоре, не имеет устава и секретариата.

8. В частности, эту идею развивает видный американский социолог, признанный глава социоэкономической школы, Амитай Этциони в книге «От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям» (Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 342 с.). По мнению А. Этциони, зарождающаяся глобальная власть наиболее наглядно проявляется в имперской внешней политике США, взявших на себя роль «международного полицейского» и навязывающих остальным странам свои идеалы и подходы. Однако реальную перспективу имеет только многостороннее сотрудничество, базирующееся на синтезе основополагающих ценностей Запада и Востока, взаимных компромиссах и терпимости.

В рамках мирового сообщества резко возросла взаимозависимость целых государств и народов. Происходит политическая, социальная и экономическая интернационализация всех стран мира. Этому способствует, в свою очередь, бурное развитие средств транспорта и коммуникаций, в частности, создание цифрового телевидения и всемирной компьютерной сети. В мировом социуме уже существует глобальный рынок, формируются зачатки глобального гражданского общества («мирогражданское общество» по Ю. Хабермасу), но отсутствует адекватная этому глобальная политическая структура. Объединенные Нации остаются общим форумом национальных государств, «объединенных» лишь формальной принадлежностью к этой организации, но фактически разьединенных. Напрашивается вывод о том, что экономическую глобализацию необходимо дополнить «политическими конструкциями соответствующего масштаба и прочности»⁹.

Каковы перспективы реального объединения человечества во всемирное общество? Есть ли для этого какие-то реальные основания в современной действительности? Правомерно ли говорить о формировании общих интересов и общих целей человечества? Это ключевые вопросы, которые стоят на повестке сегодняшнего дня мирового развития.

Таким образом, из выше написанного можно сделать следующие выводы:

1. Решение по устранению (минимизации) современных угроз и вызовов, носящие глобальный характер, а также проблемы регулирования в мировой экономике и мировой финансовой сфере, ставят вопрос о необходимости создания системы глобального управления, призванной обеспечить устойчивое развитие и безопасность человечества в целом.
2. В настоящее время уже существуют определенные структуры с ограниченными наднациональными функциями. Но они не могут в полной мере возместить дефицит наднациональной власти. Эффективное управление мировыми процессами невозможно без управляющих органов мирового масштаба, наделенных властными полномочиями. Существующая международная институциональная система не может обеспечить должного уровня управляемости глобальными процессами.
3. В отсутствие институтов, обладающих необходимыми властными полномочиями, упирается, по существу, проблема обретения человечеством качеств субъекта, способного направлять свое развитие, обеспечивать свою безопасность и устойчивость своей мировой экономики и финансовой сферы. Поэтому представляется необходимым вести речь о создании так называемого «мирового правительства», к идее которого обращались многие политические мыслители и ученые разных стран в разные исторические эпохи.
4. В настоящее время контуры и перспективы этого наднационального образования неясны и расплывчаты, так как возникает много вопросов о том, каким оно должно быть и в состоянии ли будет справиться с широким кругом проблем, стоящих в настоящее время перед мировым сообществом. В этом смысле важно, как будут решаться на глобальном уровне различные вопросы социального характера, управления финансовой глобализацией, какая правовая основа будет у принимаемых решений и всей системы, каким будет глобальное управление в будущем, демократическим или авторитарным.

9. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2002. – С. 261.

Салем Мухамед Хамшо,

Аспирант Федерального государственного бюджетного
научного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский
институт технической эстетики»

Технологии Нано-Арт как ресурс дизайн-проектирования

Взаимосвязь науки и искусства на протяжении многих веков служила фактором, способствующим не только взаимному обогащению этих сфер (примером чего является творчество многих ученых и художников)¹, но и общественному прогрессу в целом – дополняя и развивая картины мира, формируя среду обитания человечества, открывая новые горизонты развития.

Одним из наиболее ярких «представителей» научного искусства становится нано-арт. Нано-арт – это искусство, основанное на творческой переработке продуктов нанотехнологий, а именно изображений молекулярной структуры вещества, полученных с помощью электронных или атомно-силовых микроскопов. Развитие нано-арт как отдельного направления современного искусства является результатом естественно-научной революции, которая поразила мир своими результатами по нанотехнологиям.

Дизайн, как инновационная по своей природе сфера деятельности, всегда был нацелен на включение в свой арсенал новых источников вдохновения, новых выразительных средств и приемов, новых технологий воздействия на своего потребителя. Именно поэтому обращение к искусству нано-арт является актуальным для дизайна, позволяя ввести в его теорию и практику целый ряд новых представлений о перспективах и социокультурных последствиях развития техногенной цивилизации, о связанных с ними трансформациях эстетических норм и идеалов, наконец, о возможностях использования результатов научных достижений в проектной деятельности.

Представление любого нового продукта или услуги в определенном направлении заключается в использовании работы художника-дизайнера с целью рекламы в сфере экономической деятельности, промышленности и торговли. Рекламная поддержка во всех ее видах создает возможность непрерывно, эффективно передавать нужную информацию потребителю, целью которой является убедить его и осветить дополнения, изменения или отличия продукта, создавая силу давления, направленную на правильный выбор.

Все зависит от степени поступления информации к потребителю, чтобы он мог читать ее и видеть, т.е. понятной для него. Известно, что рекламное искусство развивается самостоятельно, при эволюции технических наук.

Вследствие наличия социальных и экономических мероприятий встала необходимость распространения Нано-Арт не только как искусства для просмотра, но и как ощущаемой реальности, имеющей пользу для обслуживания общений в практическом и искусственном виде.

1. «Известно, что греческая античность не знала современного разделения на искусство и науку, которые составляли некое культурное единство. Художники эпохи Возрождения, многие представители художественного модернизма конца XIX – начала XX века, пионеры кибернетического искусства и медиа-арт середины XX века – все они строили здание эстетики на фундаменте науки» - цит. по Мигунов А.С., Ерохин С.В., Галкин Д.В., Гагарин В.Е. ФЕНОМЕН НАУЧНОГО ИСКУССТВА: ИСТОКИ, СУЩНОСТЬ, ТЕРМИНОЛОГИЯ [ПРЕДИСЛОВИЕ]

В начале опытов и научных художественных исследований и использования Нано-Арт в развитии искусства рекламы автор получил следующие результаты.

На рис. 1 показаны результаты экспериментов, которые автор проводил с целью получения нового художественного вида машины. Эти машины отличаются от обычных по типу раскрашивания. Использовались Нано-изображения для украшения облицовки поверхности машины. Мной было использовано три разных варианта облицовки для наблюдения изменений и обогащения внешнего вида. Эти обогащения передают новый оптический эффект, открывая полную свободу и смелость в искусстве, превращая все это в модную тенденцию в новой эпохе искусства. Многие компании могут отражать свою индивидуальность и особенность при помощи внедрения нано-идей в рекламу.

Все, что новое и современное, является востребованным для общества, но при условии признания и понимания, поэтому и исследования в этой области остаются открытыми с целью получения лучшего в плане искусственного произведения.

Основной целью является слияние продукта и искусства, и создание изображения, содержащего технические усовершенствования и отражающего моральные ценности продукта. Результаты любой промышленной или художественной деятельности сливаются в форму красоты и искусства. Этот новый стереотип в процессе развития Нано-Арт, может быть использован в общественной деятельности.

Рис. 1. Цветовое оформление автомобиля в стиле Нано-Арт

На рис. 1 было обращено внимание на возможность использования явления Нано-Арт в доступных и необходимых вещах для потребителя. Особенно можно выделить ткань, поскольку в текстильной отрасли Нано-Арт имеет огромный потенциал развитие в плане вида, типа и зрелищного эффекта (см. рис. 2). Автор старался делать из изображения, сканированного электронным микроскопом, хорошие эффективные материалы, для предания нового вида и оптического эффекта в мире моды. Эти материалы имеют широкий спектр по форме, цвету и текстуре. Автор считает, что это является новым прикосновением в современном искусстве, удовлетворяет вкусы общества (потребителей).

Попытаемся художественно представить Нано-Арт в сфере услуг и жизнедеятельности людей, через правильную подачу предложения.

Автор считает это важным показателем, который отражает, на сколько мы можем использовать Нано-Арт на благо человека на социальном уровне. В данном случае автор использовал электронное сканирующее изображение материалов, таких как соль, пыль и гипс.

Рис. 2. Расцветка ткани в стиле Нано-Арт

Постепенно происходит адаптация художников в современном мире. Заставляя их двигаться с помощью изобретательности и мысли в безграничном мире. Чтобы удовлетворять необходимые требования и идти в ногу с развитием и его компонентами в процессе борьбы с природой, необходимо заменить традиционные методы и классические инструменты на инструменты, разработанные передовыми технологиями.

И как технология, это инструменты и методы, которые используются в практическом применении и усовершенствовании силы человека и его возможности и для обеспечения его потребностей в рамках социальных обстоятельств, так и Нано-Арт является другим звеном, которое находится в области науки и технологии. Это облегчает художнику процесс воображения и создания форм и уникальных произведений искусства, в которых объединяются художественный взгляд и фантазия и которые снабжены высокими техническими возможностями.

Нано-Арт не был бы возможен без наличия технологий и ее современных, безграничных возможностей. Все это привело к быстрому развитию этого искусства и его использованию в современной жизни.

Примером может служить революция в области электронных устройств. Маркетинг этого искусства в мире технологии и научной разработки есть не что иное, как его связывание с реальностью и включение его в марш развития современности. Моделью, представленной для работы, является мобильное устройство. Путем внедрения Нано-обработки происходило изменение оболочки, фона. Обработка в полном объеме происходила в программе 3D (MAYA), см. рис. 3.

Рис. 3. Нано-телефон

На рисунке 4 мы наблюдаем один из способов художественного перекрашивания, что является экспериментом в интегрировании Нано-Арт с человеческой природой. В результате происходит создание нового образа человека. Это используется для создания плакатов и изображений и является в настоящее время очень распространенной техникой.

Рис. 4. Создание нового образа человека в Нано-красоте

Автор связал естественную красоту человека с природой красоты Нано-частиц и добавил эффекты. В этом изображении была достигнута полная совместимость и гармония, бросающая тень и цвет на работу в целом. Эту работу автор назвал Нано-Красота и она передает визуальный реализм и зрительный контакт с тем, чтобы привлечь внимание наблюдателя.

Искусство Нано-Арт позволяет художнику проводить все больше исследований и опытов, которые совершенствуют художественное произведение и устанавливают цели в соответствии с концепциями современного научного развития.

Литература

1. Вайбель П. К истории и эстетике цифрового изображения: Пер. с нем. // Media Art Fest 2000. СПб, 2000 – С. 11-21;
2. Кракиновская В.Д. Объемно-пространственная композиция в художественном конструировании. М., 1979;
3. Международная научно-практическая конференция «Качество жизни: приоритеты социального развития» //Сборник докладов. М.: ВНИИТЭ, 2008;
4. Рунге В.Ф. История дизайна, науки и техника: Учебное пособие. Издание в 2-х книгах. Книга 1. Книга 2. – М.: Архитектура-С, 2006, 2007;
5. Труды ВНИИТЭ. Серия «Качество жизни». Выпуски 1-14. -М.: ВНИИТЭ, 2001-2013;
6. Хамшо М.С. Использование научных достижений в современном искусстве. Московский государственный институт электроники и математики (технический университет), журнал «Этносоциум и межнациональная культура», № 7, 2012 г.

А.В. Шипилов,

кандидат культурологии

**Религиозная толерантность:
ислам и православие в Кыргызстане во
второй половине XIX века**

Удивительный пример толерантности и добрососедства являют собой полтора века взаимоотношений в Средней Азии суннитского ислама и Русской Православной Церкви. Как отмечает ряд историков, на мирное сосуществование обеих конфессий не смогли оказать негативного влияния никакие трудности, ни политического, ни экономического характера [1, с. 10]. Наше исследование посвящено одному из наиболее сложных периодов во взаимоотношениях между этими двумя конфессиями – времени российской экспансии на Восток.

Как известно, продвижение границ Российской империи на территорию нынешнего Кыргызстана началось уже в середине XIX в., когда в 1855 г. часть северных кыргызов приняла российское подданство. Это родоправители племени Бугу решились последовать примеру своих соседей казахов, принявших ранее присягу на верность «белому царю». Организатором этой политической акции был манап Боромбай. Но это была лишь прелюдия начала добрососедских отношений двух народов и их религий. Истинным началом такого процесса по праву можно считать период с 1862 по 1867 гг., когда войска империи взяли построенные кокандцами крепости Пишпек, Мерке, Аулие-Ата (Джамбул) и Шымкент.

Буквально вслед за этим в Центральной Азии начали возникать приходы Русской Православной Церкви [2, с. 15].

Заметим, что царская власть была настроена на диалог с исламским духовенством Средней Азии. По некоторым данным, с самого начала миссионерская деятельность на территории Кыргызстана была ограничена властями, которые достаточно трезво отдавали себе отчет в опасности вероятных всплесков фанатизма среди особо религиозной части населения, которая наверняка была бы не в восторге от христианизации местных жителей [1, с. 22].

Такая веротерпимость была, впрочем, логическим продолжением политики лояльности российского императора по отношению к местной аристократии, которая отнюдь не рассматривалась как элемент, враждебный власти, а, напротив, получала, вдобавок к своим прежним титулам, знаки отличия и титулы российского дворянства [3, с. 162]. Российские чиновники покровительствовали и мусульманскому духовенству. Это покровительство объяснялось также тем, что до установления в крае российской колониальной администрации, там фактически не было светской образовательной системы, на что указывает в своих записках автор двухтомного исследования по проблемам образования Ю. Скайлер: «Образование в Средней Азии повсеместно только религиозное». Как комментирует это замечание наш современник, россиянин П.П. Литвинов, исламское клерикальное просвещение на протяжении веков было основным фактором формирования культуры народов Центральной Азии [4, с. 113].

Понимая это, царские чиновники от образования поступали следующим образом: в ряде инструкций, направляемых в Туркестан, сразу за призывом к верности отечеству и царскому престолу следовало требование проявлять справедливость к нуждам и интересам мусульман [4, с. 56]. Таким образом, появление в Центральной Азии приходов Русской Православной Церкви совершенно не походило на торжествующее шествие религии покорителей. Не было практически никаких попыток приобщить к православию местное население. Основная задача Православной Церкви была направлена на «пастырское окормление русских переселенцев». Российское правительство во все времена предельно дорожило лояльностью местного населения присоединенных земель [5, с. 7]. По большей части это были крестьяне из густонаселенных областей России, ехавшие в далекий край в поисках земли.

К бедствующим русским скитальцам мусульмане относились с высоким милосердием и гостеприимством. «Местные жители сочувствуют бедным переселенцам; без того сколько народу померло бы от голода и нужды», писал иеромонах Харитон [3, с. 166]. Особенно трогательна была забота киргизов, которые ставили специальные «русские юрты», где пришельцы могли укрыться от непогоды.

Кыргызы относились к православному духовенству с уважением, а к православным обрядам – с благожелательным интересом. Православные храмы они называли русскими мечетями, священника – «русским муллой в черном халате» [3, с. 167]. Таким образом, гостеприимно встретив пришельцев, мусульмане оказывали помощь и в их религиозных нуждах. Так, например, в селе Троицком собирали средства на строительство храма. Один из собирателей рассказывал, как в его избу вдруг явился человек в большой чалме и в очень блестящем тулупе. Это был имам из соседнего селения, который положил перед ним кошелек с золотыми монетами – пожертвование на русскую мечеть [3, с. 168]. Подобным же образом еще несколько храмов были выстроены благодаря пожертвованиям мусульманских благотворителей. Кроме этого, в строительстве храмов участвовали не только православные, но и мусульмане, при этом часто на добровольной основе. Например, в Пишпек до революции было шесть храмов.

Вышеприведенные данные позволяют констатировать, что в период вхождения территории современного Кыргызстана в состав Российской империи стабильность религиозной ситуации обеспечивалась, главным образом, разграничением сфер влияния между местным исламским духовенством и Русской Православной Церковью. За первыми из них было закреплено коренное население, вторые действовали в среде переселенцев из центральных губерний России.

Заметим, что фундамент подобной веротерпимости не только был заложен достаточно толерантной политикой Российской империи по отношению к местному населению, но и содержится также в основе ислама: в частности, Коран к числу приверженцев единобожия относит не только мусульман, но христиан и иудеев, именуя их «людьми Книги» («ахл-аль-Китаб»), признавая тем самым за ними право на свой путь к Всевышнему [3, с. 28]. Коран даже предписывает особое расположение к христианам (насора): «Ты, несомненно, найдешь, что самые близкие по любви к мусульманам те, которые говорят: «Мы – христиане!». Это потому, что среди них есть священники и монахи, и что они не превозносятся» [6].

«Заострение наших расхождений, обсуждение взаимно заведомо неприемлемых догматов, полемика не может принести ничего, кроме вреда. Это не нужно ни мусульманам, ни нам», – пишет уже на исходе 1990-х гг. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир [3, с. 179], подтверждая свои слова соответствующей цитатой из священной книги мусульман: «Аллах – наш Господь и ваш Господь: нам – наши деяния, вам – ваши деяния. Нет доводов между нами и вами: Аллах соберет нас, и к Нему – возвращение!» [7].

Получается, что изначально заложенный в священной книге мусульман принцип религиозной веротерпимости, достаточно полно актуализировался в среде мусульманского населения во времена российской экспансии на восток. Изучение подобного феномена, разумеется, актуально и в наше время и в нашем регионе, где опасность эскалации религиозного экстремизма достигла своего апогея. Это обстоятельство делает весьма актуальными и для населения Средней Азии XXI в. некоторые методы укрепления толерантности, разработанные и успешно примененные российскими чиновниками еще полтора века назад. Рассмотрим лишь небольшую часть их методики. Ее, по сути, можно свести к нескольким следующим постулатам:

- Русская Православная Церковь на территории Средней Азии должна быть ничем иным, как территориально ограниченной субкультурой православных граждан.

- Совокупность всех форм среднеазиатского православия должна представлять собой самоорганизующуюся и саморазвивающуюся систему социальных отношений, в которой различные компоненты образуют целое благодаря связывающему их воедино общему принципу, церковному вероучению.

- Наиболее актуальным направлением деятельности православной общины должно быть ничто иное, как культурно-творческая инициатива и социальная активность в благотворительной, миссионерской, научно-образовательной и художественной сферах деятельности [8, с. 29].

Проследим, как подобные постулаты в отношении миссионерской деятельности православной общины проявлялись на практике. С самого начала проникновения русских на территорию Туркестана, в выстроенных русскими укреплениях, возникающих «русских» пригородах местных городов, казачьих станицах открываются православные приходы: в 1850-х гг. в форте № 1 (ныне г. Аральск в Каракалпакии), в Перовском (Кызыл-Орда), станицах Большой Алматинской (на территории современной Алматы), Сергиопольской (ныне г. Аягуз), Лепсинской (ныне г. Лепсинск), в 1860-х гг. – городские в Ташкенте, Джизаке, Самарканде, Чимкенте, Аулизате (ныне Джамбул), Токмаке, Катта-Кургане, а также ряд в совсем небольших поселках и станицах.

В 1871 г. был учрежден приход и основан храм при Ташкентском госпитале (в 50-х гг. XX в. архиепископом Ермогеном (Голубевым) этот скромный храм был расширен и перестроен в современный Свято-Успенский кафедральный собор) [3, с. 17].

Приведем в пример одного из местных подвижников православной общины, типичного представителя православного духовенства в Туркестане того времени. Речь идет о протоиерее Андрее Малове – выдающемся церковном деятеле. В Туркестан он пришел полковым священником, проявляя высокий личный героизм – на полях сражений под пулями утешал

раненых и напутствовал умирающих воинов. Он занимался открытием первых приходов и церковно-приходских школ, а затем возглавил Ташкентское благочиние, объединявшее тогда большинство приходов края. Когда учреждалась Ташкентская и Туркестанская епархия, Священный Синод предложил протоиерею Андрею Малову (бывшему вдовцом) принять иноческий постриг и возглавить Ташкентскую кафедру в епископском сане, но он отказался. Однако в условиях, когда имперские власти препятствовали утверждению в Ташкенте архиерейской резиденции, пребывание здесь этого ревностного пастыря оказалось бесценным. Среди заслуг отца Андрея организация сбора средств и строительство в Ташкенте величественных соборов: Иосифо-Георгиевского и Спасо-Преображенского. Протоиерей Андрей Малов прослужил Церкви в священном сане 60 лет, из них 37 лет было отдано туркестанской пастве [3, с. 187].

Первоначально приходы Туркестана были в ведении частью Оренбургской, частью – Томской епархий. Вскоре стало очевидно, что православная община столь обширного края может полноценно существовать лишь как отдельная епархия. Ходатайство об учреждении таковой было подано на рассмотрение Его Императорскому Величеству духовенством края 17 мая 1869 г. Двумя годами позже, 4 мая 1871 г., императорским указом утверждено решение об открытии Ташкентской и Туркестанской епархии. Однако местные имперские чиновники резко воспротивились размещению кафедры в Ташкенте, считая, что авторитет духовной власти может как-то ограничить их самовластие. В частности, генерал-губернатор фон Кауфман заявил: «Я не потерплю в Ташкенте ни архиерея, ни жандармов». Причем, что интересно, инициатива создания епархии принадлежала именно ему [9, с. 10]. По настоянию этого должностного лица, местом епископской кафедры был назначен город Верный. Епископы, носившие титул «Ташкентский и Туркестанский», фактически оказались на окраине своей епархии, откуда управлять ею было крайне затруднительно. В течение всего исследуемого нами периода руководство поместной церковью осуществлялось с периферии провинции, центр епархии был перенесен в Ташкент лишь в конце 1916 г. [3, с. 180]. Причем, согласно историографическим изысканиям, произведенным уже в начале XXI в., государство в то время проявляло недостаточную заботу о материальном положении православного духовенства на территории Туркестана. Происходило это не по причине скудости казны, но, очевидно, ввиду того, что Туркестанская администрация не видела в церкви реальной силы для решения религиозно-политических проблем в крае, подавляющее большинство населения которого исповедовало ислам [1, с. 12]. Как отмечает ряд исследователей, и без того не очень прочные позиции православной церкви в Туркестане осложнялись еще и необходимостью ее борьбы с различными направлениями христианских сект, которые чувствовали себя здесь гораздо вольготнее, чем в европейской части России и даже в Сибири [10]. Заметим, что в рассматриваемый нами период как русские старообрядцы, так и представители протестантских церквей, например, баптисты, заметно активизировали свою деятельность на всей территории империи. На среднеазиатских просторах такая активность объяснялась также относительной изоляцией российских переселенцев от метрополии. В подобной атмосфере многие наследники православных

семей легко попадали под влияние иных конфессий, оставляя веру своих предков [9, с. 126].

Совсем по-другому обстояли дела с учреждением и строительством исламских религиозных учреждений в Туркестане во времена царской колониальной администрации. В тот период в Российской империи строительство мечетей регламентировалось, в основном, «Уставом духовных дел иностранных исповеданий», подчинявшим деятельность таковых структурам имперского Министерства внутренних дел. Согласно этому документу, открытие молельного дома мусульман было процедурой достаточно простой и относительно не обременительной. В частности, чтобы открыть новую мечеть требовался кворум, в количестве не менее 200 прихожан мужского пола, которые должны были представить властям письменный отчет о наличии средств, достаточных для строительства соответствующего помещения [11].

Как отмечает ряд исследователей, протекционизм исламу является не исключительно феноменом внутренней политики Российской империи XIX столетия, а лишь продолжает традицию, сложившуюся в государстве еще со второй половины XVI в., когда власть избрала тактику ненасильственного приобщения мусульман к культурным традициям русского государства [4, с. 9]. К тому же, сотрудники царской колониальной администрации того времени, скорее всего, отдавали себе отчет в том, что исламская паства новоприсоединенных земель, исповедовавшая ислам, по численности приближалась к числу жителей других территорий империи вместе взятых и при этом значительно отличалось по своему менталитету от российских мусульман [4, с. 15]. Если последние, с некоторыми оговорками, но все же принадлежали к конгломерату народов империи, с его общей историей и культурно-этнографическими, то туркестанские последователи Мухаммеда были представителями совсем иной цивилизации. Стало быть, присоединение восточных окраин ставило перед чиновниками царской колониальной администрации задачу более сложную, чем перед их предшественниками в XVI в. На этот раз речь шла уже не о консолидации в единое государство, а о поиске диалога между двумя разнородными культурами: российской – христианской и среднеазиатской – исламской [4, с. 15]. Эта задача актуализировалась с момента образования 11 июля 1876 г. Туркестанского генерал-губернаторства. Бремя закладки основы диалога двух цивилизаций выпало на первое лицо этого административного сегмента империи, туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана. Позиция этого чиновника по отношению к исламским учреждениям и духовенству состояла, по сути, в невмешательстве во внутренние конфессиональные дела, с достаточно жестким ограничением влияния духовенства на государственную власть и местное самоуправление [4, с. 13]. Как покажут последующие десятилетия, такая позиция была во многом оправдана ввиду практической невозможности выработки в столь короткий срок линии государственного регулирования взаимоотношения ислама и власти. Что интересно, осуществляя толерантную по отношению к исламу политику, Кауфман, по сути, не ставил православие в более привилегированное положение, чем «религию туземцев». Таким образом, религиозная жизнь второй половины XIX в. характеризуется диалогом «на равных» обоих вероисповеданий. Как утверждал Кауфман, «не имея чувства терпимости, мусульмане не могут допустить мысли, чтобы иноверная власть не употребила

каких-либо энергичных мер к обращению их в христианство, а потому зорко следят за каждым шагом правительства во вновь занятом крае. Они пугаются малейшего намека на какую бы то ни было меру, которая может казаться им клонящейся к обращению их в христианство» [12].

Приведем несколько любопытных примеров, как подобная установка проявлялась на практике. Например, в Семиречье генерал-губернатор Г.А. Колпаковский не просто разрешал, но приказывал военным служащим-мусульманам молиться по исламским законам. Сохранился даже соответствующий его указ, в котором, в частности, написано: «По случаю наступающего праздника у мусульман Ураза-Айт, я имею честь покорнейше простить господ начальников частей чинов мусульманского вероисповедания освободить от служебных обязанностей и приказать им для совершения намаза ходить в мечеть» [12]. Притом, доходы мусульманского населения не облагались налогами, были полностью сохранены принадлежащие такой категории подданных вакуфы – обширные земли, которые безвозмездно обрабатывали верующие мусульмане.

Однако, как утверждает П.П. Литвинов, досконально исследовавший данный вопрос, «нет оснований утверждать, что ислам в Туркестане вел организованное и целенаправленное наступление на позиции православия. Российское законодательство стояло несокрушимой преградой на пути антиправославного прозелитизма (ст. 184 «Уложения о наказаниях» угрожала лицам, «совратившим» православных в «иноверие» карой от 8 до 10 лет каторжных работ, а с применением насилия - до 15 лет» [9, с. 133].

Несмотря на строгие меры, в документах тех лет сохранились сведения о такого рода фактах: донесение епископа Дмитрия о существовании особых центров в г. Токмаке Семиреченской области, куда муллы направляли христиан для укрепления их в вере Пророка [13]. Как комментирует эту информацию П. Литвинов, «ислам воздействовал на православных самим фактом многомиллионного человеческого окружения, имевшего свои «соблазнительные» формы существования», вследствие чего православные поддавались «соблазнам» мусульманского быта, не теряя при этом своей вероисповедной принадлежности [9, с. 133].

Говоря о тесном соседстве различных конфессий на земле Туркестана, нельзя не сказать и о фактах своеобразного межконфессионального прозелитизма, который имел место быть, являясь своеобразной данью либо интересу к необычности религиозных отправлений со стороны представителей той или иной конфессии, либо диктовался сугубо прагматическими целями с обеих сторон. К примеру, документы того времени содержат факты о том, что христианам понравился обычай уплаты мусульманами калыма; православный Н. Якушев в 1891 г. принял ислам из практических соображений, поскольку вел торговые дела с мусульманами и даже обзавелся семьей; другой православный – С. Вошкин, принял ислам, так как хотел избежать воинского призыва, был по сути дезертиром; известны случаи принятия иной веры в связи со вступлением в брак (это мог быть брак по любви, либо по расчету, с выплатой калыма, когда родители-христиане хотели таким образом поправить свое материальное положение и т. п.) [14–17].

По мнению П.П. Литвинова, отношение к исламу было основным пунктом в межконфессиональных связях христианских общин Средней Азии. «В

реальной действительности, – пишет ученый, – христиане каждодневно вступали в самые разнообразные контакты с мусульманским населением. Однако на сугубо конфессиональном уровне – взаимодействия религиозных общин – серьезных контактов не было. Только во время проведения официальных краевых торжественных церемоний мусульманские лидеры “сближались” с руководителями христианских конфессий в общем выражении верноподданнических чувств» [9, с. 128].

Мусульмане понимали, что христианская религия, как и ислам, ставит перед людьми в значительной мере равноценные задачи. Известный исламский просветитель Средней Азии XIX в. Ахмад Дониш, к мнению которого мусульмане прислушивались, писал: «Хотя русские противоположны нам по религии, но в дружбе, искренности, человечности они превыше всех» [18, с. 66].

Документы свидетельствуют, что положение христианства в системе этноконфессиональных связей в Туркестане было весьма заметным, и оно существенным образом влияло на религиозную жизнь в регионе. Взаимоотношения ислама и православного христианства во времена российской колонизации во второй половине XIX в. являют собой пример беспрецедентного в то время в регионе мирного сосуществования двух конфессий и достойно изучения специалистами.

Литература

1. Носова Е.В. К истории взаимоотношений государства и православной церкви в Кыргызстане (конец XIX – середина XX веков). Бишкек: КРСУ, 2006.
2. Флыгин Ю. Власть и ислам в Туркестане. К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917) // Востокоеведческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2010.
3. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. Земля потомков патриарха Тюрка. М.: Издательство Московской патриархии, 2002.
4. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивам и материалам). Елец, 1998.
5. Приветственное слово Митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира на открытии II Востокоеведческих чтений памяти Н.П. Остроумова // Востокоеведческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2010.
6. Коран. Сура 5 «Трапеза», аят 85,82 / 8-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2006.
7. Коран. Сура 42 «Совет», аят. 14,15 / 8-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2006.
8. Литвинов П.П. Государственно-религиозные и этноконфессиональные отношения в Туркестане (1865–1917): Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. М., 1998.
9. Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Елец, 1998.
10. ЦГИА РФ. Ф.И.-796. Оп. 442. Д. 1754. Л. 64.
11. Свод Законов Российской империи. Устав строительный. Ст. 261. Т. 12. Ч. 1. СПб., 1896.
12. ЦГА РУз. Ф.И. 1. Оп 20. Д. 124. Л. 23.
13. ЦГА РУз. Ф. 2287. Оп. 1. Д. 100. Л. 28.
14. ЦГА РУз. Ф.И.-1. Оп. 1. Д. 950. Л. 10.
15. ЦГА РУз. Ф.И.-19. Оп. 1. Д. 7682. Л. 18.
16. ЦГА РУз. Ф.И.-17. Оп. 1. Д. 2083. Л. 121.
17. ЦГА РК. Ф.И.-44. Оп. 1. Д. 3444. Л. 3 об.
18. Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966.

Е. А. Власова

*аспирантка кафедры теории культуры, этики и эстетики Московского
государственного университета культуры и искусств*

Хронотопические параметры мегаполиса как этапа культурно-исторической динамики урбанистической среды

Вопрос о том, на каких принципах должен развиваться крымский регион и, соответственно, как должно выглядеть крымское региональное сообщество, занимал учёных полуострова ещё до обретения Украиной независимости. В изданном в 1990 году сборнике «Крымская АССР (1921-1945). Вопросы и ответы» под общим заголовком «Крымская АССР: территориальная или интернациональная?»¹ вышел материал, в котором три разных исследователя представили своё видение прошлого автономии в составе СССР. В трёх представленных вариантах – крымскотатарская автономия, территориально-национальная и «Таврида интернациональная» чётко просматриваются предпочтения авторов в видении будущего полуострова. Интересно, что автор третьего тезиса сформулировал понятие «интернационально-территориальной автономии», которое совпадает со взглядами значительной части современных крымских политологов на будущее Крыма.

Особенно остро этот вопрос встал именно в середине девяностых годов прошлого века. В последние годы в крымской политологической среде тема общекрымской региональной идентичности обсуждается всё более активно. Крымский эксперт Андрей Никифоров в одной из своих статей ввёл понятие крымского регионального сообщества и кратко его охарактеризовал, определив как уже вполне сформировавшуюся «социальную и протоэтническую общность»², которая сейчас находится в стадии перехода к стадии полноценного этноса. Интересно, что к похожим выводам на основе социологических исследований пришли и сотрудники украинского Центра Разумкова. По данным киевского исследовательского института, чьи сотрудники редко оказываются приверженцами идеи регионализации и укрепления крымской автономии, «подавляющее большинство украинцев и русских, которые живут в автономии, образуют единую социокультурную общность, в то время как крымские татары отличаются от них»³. При этом отмечается, что среди этнических украинцев большинство – 52,7% – относят себя к русской культурной традиции, а

1. Крымская АССР: территориальная или интернациональная? – Крымская АССР (1921-1945). Вопросы и ответы. Выпуск 3. – Симферополь: «Таврия», 1990, с. 27

2. Никифоров А. Крымское региональное сообщество: Опыт разноформатных и разноуровневых измерений. – Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решение. Сборник научных работ. – Симферополь: ИД «Тезис», 2009, с. 13

3. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації. – Національна безпека і оборона. – К.: Центр Разумкова, 2009. - №5 (109), с. 3-4

26,6% - к советской⁴. Другое исследование того же центра показывает, что 40,1% русских крымчан и 34,1% крымских украинцев считают, что они составляют единую социокультурную общность, а «скорее согласны» с этим ещё 36,1% и 39,6% соответственно⁵. Таким образом, отмечается базовая роль русской культуры и языка в формировании особенного крымского этноса, а в качестве противодействующего фактора рассматривается крымскотатарская культура.

Это подтверждают и другие опросы, в частности, опрос, проведённый Институтом социологии НАН Украины⁶. Помимо вопросов, на которые как русские и украинцы, так и респонденты из числа крымских татар дали почти одинаковые ответы (например, к возможной потере Крымом статуса автономии негативное отношение высказали представители всех трёх этнических групп), стали отчётливо видны проблемы, на которые русские и украинцы с одной стороны и крымские татары – с другой смотрят по-разному (в частности, к ним относится вопрос о вступлении Украины в Евросоюз)⁷. Многие исследователи в связи с этим рассматривают сценарии интеграции крымских татар в общекрымский региональный контекст.

Изучая материал по теме, невозможно не обратить внимание на то, что важнейшей проблемой при обсуждении проектов формирования крымского регионального сообщества традиционно выделяется межэтническая напряжённость, возможность её эскалации и перехода в фазу конфликта. Крым как полиэтническая территория с довольно серьёзным и запутанным историческим багажом, допускающим множество трактовок, которые могут спровоцировать – и зачастую провоцируют – радикальные выводы, лежащие в основу реакционных политических программ, нуждается не только в долгосрочном прогнозе, но и в адекватном решении этой проблемы. Возникновение крымского регионального сообщества на основе общекрымской надэтнической идентичности и представляется таким решением.

Н. Киселёва провела подробное исследование⁸ на основе данных социологических опросов с тем, чтобы дать этой ситуации социологическую оценку. «Результаты социологических исследований не только фиксируют

4. Там же

5. Центр Разумкова. Соціологічні опитування. Регіони. Крим // http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php?cat_id=191 [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11

6. Никифоров А. Крымское региональное сообщество: Опыт разноформатных и разноуровневых измерений. – Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решение. Сборник научных работ. – Симферополь: ИД «Тезис», 2009, с. 13

7. Ефимов С. Общественное мнение крымчан о перспективах развития Украины: некоторые данные социологических исследований. – Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008, с. 125-129

8. Киселёва Н. Потенциал межэтнического конфликта в Крыму: социологическая оценка. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 74

возрастание межнациональной напряжённости в крымском регионе, но и свидетельствуют о смещении обвинительного вектора»⁹. То есть если раньше крымчане не из числа крымских татар в качестве причин конфликтности в основном называли «Меджлис», то вскоре появилась тенденция к обвинению в этом крымских татар в целом. На втором месте по популярности в этом списке находится бездействие властей, причём число разделяющих это мнение также стремительно увеличивается.

Проведенное исследование подтверждает предположение, что сложная этническая ситуация на крымском полуострове имеет две плоскости – внутриэтническую и межэтническую.

Хотя проблема русско-украинских отношений на полуострове не является настолько же популярной в СМИ и крымском политикуме темой, как возможность эскалации конфликта между крымскими татарами и остальными народами Крыма, проблема эта остаётся очень важной и достойной пристального внимания. Крымский исследователь В. Абдураимов следующим образом описывает особенности этнических процессов Крыма: «с одной стороны идёт формирование крымскотатарского ядра-нации, с другой – фрагментация части русско-культурного ядра. Наряду с этими двумя процессами идёт формирование украинской политической нации, где доминирующим является украинский этнос»¹⁰. Абдураимов обращает внимание на фрагментацию русского культурного элемента в Крыму, которая произошла в результате распада доминировавшего в СССР «русского ядра», что усиливается становлением украинской политической нации, основным принципом которой заявлена ориентация на украинский этнос, культуру и язык в рамках современного украинского государства. Справедливо определяя распад СССР как катастрофу для русского населения и разграничивая интересы трёх наиболее значительных этнокультурных массивов полуострова, автор задаётся вопросом: «На какой основе в принципе возможно формирование крымского регионального сообщества?» На этот вопрос он даёт весьма спорный ответ: русским Крыма придётся выбирать между двумя государственностями: украинской и крымскотатарской, т.к. «оснований для чисто русской государственности нет никаких»¹¹.

Трудно, однако, согласиться с тем, что значительное численное превосходство и сохранившееся, несмотря на постоянно усиливающуюся политику украинизации, культурное доминирование нельзя отнести к основаниям если не для государственности, то, как минимум, для политического лидерства в регионе (Крым является единственным регионом Украины, где официально русские – это этническое большинство). Не говоря уже о том, что – и это

9. Киселёва Н. Потенциал межэтнического конфликта в Крыму: социологическая оценка. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 76

10. Абдураимов В. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007, с. 5

11. Там же, с.5-6

мы подробно рассмотрим ниже – именно доминирование русской культуры на данном этапе представляет собой основной фактор консолидации всего остального населения полуострова и его отличия от других областей Украины. Предлагая русским «привыкать жить в условиях реального равноправия с другими этносами» и «свыкнуться с мыслью, что привилегия на доминирующее положение уже не определяется принадлежностью к русскому этносу, а приобретается за счёт более высоких профессиональных качеств»¹², Абдураимов, однако, не отказывается в таких основаниях количественно уступающим на территории Крыма представителям украинского и крымскотатарского этносов. Очевидно, автор статьи не допускает в качестве возможного русское политическое доминирование на принципах, отличных от принципа «принадлежности к этносу», не вдаваясь, однако, при этом в какие-либо объяснения.

Особую значимость русского языка и культуры для консолидации всего крымского регионального общества и формирования крымской региональной идентичности отмечает и исследователь Н. Лантух. В своей статье «Об «островной» направленности крымской региональной идентичности» он пишет, что, помимо регионального статуса республики, эмоциональной привязанности к полуострову, его восприятия как своей Родины, уклада жизни и исторического наследия, «базой объединения крымчан является русский язык и русская культура»¹³. Очень важно, что, как мы видим, с этим соглашается ряд специалистов, этнически не являющихся русскими. Сохраняется и восприятие России как культурной метрополии. В частности, по данным Украинского центра экономических и политических исследований, которые приводит в своей работе «Значимость культурной идентичности в процессе стабильного развития. Потенциал этничности, власти и самоопределения в постсоветском Крыму» испанский исследователь Мануэла Кукина, 47,3% населения Крыма в 2001 году всё ещё видело будущее полуострова в объединении с Россией¹⁴.

В связи с этим трудно не согласиться с тезисом С. Киселёва, который утверждает, что «русская проблема» является «главной среди этнических проблем полуострова»¹⁵. Отягощающим фактором при этом является то, что она если «откровенно и не табуирована, то всячески игнорируется на официальном уровне, излишне политизируется или оглушается» в СМИ. Особую роль в этом играют эксцентричные поступки и высказывания маргиналов, которые годами «паразитируют» на этой теме.

12. Там же, с.7

13. Лантух Н. Об «островной» направленности крымской региональной идентичности – Вопросы развития Крыма: Выпуск 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: «Сонат», 2012, с. 258

14. Cucina M. The worth of cultural identity in sustainable development process. Ethnicity, power and self-determination opportunities in the post-Soviet Crimea. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 49

15. Киселёв С. Крымская русская идентичность – это реальность. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007, с. 71

В своей статье «Крымская русская идентичность – это реальность» Киселёв на основании данных социологических опросов и опираясь на вышеописанное восприятие русского населения полуострова, делает следующий вывод: «Предположение о возможности возникновения... своеобразного крымско-славянского этноса находит свое подтверждение на практике»¹⁶. При этом крымский эксперт не считает необходимым избегать слова «русский», заменяя его на «славянский» или «русско-украинский» в угоду того, что он сам называет ««дурной» политкорректностью»¹⁷ (с вышеописанным явлением особенно часто приходится сталкиваться в СМИ). Свою статью он завершает повторением вынесенного в заголовок утверждения, сопровождая его следующим комментарием: «крымские русские – этнографическая константа в многонациональном составе населения полуострова, политический и правовой субъект, с которым рано или поздно придётся считаться»¹⁸.

Его коллега А. Мальгин предпочитает рассматривать крымское региональное сообщество как единое целое. Отдавая себе отчёт в том, что формирование «крымского народа» или даже «крымской нации» пока далеко от завершения, он подчёркивает, что основания для обсуждения этого явления как проекта (как минимум) вполне существуют¹⁹.

Мальгин обращается к образу, созданному писателем В. Аксёновым в своём знаменитом романе «Остров Крым». По мнению политолога, написанная в конце 70-х годов книга по удивительному совпадению некоторым образом предвосхитила то, что начало происходит в Крыму пятнадцать лет спустя. Речь идёт о выдуманном Аксёновым молодёжном движении «яки», чьи активисты позиционировали себя как новый, но полностью автохтонный этнос, сформированный из русских, крымских татар и других народов Крыма²⁰.

А. Бедрицкий в своей статье²¹, посвященной коллективной работе Никифорова, Киселёва и Мальгина²² и совместному исследованию С. Киселёва и Н. Киселёвой²³, пишет, что Мальгин, пытаясь «выстроить щит от ветра над своим маленьким домом и оградиться от бури, бушующей над всей страной», «неосмотрительно» приходит к ложному смешению «имперской идеи» «с общей деградацией центра и столицы»²⁴.

16. С. Киселёв С. Крымская русская идентичность – это реальность. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007, с. 74

17. Там же, с. 71

18. Там же, с. 75

19. Мальгин А. Крымское сообщество: между прошлым и будущим. <http://ok.archipelag.ru/part2/krimskoe-soob.htm> [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11

20. Аксёнов В. Остров Крым. – М.: Эксмо, 2007, с. 19

21. Бедрицкий А. Три проекции крымской идеи. – Русский геополитический сборник, 1997, № 2

22. Никифоров А., Киселёв С., Мальгин А. Три проекции крымской идеи. – Симферополь: Крымский архив, 1995

23. Киселёв С., Киселёва Н. Размышления о Крыме и геополитике – Симферополь: Крымский архив, 1994

24. Там же

В той же статье Бедрицкий отмечает, что Никифоров и Киселёв совершенно по-другому оценивают имперское наследие региона, считая, что имперская идея остаётся актуальной, лишь нуждаясь в трансформации: «через развитие регионов – к Империи»²⁵, что является продолжением мысли о переходе системообразующих функций от центра к провинциям.

В то же время Мальгин негативно оценивает любые проекты имперской реставрации. Он приводит слова профессора Валерия Сагатовского: «Субъектом крымской государственности являются не русские, украинцы или татары, но единый многонациональный народ Крыма»²⁶. По всей видимости, всецело разделяя этот взгляд, Мальгин продолжает цитату: «Гражданин США может быть шведского или мексиканского происхождения. Но он – прежде всего американец. Того же хотим и мы в Крыму...»²⁷. Делая ставку на американскую модель «плавильного котла» (и отмечая, что от аксёновской идеи «яки» она отличается своей не-культурной, сугубо политической направленностью), Мальгин противопоставляет ей «традиционному этническому идеалу». Но при этом он игнорирует существование предложенной его коллегами «имперской» модели, которая отнюдь не тождественна этнической. В этом смысле показательна разница в акцентах, которые расставляют авторы. Если Киселёв пишет о «русской идентичности Крыма как реальности», то Мальгин предпочитает использовать термин «русскоязычное население», что в своей статье «Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества» специально подчёркивает: «имеет смысл говорить не о «русском», а о «русскоязычном» сообществе Крыма, поскольку большинство выходцев с материковой территории Украины и из Белоруссии, равно как и потомки переселенцев из России, пользуются в большинстве своём русским языком, ориентированы на эту культуру и не выделяют себя из общей массы славянского населения полуострова»²⁸. Именно этот последний фактор, упомянутый Мальгиным – культурная, а не языковая принадлежность – и позволяет, однако, его коллегам говорить не о «русскоязычном», а просто «русском» населении полуострова.

Мальгин также отмечает, что данные социологических опросов свидетельствуют о том, что признание Крыма своей «основной» Родиной стало становиться тенденцией ещё в 90-х годах: «Крым постоянно и неуклонно вытесняет в менталитете его славянских жителей все прежние представления о «Родине»»²⁹, в первую очередь заменяя в сознании СССР и Россию (а для тех, кто считает для себя важным украинское гражданство, и

25. Бедрицкий А. Три проекции крымской идеи. – Русский геополитический сборник, 1997, № 2

26. Мальгин А. Крымское сообщество: между прошлым и будущим. <http://ok.archipelag.ru/part2/krimskoe-soob.htm> [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11

27. Там же

28. Мальгин А. Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества. – Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь: «Доля», 2002, с. 86

29. Там же

Украину). Крымчане русского и украинского происхождения, подчёркивает Мальгин, крайне остро чувствуют свое отличие от своих материковых соплеменников, которое выражается не только в другом политическом и электоральном поведении, но и в менталитете. Исследователь выделяет три основных фактора, обеспечивающих особость крымского сообщества. Это – культурно-языковая обособленность, специфика географии и своеобразие истории (в частности, опыт автономии).

Мальгин видит три возможных формы, которую может принять идея внеэтнического общества. Первый вариант – «новая русская идентичность», другая «разновидность «русскости»» (аналогичная другим проектам «русских без России»). Второй – «новое национальное самосознание», включающее в себя элементы различных этнических культур. Последний вариант, который предлагает Мальгин – «полиэтническое сообщество с общей идеей»³⁰. По сути, это имперский проект «в миниатюре». Однако автор готов рассматривать его только в такой уменьшенной форме, отказывая более широкому имперскому проекту в праве на существование.

Описывая формирование крымского общества на неэтнической основе, Мальгин, однако, постоянно подчёркивает, что речь идёт о славянской – русской и украинской – части населения полуострова. Дело в том, что чисто этнический проект формирования крымского общества тоже существует, и предлагает его крымскотатарская часть населения, (в первую очередь, те её представители, которые признают «Меджлис» выразителем своей политической воли)³¹. Причём о сложностях вовлечения крымских татар в процесс формирования нового крымского общества Мальгин отдельно не сообщает (хотя само это вовлечение, конечно, подразумевается). Настаивая на том, что традиционные этничности «исчерпали себя», и поиск новой идентичности – «не праздное стремление, а насущная необходимость», исследователь, однако, не уточняет – как именно они могут быть преодолены, в частности, самими крымскими татарами, до сих пор представляющими собой мощное и консолидированное вокруг твёрдого этнического ядра сообщество.

Ключевую роль в формировании постсоветского самосознания крымских татар сыграл «миф о коренном народе», сформулированный российским историком В. Возгриным. Причём термин «коренной народ» используется не только «Меджлисом» и его сторонниками, но и его основными оппонентами – НДКТ. В частности, на сайте движения указывается, что «основным принципом Закона о Земле Крымской АССР был принцип навечной неотчуждаемости национальной территории от коренного народа»³². Примечательно, что НДКТ апеллирует к положению крымских татар во время советской власти (в период существования Крымской Автономной СССР, когда активно проводилась т.н. политика «коренизации»), а не к предшествовавшему этому короткому периоду

30. Там же

31. Там же

32. Сайт НДКТ. <http://www.ndkt.org/o-nas.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.05.12

Крымской Народной Республики, что свидетельствует о позитивной оценке имперского опыта в противовес сепаратистскому дискурсу.

Крымский исследователь, Э. Умеров предлагает рассмотреть перспективы становления в Крыму регионального консолидированного сообщества через соответствие этнополитической картины полуострова понятию «этносистемы». Исследователь разъясняет его значение – это «форма существования двух и более этнических групп в границах одного государственного образования»³³. Наиболее существенными критериями, позволяющими говорить о возникновении этносистемы можно считать три фактора. Во-первых, это сбалансированность межэтнических отношений на полуострове, то есть устойчивая роль в них, а также в общественной, экономической, культурной, политической жизни общества каждой этнической группы. Органичность этносистемы – второй фактор – подразумевает восприятие своего региона представителями разных этносов как неотъемлемой части своей жизни. Основным моментом здесь является появление общих элементов мировоззрения у всех членов общества на фоне их удовлетворенности своим социальным положением вне зависимости от причастности к тому или иному этносу и, как следствие, «формирование понятия «мы», независимое от этнической принадлежности»³⁴. Третий критерий – бесконфликтность (непротиворечивость). То есть предпосылки для возникновения либо отсутствуют, либо нейтрализуются существованием устойчивых условий, которые способствуют их предупреждению или – в крайнем случае – разрешению. Умеров отмечает, что все эти факторы настолько тесно связаны между собой, что в качестве оценочного критерия могут использоваться лишь комплексно. А с учётом того, что ни один из них пока не реализовался в полной мере, о формировании полноценной этносистемы на полуострове можно говорить лишь в перспективе. Перспектива, однако, вполне просматривается.

Следует отметить, что Умеров, определяя понятие этносистемы через сосуществование представителей разных этносов в рамках одного государственного образования, говорит о перспективах её формирования в контексте украинского государства, при этом отмечая сложность и неразвитость этих процессов по всей территории Украины. Но и он не мог не подчеркнуть особенность этих процессов на крымском полуострове и не отметить чрезвычайную сложность их протекания в Крыму.

По мнению Умерова, за отрезок времени с 1991 по 2000 год процесс становления этносистемы продвинулся вперёд. Но при этом автор не видит оснований для того, чтобы говорить о его дальнейшем развитии. В статье, опубликованной в 2002 году в Симферополе в сборнике «Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения» он дает подробный анализ причин, которые не позволяют этому произойти. Нарушение баланса между двумя структурными уровнями этносистемы – этнического и интегрального – в

33. Умеров Э. Крым: Проблема становления этносистемы. – Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь: «Доля», 2002, с. 58

34. Там же, с. 60

пользу первого связано с отсутствием готовности всех институтов и сфер общественной жизни к обеспечению этого баланса.

Заканчивает свою статью Умеров на оптимистической ноте, говоря о том, что опыт постсоветского сосуществования русских, украинцев, крымских татар и представителей других народов полуострова позволяет говорить о том, что процесс формирования региональной специфической крымской этносистемы не только возможен, но и идёт сейчас вопреки всем перечисленным выше сдерживающим его факторам. Пока он находит выражение в общественном обсуждении и не имеет адекватного отражения в политической плоскости, но, по мнению автора, сохраняет огромный позитивный потенциал. Со своей стороны добавим, что необходимость понимания важности этого процесса не только среди экспертов, но и среди представителей политикума в Москве и Киеве, а в первую очередь – в Симферополе – сохраняет свою первостепенную важность, но пока, к сожалению, оснований для того, чтобы о нём говорить, не так много.

Объяснить отсутствие такого понимания можно рядом факторов.

К интересному выводу пришла крымский исследователь, доцент кафедры педагогики Таврического национального университета Светлана Кузьмина. По её мнению, неготовность крымских властей к каким-либо изменениям и их желание сохранить любой ценой статус-кво может сформировать определённый образ культурной идентичности администрации республики. И, как подчёркивает Кузьмина, несмотря на то, что изначально может сложиться впечатление, что крымские чиновники – в большинстве своём – являются носителями русской идентичности, это не вполне соответствует действительности. В конечном итоге Кузьмина приходит к выводу, что «культурная идентичность крымской власти... предстаёт... не столько как русская, сколько как советская, но с ампутированной коммунистической идеологией»³⁵. Следует напомнить о том, что среди представителей всех этносов, проживающих в Крыму (в том числе крымских татар, у которых могут быть особенно острые и обоюдные претензии к советской власти), по данным исследования, проведённого Н. Киселёвой, сохраняется устойчивая и довольно многочисленная группа людей, которые называют себя «советскими людьми»³⁶. При этом нужно учитывать, что выводы Кузьминой сделаны на основе данных, полученных относительно узких источников (данные об образовательной политике с официальных интернет-сайтов), а «крымская власть» - понятие довольно широкое и отнюдь не статичное. А с приходом к власти в 2010 году Виктора Януковича и его администрации в Киеве многое изменилось и в Симферополе.

35. Кузьмина С. Культурная идентичность представителей власти современного Крыма в отражении её образовательной политики (виртуальные наблюдения). – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 91

36. Киселёва Н. Потенциал межэтнического конфликта в Крыму: социологическая оценка. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 77

Новая украинская власть сразу же (как, впрочем, и ожидалось) взяла чёткий курс на жёсткую централизацию. И если в областях унитарной Украины это было принято населением хоть и без восторга, но и без особых протестов, жители и элита единственного автономного образования – Республики Крым – увидели в этом явную угрозу и так уже приближающимся к формальному состоянию правам автономии. И для этого были определённые основания. В первую очередь, политика централизации выразилась в том, что ряд руководящих должностей на всех уровнях заняли чиновники, приехавшие в Крым из Донецкой области, и к Крыму отношения прежде никогда не имевшие. Таким образом, власти из Киева принялись «наводить порядок» по своим правилам, не считаясь со спецификой региона, которой, в чём мы уже успели убедиться, Крым, безусловно, обладает. Решения, которые принимает киевская, а за ней – и симферопольская – администрация, являются программными для всего Юга-Востока Украины, что никак не соответствует ни интересам, ни желаниям населения Крыма³⁷. Однако следует понимать, что ничего радикально нового в политике Крыма с приходом новых властей не произошло. По мнению А. Никифорова, «эпоха» первого премьер-министра автономии при Януковиче Василия Джарты была для Крыма полезна только тем, что высветила все основные проблемы в крымской политике³⁸. Стало очевидно, что при ускорении и ужесточении процесса централизации крымское общество не в состоянии «заявить о себе». Неготовность крымского политикума отстаивать свои позиции и тем более – интересы крымчан стала очевидной довольно давно, и теперь довольно ясно видно, что и в дальнейшем с этим положением крымская элита готова мириться³⁹.

Скончавшегося в августе 2011 года премьера Василия Джарты на посту премьер-министра Крыма сменил Анатолий Могилюв, чья политическая карьера также началась в Донецкой области. Это назначение продемонстрировало, что киевская администрация не намерена менять свой курс на централизацию и политическую интеграцию крымской автономии в общеукраинское пространство. А это значит, что негативное влияние со стороны на и без того непростой процесс формирования региональной идентичности в Крыму продолжится.

Литература

1. Абдураимов В. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007
2. Аксёнов В. Остров Крым. – М.: Эксмо, 2007
3. Бедрицкий А. Три проекции крымской идеи. – Русский геополитический сборник, 1997, № 2
37. Подробнее см. Сосновский Д. К вопросу о крымской автономии // <http://www.politcom.ru/12144.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012
38. Не спешите переворачивать страницу // <http://job-sbu.org/ne-speshite-perevorachivat-stranitsu.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012
39. Подробнее см.: Сосновский Д. «Шоу должно продолжаться» // <http://www.politcom.ru/12427.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012

4. Ефимов С. Общественное мнение крымчан о перспективах развития Украины: некоторые данные социологических исследований. – Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008
5. Киселёв С. Крымская русская идентичность – это реальность. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007
6. Киселёв С., Киселёва Н. Размышления о Крыме и геополитике – Симферополь: Крымский архив, 1994
7. Киселёва Н. Потенциал межэтнического конфликта в Крыму: социологическая оценка. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008
8. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації. – Національна безпека і оборона. – К.: Центр Разумкова, 2009. - №5 (109)
9. Крымская АССР: территориальная или интернациональная? – Крымская АССР (1921-1945). Вопросы и ответы. Выпуск 3. – Симферополь: «Таврия», 1990
10. Кузьмина С. Культурная идентичность представителей власти современного Крыма в отражении её образовательной политики (виртуальные наблюдения). – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008
11. Лантух Н. Об «островной» направленности крымской региональной идентичности – Вопросы развития Крыма: Выпуск 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: «Сонат», 2012
12. Мальгин А. Крымское сообщество: между прошлым и будущим. <http://ok.archipelag.ru/part2/krimskoe-soob.htm> [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11
13. Мальгин А. Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества. – Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь: «Доля», 2002
14. Не спешите переворачивать страницу // <http://job-sbu.org/ne-speshite-perevorachivat-stranitsu.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012
15. Никифоров А. Крымское региональное сообщество: Опыт разноформатных и разноуровневых измерений. – Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решение. Сборник научных работ. – Симферополь: ИД «Тезис», 2009
16. Никифоров А., Киселёв С., Мальгин А. Три проекции крымской идеи. – Симферополь: Крымский архив, 1995
17. Сайт НДКТ. <http://www.ndkt.org/o-nas.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.05.12
18. Сосновский Д. «Шоу должно продолжаться» // <http://www.politcom.ru/12427.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012
19. Сосновский Д. К вопросу о крымской автономии // <http://www.politcom.ru/12144.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012
20. Умеров Э. Крым: Проблема становления этносистемы. – Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь: «Доля», 2002
21. Центр Разумкова. Соціологічні опитування. Регіони. Крим // http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php?cat_id=191 [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11
22. Cucina M. The worth of cultural identity in sustainable development process. Ethnicity, power and self-determination opportunities in the post-Soviet Crimea. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 49

В.А. Левина

Аспирант Московский педагогический
государственный университет

Семантический способ терминообразования в американской банковской терминосистеме

В исследованиях по терминологии долгое время подчеркивалось одно из первостепенных требований к форме термина, а именно краткость. Она подразумевает лексическую и формальную краткость. Лексическая – предполагает фиксацию в форме термина минимального количества идентификационных признаков, а краткость с точки зрения формы подчеркивает, что предпочтение в речи отдается кратким терминам, более удобным в функционировании. Современные терминологи ставят под сомнение это требование, что можно доказать на примере многих терминосистем, в том числе и АБТ. Американская банковская терминосистема (АБТ) сегодня представляет собой одну из наиболее гибких и объемных терминосистем, которая продолжает пополняться новыми терминами, образованными различными способами.

Одним из эффективных способов терминообразования в американской банковской терминосистеме (АБТ) является семантический способ. Механизм этого способа состоит в актуализации ассоциативных связей между словами разных предметных рядов и создании на их основе нового лексико-семантического единства. Термин, созданный семантическим способом, не является неологизмом: новизна языковой единицы формируется с помощью установления новых концептуальных связей в новом контексте. В АБТ происходит терминологизация общеупотребительной лексики путем переосмысления ее в контексте банковской терминосистемы.

В формировании АБТ семантическим способом наиболее продуктивным процессом является метафоризация, в меньшей степени – метонимизация. Процесс метафоризации предполагает перенос значения по сходству и расширение семантического ядра слова, в результате чего слово приобретает переносное значение и дополнительную экспрессивность. В АБТ с помощью метафоризации образованы как устоявшиеся единицы, имеющие статус терминов (*to hedge* – хеджировать), так и терминоиды (*housing bubble* – пузырь на рынке недвижимости). Стремительное развитие АБТ и использование терминоидов в речи профессионалов и публицистике приводит к их переходу в разряд терминов.

В лингвистике представление о семантической природе метафоры меняется: от понимания ее как риторического тропа к выводу, до признания того, что метафора концептуальна по природе. Дж. Серль указывал на связь метафоры с вербальной оппозицией или взаимодействием двух семантических значений – метафорически употребленного выражения и окружающего контекста. М. Блэк определил креативно-лингвистическую функцию метафоры следующим образом: «В ряде случаев было бы более правильно говорить, что метафора именно создает, а не выражает сходство».

В этом же направлении развивалась когнитивная теория метафоры, которую наиболее последовательно разрабатывал Дж. Лакофф [5].

В. Ивенс и М. Грин считают, что «основной предпосылкой концептуальной теории метафоры является то, что метафора не просто является стилистической особенностью языка, но что сам язык метафоричен по природе». Метафора «картографирует» бытие в сознании носителей языка, согласуя между собой различные «местности», т.е. концептуальные структуры» [7: 286]. Авторы констатируют метафорический характер самой природы языка, организованного как концептуальная структура пересекающихся предметных полей.

Таким образом, метафора рассматривается современными лингвистами как средство категоризации мира. Если рассматривать банковскую терминологию как одну из областей такой категоризации, то можно говорить о влиянии метафоризации на пополнение и изменение экономической картины мира.

Дж. Лакофф выделяет два типа метафор: структурные и ориентационные. Структурные метафоры представляют собой описание понятий одного предметного ряда в терминах другого. Ориентационные метафоры содержат в качестве семантического ядра пространственные ассоциации и придают понятию пространственную ориентацию, например, понятие *счастье* (удача, успех) ориентировано *наверх* (the concept *happy* is oriented *up*). Пространственная ориентация выражается противопоставлениями типа «верх - низ», «внутри - снаружи», «передняя сторона - задняя сторона», «глубокий - мелкий», «центральный - периферийный» [5: 396].

Структурные и ориентационные метафоры являются продуктивными моделями терминообразования в АБТ. Ориентационные метафоры отражают базовые концепты банковской сферы. Например, метафоры с семантикой «верх» (взлет, рост) и «низ» (падение, снижение, сокращение) являются особенно характерными для банковской терминологии. Значение «падение вниз» реализуется в следующих терминологических сочетаниях: *price plunge* – стремительное падение курса ценных бумаг; *price collapse* – резкое снижение цен.

Другое словосочетание с семантикой «падение вниз» также обладает статусом ТС: *slump in new lending* (резкое падение объема кредитования). Лексема *slump* была зафиксирована словарями и получила терминологическое значение («резкий спад в бизнесе или экономике») в 1992 г., после чего появилось несколько терминологических сочетаний с этим словом: *global economic slump* – мировой экономический спад; *shares sudden slump* – внезапный обвал акций. Оксфордский толковый словарь содержит специализированное значение слова *slump*: to undergo a sudden severe or prolonged fall in price, value, or amount: *land prices slumped*; fail or decline substantially: *United slumped to another one-nil defeat* noun; a sudden severe or prolonged fall in the price, value, or amount of something: *a slump in profits*; a prolonged period of abnormally low economic activity, typically bringing widespread unemployment: *he had survived two world wars and a slump*; a period of substantial failure or decline: *Arsenal's recent slump*.

В банковской терминологии и в терминосистемах, смежных с ней (биржа, рынок недвижимости), для обозначения резкого, неожиданного спада также используется термин *crash*: *house price crash* – падение цен на жилье; *market*

crash – биржевой крах; *bank crash* – банкротство банка. Метафоризация делает ТС экспрессивным, способным передать драматичность любых обрушений, будь то крах чьей-то финансовой карьеры или обвал цен на рынках.

Противоположное значение – «движение вверх» – представлено различными ТС, являющимися терминоидами: *skyrocketing stocks* – быстрый рост курса акций; *soar of the stock market* (взлет на фондовом рынке); *share price take-off* (взлет цен на акции).

Следует обратить внимание на то, что современная ситуация в банковском деле, пережившем несколько мировых финансовых кризисов, порождает постоянный прирост терминоидов с семантикой снижения, в то время как терминологика с семантикой повышения пополняется медленно, чем объясняется их скудная представленность в АБТ.

Ориентационные метафоры часто обозначают не только направление движения банковских процессов, но и пространственные характеристики, имеющие семантику объема, масштаба, местоположения: *outreach*, *depth of outreach*, *scale of outreach* – охват, глубина (масштаб) охвата; *area of risk* – область риска; *bottom line* – окончательная прибыль после вычета налогов и расходов.

Структурные метафоры, как говорилось выше, основаны на связях между разными предметными сферами реальности или деятельности человека. Одной из наиболее многочисленных групп метафор составляют антропологические метафоры, содержащие семантику моральных, культурных, психологических оценок, характерных для человека.

В банковской терминологии источниками метафор (лексико-семантическими донорами) часто выступают антропоморфные процессы. Антропологические метафоры-термины строятся на образных аналогиях с различными видами человеческой деятельности, физиологическими свойствами, реакциями и пр. В ТС *blind pool* – (букв. «слепой пул») – компания, не имеющая инвесторов, свойство человека (слепота) приписывается неодушевленному предмету. В данном терминологическом сочетании словом «слепой» обозначаются не существующие инвесторы (пул инвесторов).

В термине *cannibalization* – вытеснение одного банковского продукта другим – рыночное «поглощение» сравнивается с актом поедания себе подобного. В терминологическом сочетании *aging schedule* – график старения – в качестве лексико-семантического донора используется прилагательное, в обычном употреблении описывающее процесс старения человека, в результате чего происходит олицетворение неодушевленного понятия *schedule*.

В терминологическом сочетании *baby bond* – облигации с низким номиналом – для того, чтобы подчеркнуть незначительный размер номинала, используется слово «детский». В словосочетании *parent company* – материнская компания – понятие из лексико-семантического гнезда, обозначающего кровнородственные, семейные отношения, транслируется на отношения между участниками бизнеса.

Использование слова «мертвый» в терминологическом сочетании *dead money* – неинвестированные деньги – экспрессивно определяет капитал, не вложенный и не дающий прибыль. В терминологическом сочетании *sleeping beauty* – привлекательная для поглощения компания – создается ассоциация со «спящей красавицей», поскольку ТС обозначает потенциально прибыльную компанию, которая ждет своего часа, а именно поглощения.

Интересным примером построения антропоморфной метафоры является термин *haircut*: 1. the difference between the sales revenue and the cost of goods or services expressed as a percentage of revenue; 2. the difference between the prices at which a market maker or commodity dealer will buy and sell; 3. the difference between the rate of interest on funds lent and funds borrowed by a bank; 4. a fee or commission.

В банковской терминологии источниками метафор часто выступают природные процессы. Так, для АБТ характерны метафорические конструкции со значением «движение жидкости». Большинство из них относится к денежным потокам: *cash flow* – движение наличности; *cash flow analysis* – анализ потока наличности; *cash flow review* – обзор потока наличности; *capital flow* – приток капитала; *monetary flow* – движение денежной массы; *payment flow* – поток выплат.

Значение «плавание» (курса) присутствует в ряде американских банковских терминов и ТС: *to float* – плавать (о курсе валют); *floating rate* – плавающая ставка. В терминологическом сочетании *dirty float* – валютный курс, регулируемый государством – наблюдаются две метафоры: метафора «плавающего» курса и оценка его как «грязного», т.е. без учета издержек.

Многие метафоризированные термины представляют собой зоосемизмы: *killer bee* – инвестиционный банк, защищающий компанию от поглощения; *shark repellent* – меры по защите компании от враждебного поглощения; *lobster shift* – ночная рабочая смена.

Нередко в качестве источника новых терминов выступают образы и явления материального мира, качества которых переносятся на процессы в банковском деле. Например, ТС, включающие лексему *bubble*, применяются как в банковском секторе, так и в других сферах рынка [9]: *housing bubble/property bubble* – жилищный пузырь, пузырь на рынке недвижимости; *bubble market* – рыночный пузырь.

Основа этих метафор, лексема *bubble*, ассоциируется с чем-то хрупким, непостоянным, готовым вот-вот лопнуть. Современное состояние банковского сектора не только в США, но и во всем мире действительно можно назвать нестабильным и ненадежным. Ипотечный же кризис накапливался и раздувался как пузырь, а впоследствии и вовсе лопнул. Такие «пузыри» в экономике желательно устранить или взять под контроль. Терминологическое словосочетание *to ride the bubble* – воспользоваться рыночной ситуацией – построено на этой ассоциации.

Другое значение лексемы *bubble*, которое может стать основой метафорического переноса – это «раздутый», «ненастоящий». В большинстве случаев это относится к компаниям, которые на самом деле не существуют или не имеют лицензии: *bubble company* – дутое мошенническое предприятие. Финансовая терминология изобилует ТС со словом *bubble*, например, *credit bubble*.

Обратим внимание на то, что в многокомпонентном терминсочетании (как правило, двухкомпонентном) метафоризации обычно подвергается один компонент – субъект, в то время как второй компонент является однозначным и устоявшимся термином, например, *cash flow*, *bank crash*, *budget cut* и т.п.

Отдельного рассмотрения заслуживают банковские термины, созданные

на основе метафоризации цвета. Согласно классификации источников метафор В.П. Булычевой, цветовая семантика занимает третье место после животно-растительной и деятельностиной (т.е. антропологической) семантики. В банковской терминологии почти все цвета наделены оценочной семантикой: белый и золотой – положительная оценка, черный и красный – негативная оценка, зеленый – цвет разрешения, снятия запрета и пр. Необходимо заметить, что большинство терминосочетаний, содержащих цветовые метафоры, являются терминоидами.

В АБТ термины с элементами цветовой символики немногочисленны. Наиболее частотны лексемы *white, black, red: black money* – грязные, незаконно заработанные деньги; *black book* – список неплатежеспособных должников; *black economy* – черный список; *black ink deal* – грязная сделка; *black-market operation* – операция на черном рынке. Ярким примером цветовой метафоры является терминологическое словосочетание *black Friday*, исторически возникшая метафора, обозначившая драматическое событие – внезапное падение котировок на финансовом рынке 24 сентября 1869 г. Поскольку печально известная финансовая паника 1871 г. также случилась в пятницу, данная ситуативная метафора приобрела терминологическое (постоянное, повторяемое, однозначное) истолкование.

Метафоры с семантикой «красный» также имеют отрицательное значение: *red hearring* – предварительный вариант проспекта перевыпуска акций; *to be in red* – работать с убытком; *balance in red* – отрицательный остаток; *red balance* – отрицательное сальдо; *red ink* – дефицит бюджетных средств; *red-tape* – бюрократизм; *run into the red* – становиться неблагоприятным.

Необходимо отметить, что трактовка того или иного цветообозначения всегда обусловлена особенностями культуры и менталитета носителей того языка, в котором они употребляются. Во многих случаях в восприятии цвета и трактовке цветообозначений наблюдается межкультурная асимметрия. В примерах, приведенных выше, красный цвет символизирует отрицательное отношение к обозначаемым явлениям и процессам, тогда как, например, в русской культуре красный цвет исконно имеет положительную коннотацию. Причиной возникновения отрицательных коннотаций слова *red* в американских терминах, возможно, является то, что красный цвет ассоциируется с необходимостью сосредоточиться на какой-то деятельности, остро отреагировать на что-то и т.д. В русской культуре тоже есть такое понимание красного, например, предупредительные знаки, исправления в школьной тетради и пр., как правило, красного цвета.

Таким образом, семантический способ терминообразования является одним из наиболее продуктивных способов пополнения АБТ. Термины образуются на основе ориентационной и структурной метафоры. Ориентационные метафоры в АБТ передают пространственные характеристики банковских процессов, и, как правило, имеют семантику направления, объема, масштаба, местоположения. Источниками структурной метафоризации в АБТ выступают антропоморфные и природные процессы. При образовании терминов чаще всего используются такие антропоморфные процессы, как виды человеческой деятельности, физиологические свойства человека, моральные, культурные, психологические оценки, характерные для

человека, психические реакции и т.д. Источниками структурных метафор, построенных на ассоциациях с природными процессами, являются лексемы, обозначающие природные явления и цвета.

Литература

1. Бернар И., Колли Ж.-К. Толковый экономический и финансовый словарь: французский, русская, английская, немецкая, испанская терминология. – В 2 тт. – Т. 1. Пер. с фр. – М.: Международные отношения, 1997. – 784 с.
2. Бернар И., Колли Ж.-К. Толковый экономический и финансовый словарь: французский, русская, английская, немецкая, испанская терминология. – В 2 тт. – Т. 1. Пер. с фр. – М.: Международные отношения, 1997. – 760 с.
3. Булычева В.П. Образные экономические термины, содержащие обозначение цвета // Гуманитарные исследования. 2008. № 2. С. 17-22.
4. Гринев С.В. Введение в терминоведение. - М.: Моск. лицей, 1993.
5. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
6. Cambridge Dictionaries Online: Business Dictionary // <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/business-english/>
7. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
8. Smith R.S., Walter I. Global Banking. – NY., Oxford, 1997.
9. Soros G. The New Paradigm for Financial Markets: The Credit Crisis of 2008 and what it means. NY: PublicAffaires, 2008.

Н.А. Стадульская

*Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВПО «Пятигорский
государственный лингвистический университет»*

Прагмалингвистические принципы англоязычного бренднейминга

Обзор литературы о товарных знаках позволяет сделать вывод, что существует две базовые причины, по которым люди покупают товары: товар помогает решить какую-либо утилитарную проблему или проблему, которая может возникнуть (1); обладание товаром позволяет психологически приобщиться к чему-либо такому, что человеку нравится, что он считает для себя важным (2). Прагматическая ориентация товарного знака – один из практически важных признаков его семантической организации, – это ориентация, необходимая для успешной, эффективной практической деятельности общающихся сторон. Поэтому любой акт речевой коммуникации, в котором используется товарный знак – это речевое действие, выполняемое ради воздействия говорящего на получателя информации. По сути дела, исследование взаимосвязи прагматического и лингвистического аспекта товарного знака предполагает учет всего комплекса условий общения, отображающихся в вербальном и невербальном поведении адресанта и адресата. Нарушение одного или нескольких параметров коммуникативно-прагматической ситуации общения приводит к снижению эффективности или нарушению условий, обеспечивающих взаимопонимание и взаимодействие коммуникантов.

Названия товара, как правило, уже содержат ту необходимую информацию, которая сообщает потенциальному покупателю релевантную товару информацию. Шампунь «Nivea Hair Care» заботится о наших волосах, каши «Быстров» – быстры в приготовлении и питательны, нектары «Dr. Fresh» – всегда свежи и натуральны. Таким образом, отношения реципиента с товарным знаком строятся в ходе актов коммуникации – реципиент получает последовательность сообщений и реагирует на них. Само появление новых товарных знаков диктуется определенными прагматическими причинами. Анализ условий и факторов рождения новых товарных знаков связан с выявлением прагматических потребностей общества в целом, отдельной социальной группы, отдельного лица, с выявлением прагматических принципов, лежащих в основе создания прагматонимов и их роли при порождении названий товаров и услуг различных типов.

Изучив фактический материал, мы пришли к выводу, что новый вербальный товарный знак (в ономастике обозначается термином «прагматоним») формируется в когнитивной системе индивида под влиянием определенных прагматических мотивов (потребностей), прагматических факторов и установок, образующих триаду составляющих: прагматический мотив; прагматический фактор; прагматическая установка.

Среди основных прагматических принципов порождения прагматонимов,

особенно хочется остановиться на **принципе экономии**. Феномен экономии в современной лингвистике получил название компрессии. Само явление компрессии, по мнению М.В. Зеликова «одним из ее конкретных проявлений является функционирование эллиптических образований – и представляет, собственно, важнейшее связующее звено тех комплексных разделов, на которые обычно делится синтаксис, – синтаксиса частей речи, синтаксиса предложений и актуального синтаксиса» [4: с.8]. В качестве примеров использования этой стратегии в названиях товарных знаков можно привести следующие: BUD (от Budweiser), DAZ (от dazzle). Реже встречаются усеечения инициальной части (афerezис) – TRICITY (от electricity), усеечения срединных слов (товарные знаки – синкопы) – Scania (от Scandinavia), усеечения смешанного типа – LEC (от electricity). В отдельную группу можно отнести товарные знаки, построенные с применением сразу двух словообразовательных процессов, усеечения и суффиксации: Chevy (от Chevrolet + y), Excella (от excellent + a). Принцип экономии реализуется и при аббревиации, в этом случае отбрасываются начало или окончание слова, например AUTOMAT или PAN AM. Обычно в результате получается новое обозначение, сохраняющее впечатление прообраза, но более оригинальное. VETTE образовано от corvette, JAG от jaguar, FANTA от fantastic. Путем сокращения образовались многие лексемы. От сокращения caravan (караван) образовалось слово van (вагон, фура). В своем первоначальном виде CARAVAN вернулся в качестве торгового знака одной из моделей minivan (небольшой грузовик). Комбинации из нескольких описанных технических приемов могут привести к достаточно эффективным результатам. Название корпорации CALIBAKER для хлебобулочного концерна получено сочетанием двух методов – сокращения (Call от California) и соединения Call с baker – англ. булочник. PEDALINA демонстрирует как семантацию (соединение семантоединение семант pedal и alina), так и слияние сегментов -o/-a → CHAIN OF COMMAND, с одной стороны, напоминает об армейской иерархии, а с другой — это привлекающая внимание игра словами. PUMPHOUSE обладает симпиитизмом, достигнутым звукоподражательным повторением звуков работающего насоса: *pump/ house/ pump/ house/* и одновременно отсылает к книге Тома Вулфа «Банда из Помпхауза», посвященной любителям серфинга. Среди слов, относящихся к сфере названий товаров, чаще можно встретить сокращенные слова, образованные посредством усеечения конечных фонем и графем: такие, как flex от flexible (англ. гибкий), tex от textile (англ. текстиль), tech от technique (англ. техника), matic от automatic, perma от permanent, porta от portable, pro от professional.

Собранный нами фактический корпус примеров свидетельствует о частом использовании в качестве товарных знаков сложносокращенных слов, которые применяются для именования изделий разных классов. Формальные модели сложносокращенных слов – различные комбинации усеченных и неусеченных основ – обеспечивают достаточно высокую степень мотивированности данной группы сокращений [3, с.153]. Например, PolarPlus от Polaroid + pulse (карманный фонарик), Snowcem от snow + cement (цемент), Theraflu от therapy + influenza (лекарство от

простуды), Oral-B от oral + brush (дентальное средство).

В качестве еще одного важного принципа порождения прагматонимов следует выделить также **принцип эмфазы**. Фундаментом принципа эмфазы и его разновидностей находится прагматически направленное желание обновить форму. Это желание возникает у создателей товарных знаков – прагматонимов с целью выражения несколько иного эмоционально-оценочного отношения, с целью отразить свежий взгляд на привычное окружение, вдохнуть новую струю в рутинные вещи. Зачастую, чтобы наглядно показать компоненты прагматонимов, рекламисты преднамеренно используют различные графические приемы, например, жирный шрифт, наклонный шрифт, подчеркивание, капитализация: Intell**ow**asher, HotRem, Perma-Led.

Следует особенно отметить тот факт, что принцип эмфазы в процессе номинации прагматонимов может принимать различные формы и проявлять себя как принцип аффективности, принцип языковой игры, принцип эстетичности, принцип иронии и прочие. На фоне всех перечисленных релевантных принципов, заметно выделяется принцип аффективности, который связан с положительной оценочностью. Известно, что при создании вербальных товарных знаков рекламисты пытаются подобрать наиболее ассоциативное название и непременно с положительной коннотацией.

Принцип аффективности проявляется при построении прагматонимов на основе ценовой категории. К ним относятся товарные знаки MONTBLANC, DIAMOND, QUEEN, DUKE, Imperial и прочие, а также названия, которые содержат в себе слова best, royal, gold, platinum. Они указывают не только на более высокую ценовую категорию, но и на более высокое качество товара.

Некоторые товарные знаки, построенные на принципе аффективности, нацелены на учет специфических особенностей социальных, этнических, возрастных групп потребителей. Имя товара ELITE, слово EXCLUSIVE в названии указывает на элитную группу потребителей, VOLKSWAGEN – на “народную” группу, шоколад KINDER предназначен для детей.

Товарные знаки могут быть рассмотрены как частные модификаторы обычных имен существительных, например, FRITO – кукурузные хлопья, HEFTY – мусорные мешки. Однако, очень часто, номинация товаров и услуг с помощью имен собственных не обладает коннотацией, особенно в процессе привлечения каких-либо известных лексем от фамилий и имен, например, Mc-, -son, -ova, -off и т.д. Именно поэтому, многие рекламисты стараются отойти от рутинных «фамильных» прагматонимов и стараются создавать коннотативные товарные знаки. Очень часто к этому процессу привлекаются смысловые морфемы.

Представляется целесообразным описать **принцип языковой игры**, который является наиболее излюбленным принципом порождения новых словесных названий у рекламистов. Слово – самая сложная единица языка. Слово должно раскрываться исследователю как целый мир, во всех тонкостях его внутреннего устройства, во всем богатстве его внешних связей, ведущих в систему языка, в синтагматический контекст, в ситуацию общения, а затем в филологию, литературу, историю, культуру [1]. В этой

связи, когда «по мере углубления и развития исследовательских подходов к слову, в нем открываются все новые и новые грани; хорошо всем известные свойства поворачиваются подчас неожиданными для нас сторонами» [11, с.143], введение слова в фокус прагматического изучения представляется нам оправданным и обоснованным.

В разные периоды языкового развития в разных языках на первый план выходят те или иные способы номинации, активизируются отдельные номинативные процессы, что, помимо внутриязыковых причин, в немалой степени обусловлено динамической взаимосвязью развития общества и развития обслуживающего его языка, ведь изменения в жизни данного общества диктуют определенные изменения в данном языке. Язык, очевидно, отражает время, в котором живет человек.

Стремление к свежести заставляет говорящего опробовать самые различные способы и приемы вербально – коммуникативного творчества. Особенно наглядно это проявляется в зонах повышенной номинативной активности, которые существуют в языке. Одной из таких зон в английском языке нашего времени является реклама, для которой характерно постоянное стремление к свежести речи, к обновлению средств и приемов выражения.

Создатель нового товарного знака может использовать различные средства, которые могут быть носителями морфемных значений для получения краткого, но достаточно емкого имени, или задействовать «эффект домысливания» [7], лишь намекнув на слово называнием его части или даже только его заглавной буквы, создав слово–свиток или сложносокращенное слово. Его желание решительно изменить способ представления и отображения действительности.

Язык рекламы влияет на восприятие товара или продукции его обладателями или потенциальными потребителями – носителями языка, на котором создана реклама в соответствии с целями эксплицитной и имплицитной информации, заложенной в ней. Таким образом, язык рекламы – это не только система лингвистических и экстралингвистических средств выражения, подчиняющихся, прежде всего, правилам массовой коммуникации, а потом уже правилам общелитературным, но и языковая структура, формирующая восприятие определенной информации адресатом с учетом социолингвистических, психолингвистических и лингвокультурологических особенностей той языковой среды, в которой данный адресат существует.

В орбиту действия прагматики вербальных товарных знаков вовлечен принцип языковой игры или, иначе говоря, принцип людичности. Принцип языковой игры продиктован прагматической потребностью самовыражения, установкой на языковую игру (обыгрывание формы) в таких ее проявлениях как ирония, каламбур, преувеличение и т.д., что делает его полифункциональным. Ведущие прагматические факторы, стимулирующие действие принципа языковой игры – людический фактор, фактор иронии, как одно из проявлений эмоциональности, установки на шутку, юмор, забаву.

Трактовка языковой игры в современной лингвистике неоднозначна. Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова считают, что языковую игру «можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка» прежде всего в виде установки на комический эффект [9, с.172–174]. Б.Ю.

Норман считает, что «языковая игра – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [8, с.168]. Т.А. Гридина придерживается более широкого понимания языковой игры, связывая ее «с креативной речедетельностной активностью языковой личности. Будучи особой формой лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу, языковая игра всегда нацелена на использование лингвистических приемов, подчеркивающий парадокс между стандартной формой и значением знака и новой ассоциативной «обработкой» того или иного вида языкового знания» [2, с. 26].

Прагматоним тем больше привлекает внимание, чем больше нарушает принятые коммуникативные нормы, перестраивая, таким образом, систему риторических ожиданий.

Наибольшее распространение в языке СМИ получило графическое выделение части слова – сегмента. Слова с графически выделенным сегментом получают разные обозначения. Е.В. Маринова предлагает называть их *визуальными неологизмами*, или *неологизмами – написаниями*, подчеркивая, что это такие единицы, «новизна которых «выражается» в их написании и не затрагивает звукового облика слова (т.е. такие неологизмы воспринимаются только «на глаз», визуально, произносятся они по-старому)», например, SHOCKland [6]. Н.З. Котелова продолжает классификацию неологизмов – неологизмы-слова, неологизмы-словосочетания, неологизмы-значения, неологизмы – написания [6, с.127–128]. О.Б. Сиротинина считает, что «Иностранные слова и иностранный шрифт становятся своеобразным стилистическим приемом – как бы, показателем высокой компетентности автора» [10, с.552]. Автор не случайно употребляет оценочное словосочетание *как бы*, поскольку ученый считает, что это показатель искаженного эталона хорошей речи. С.М. Кузьмина также резко критикует чрезмерное увлечение латиницей в процессе номинации товаров и услуг [5]. Ильясова С.В. и Амири Л.П. называют такие вкрапления «словами – вкладышами», или «словами – матрешками», в которых определенная часть слова, выделенная латиницей, прочитывается как самостоятельное слово (Galактика, Веерлога, SOSулька, LENNYнград, VERSия, АвтоPilot, Pilotаж).

Графическая игра представляет собой особый вид языковой игры, так как позволяет совместить в прагматониме лаконичность и информативность. Среди графических средств в прагматонимах можно выделить математические знаки, физические символы, денежные символы. Можно отметить следующие тенденции в использовании цифр при создании прагматонимов: (1) цифра может использоваться для замены одной буквы или определенной части слова (4U, NOV09); (2) использование цифры может основываться на графическом сходстве цифры и буквы (Pas7a 7, 8est, 8oss); (3) использование цифры может основываться на полном или частичном сходстве звучания части слова или цифры (D1, 2DAY, 3POD, 4cus). Употребление различных физических символов может вызывать определенные ассоциации с рекламируемым товаром: Hott°er, MΣGA, CΩΩL. Не вызывает сомнения тот факт, что прагматонимы должны говорить с потребителями на понятном

ему языке, поэтому такие понятия, как доллар (\$) и евро (€), прочно вошли в обиход и нашли свое отражение в прагматонимах – \$pecial, \$picy, \$uper, М€N, В€ST. Нами также были отмечены случаи использования смайликов в составе названий товарных знаков:

L VE U, SUPER ST R, T BACCO, M LLY.

Итак, исследование в прагматическом аспекте процессов номинации как специально направленных на то, чтобы дать имя тому или иному набору значений, а в ономастическом пространстве – тому или иному объекту, объясняет тот факт, что порождение вербальных товарных знаков не является произвольным, а регулируется прагматическими принципами.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М.: Языки русской культуры, 1995. - 767 с.
2. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола// Политическая лингвистика. - Екатеринбург, 2011. - № 4 (38). - С. 47-51.
3. Елдышев А.П. Строение и мотивированности сокращенных слов (к проблеме взаимодействия формальных и содержательных признаков в слове): Автореф.канд. филол.наук /А.П.Елдышев.-М.,1985.-21 с.
4. Зеликов М.В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. – М.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
5. Кузьмина С.М. Активные процессы в области письма //Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков Отв. ред. Л.П. Крысин / Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: ЯСК, 2008. С. 399-412.
6. Маринова, Е. В. Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов //Вестн. ННГУ. Вып. 1 (6). Н. Новгород, 2005. С. 127–132.
7. Никитин, Н.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. – Владимир, 1974.
8. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск: Вышэйшая школа, 1987.
9. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис.- Земская и др. 1981: Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н М.: Наука, 1981,-276 с.
10. Сиротинина О.Б. Речь отдельных журналистов в газете «Известия» //Проблемы речевой коммуникации. Вып.2. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. - С.51-57.
11. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста: Виноградовские чтения XI. М., 1982. С. 143-144.

Д.В. Сосновский,
аспирант кафедры социологии международных
отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Современная крымская региональная идентичность: опыт и перспективы

Вопрос о том, на каких принципах должен развиваться крымский регион и, соответственно, как должно выглядеть крымское региональное сообщество, занимал учёных полуострова ещё до обретения Украиной независимости. В изданном в 1990 году сборнике «Крымская АССР (1921-1945). Вопросы и ответы» под общим заголовком «Крымская АССР: территориальная или интернациональная?»¹ вышел материал, в котором три разных исследователя представили своё видение прошлого автономии в составе СССР. В трёх представленных вариантах – крымскотатарская автономия, территориально-национальная и «Таврида интернациональная» чётко просматриваются предпочтения авторов в видении будущего полуострова. Интересно, что автор третьего тезиса сформулировал понятие «интернационально-территориальной автономии», которое совпадает со взглядами значительной части современных крымских политологов на будущее Крыма.

Особенно остро этот вопрос встал именно в середине девяностых годов прошлого века. В последние годы в крымской политологической среде тема общекрымской региональной идентичности обсуждается всё более активно. Крымский эксперт Андрей Никифоров в одной из своих статей ввёл понятие крымского регионального сообщества и кратко его охарактеризовал, определив как уже вполне сформировавшуюся «социальную и протоэтническую общность»², которая сейчас находится в стадии перехода к стадии полноценного этноса. Интересно, что к похожим выводам на основе социологических исследований пришли и сотрудники украинского Центра Разумкова. По данным киевского исследовательского института, чьи сотрудники редко оказываются приверженцами идеи регионализации и укрепления крымской автономии, «подавляющее большинство украинцев и русских, которые живут в автономии, образуют единую социокультурную общность, в то время как крымские татары отличаются от них»³. При этом отмечается, что среди этнических украинцев большинство – 52,7% – относят себя к русской культурной традиции, а 26,6% - к советской⁴. Другое исследование того же центра показывает, что 40,1% русских крымчан и 34,1% крымских украинцев считают, что они составляют единую социокультурную общность, а «скорее согласны» с этим ещё 36,1% и 39,6% соответственно⁴. Таким образом, отмечается базовая

1. Крымская АССР: территориальная или интернациональная? – Крымская АССР (1921-1945). Вопросы и ответы. Выпуск 3. – Симферополь: «Таврия», 1990, с. 27

2. Никифоров А. Крымское региональное сообщество: Опыт разноформатных и разноразмерных измерений. – Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решение. Сборник научных работ. – Симферополь: ИД «Тезис», 2009, с. 13

3. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації. – Національна безпека і оборона. – К.: Центр Разумкова, 2009. - №5 (109), с. 3-4

4. Там же

роль русской культуры и языка в формировании особенного крымского этноса, а в качестве противодействующего фактора рассматривается крымскотатарская культура.

Это подтверждают и другие опросы, в частности, опрос, проведённый Институтом социологии НАН Украины⁵. Помимо вопросов, на которые как русские и украинцы, так и респонденты из числа крымских татар дали почти одинаковые ответы (например, к возможной потере Крымом статуса автономии негативное отношение высказали представители всех трёх этнических групп), стали отчётливо видны проблемы, на которые русские и украинцы с одной стороны и крымские татары – с другой смотрят по-разному (в частности, к ним относится вопрос о вступлении Украины в Евросоюз)⁶. Многие исследователи в связи с этим рассматривают сценарии интеграции крымских татар в общекрымский региональный контекст.

Изучая материал по теме, невозможно не обратить внимание на то, что важнейшей проблемой при обсуждении проектов формирования крымского регионального сообщества традиционно выделяется межэтническая напряжённость, возможность её эскалации и перехода в фазу конфликта. Крым как полиэтническая территория с довольно серьёзным и запутанным историческим багажом, допускающим множество трактовок, которые могут спровоцировать – и зачастую провоцируют – радикальные выводы, лежащие в основу реакционных политических программ, нуждается не только в долгосрочном прогнозе, но и в адекватном решении этой проблемы. Возникновение крымского регионального сообщества на основе общекрымской надэтнической идентичности и представляется таким решением.

Н. Киселёва провела подробное исследование⁷ на основе данных социологических опросов с тем, чтобы дать этой ситуации социологическую оценку. «Результаты социологических исследований не только фиксируют возрастание межнациональной напряжённости в крымском регионе, но и свидетельствуют о смещении обвинительного вектора»⁸. То есть если раньше крымчане не из числа крымских татар в качестве причин конфликтности в основном называли «Меджлис», то вскоре появилась тенденция к обвинению в этом крымских татар в целом. На втором месте по популярности в этом списке находится бездействие властей, причём число разделяющих это мнение также стремительно увеличивается.

Проведенное исследование подтверждает предположение, что сложная этническая ситуация на крымском полуострове имеет две плоскости –

5. Центр Разумкова. Соціологічні опитування. Регіони. Крим // http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php?cat_id=191 [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11

6. Никифоров А. Крымское региональное сообщество: Опыт разноформатных и разноуровневых измерений. – Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решение. Сборник научных работ. – Симферополь: ИД «Тезис», 2009, с. 13

7. Ефимов С. Общественное мнение крымчан о перспективах развития Украины: некоторые данные социологических исследований. – Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008, с. 125-129

8. Киселёва Н. Потенциал межэтнического конфликта в Крыму: социологическая оценка. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 74

внутриэтническую и межэтническую.

Хотя проблема русско-украинских отношений на полуострове не является настолько же популярной в СМИ и крымском политикуме темой, как возможность эскалации конфликта между крымскими татарами и остальными народами Крыма, проблема эта остаётся очень важной и достойной пристального внимания. Крымский исследователь В. Абдураимов следующим образом описывает особенности этнических процессов Крыма: «с одной стороны идёт формирование крымскотатарского ядра-нации, с другой – фрагментация части русско-культурного ядра. Наряду с этими двумя процессами идёт формирование украинской политической нации, где доминирующим является украинский этнос»⁹. Абдураимов обращает внимание на фрагментацию русского культурного элемента в Крыму, которая произошла в результате распада доминировавшего в СССР «русского ядра», что усиливается становлением украинской политической нации, основным принципом которой заявлена ориентация на украинский этнос, культуру и язык в рамках современного украинского государства. Справедливо определяя распад СССР как катастрофу для русского населения и разграничивая интересы трёх наиболее значительных этнокультурных массивов полуострова, автор задаётся вопросом: «На какой основе в принципе возможно формирование крымского регионального сообщества?» На этот вопрос он даёт весьма спорный ответ: русским Крыма придётся выбирать между двумя государственностями: украинской и крымскотатарской, т.к. «оснований для чисто русской государственности нет никаких»¹⁰.

Трудно, однако, согласиться с тем, что значительное численное превосходство и сохранившееся, несмотря на постоянно усиливающуюся политику украинизации, культурное доминирование нельзя отнести к основаниям если не для государственности, то, как минимум, для политического лидерства в регионе (Крым является единственным регионом Украины, где официально русские – это этническое большинство). Не говоря уже о том, что – и это мы подробно рассмотрим ниже – именно доминирование русской культуры на данном этапе представляет собой основной фактор консолидации всего остального населения полуострова и его отличия от других областей Украины. Предлагая русским «привыкать жить в условиях реального равноправия с другими этносами» и «свыкнуться с мыслью, что привилегия на доминирующее положение уже не определяется принадлежностью к русскому этносу, а приобретается за счёт более высоких профессиональных качеств»¹¹, Абдураимов, однако, не отказывает в таких основаниях количественно уступающим на территории Крыма представителям украинского и крымскотатарского этносов. Очевидно,

9. Киселёва Н. Потенциал межэтнического конфликта в Крыму: социологическая оценка. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 76

10. Абдураимов В. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007, с. 5

11. Там же, с.5-6

автор статьи не допускает в качестве возможного русское политическое доминирование на принципах, отличных от принципа «принадлежности к этносу», не вдаваясь, однако, при этом в какие-либо объяснения.

Особую значимость русского языка и культуры для консолидации всего крымского регионального общества и формирования крымской региональной идентичности отмечает и исследователь Н. Лантух. В своей статье «Об «островной» направленности крымской региональной идентичности» он пишет, что, помимо регионального статуса республики, эмоциональной привязанности к полуострову, его восприятия как своей Родины, уклада жизни и исторического наследия, «базой объединения крымчан является русский язык и русская культура»¹². Очень важно, что, как мы видим, с этим соглашается ряд специалистов, этнически не являющихся русскими. Сохраняется и восприятие России как культурной метрополии. В частности, по данным Украинского центра экономических и политических исследований, которые приводит в своей работе «Значимость культурной идентичности в процессе стабильного развития. Потенциал этничности, власти и самоопределения в постсоветском Крыму» испанский исследователь Мануэла Кукина, 47,3% населения Крыма в 2001 году всё ещё видело будущее полуострова в объединении с Россией¹³.

В связи с этим трудно не согласиться с тезисом С. Киселёва, который утверждает, что «русская проблема» является «главной среди этнических проблем полуострова»¹⁴. Отягощающим фактором при этом является то, что она если «откровенно и не табуирована, то всячески игнорируется на официальном уровне, излишне политизируется или оглупляется» в СМИ. Особую роль в этом играют эксцентричные поступки и высказывания маргиналов, которые годами «паразитируют» на этой теме.

В своей статье «Крымская русская идентичность – это реальность» Киселёв на основании данных социологических опросов и опираясь на вышеописанное восприятие русского населения полуострова, делает следующий вывод: «Предположение о возможности возникновения... своеобразного крымско-славянского этноса находит свое подтверждение на практике»¹⁵. При этом крымский эксперт не считает необходимым избегать слова «русский», заменяя его на «славянский» или «русско-украинский» в угоду того, что он сам называет ««дурной» политкорректностью»¹⁶ (с вышеописанным явлением особенно часто приходится сталкиваться в СМИ). Свою статью он завершает повторением вынесенного в заголовок

12. Там же, с.7

13. Лантух Н. Об «островной» направленности крымской региональной идентичности – Вопросы развития Крыма: Выпуск 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: «Сонат», 2012, с. 258

14. Cucina M. The worth of cultural identity in sustainable development process. Ethnicity, power and self-determination opportunities in the post-Soviet Crimea. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 49

15. Киселёв С. Крымская русская идентичность – это реальность. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007, с. 71

16. С. Киселёв С. Крымская русская идентичность – это реальность. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007, с. 74

утверждения, сопровождая его следующим комментарием: «крымские русские – этнографическая константа в многонациональном составе населения полуострова, политический и правовой субъект, с которым рано или поздно придётся считаться»¹⁷.

Его коллега А. Мальгин предпочитает рассматривать крымское региональное сообщество как единое целое. Отдавая себе отчёт в том, что формирование «крымского народа» или даже «крымской нации» пока далеко от завершения, он подчёркивает, что основания для обсуждения этого явления как проекта (как минимум) вполне существуют¹⁸.

Мальгин обращается к образу, созданному писателем В. Аксёновым в своём знаменитом романе «Остров Крым». По мнению политолога, написанная в конце 70-х годов книга по удивительному совпадению некоторым образом предвосхитила то, что начало происходить в Крыму пятнадцать лет спустя. Речь идёт о выдуманном Аксёновым молодёжном движении «яки», чьи активисты позиционировали себя как новый, но полностью автохтонный этнос, сформированный из русских, крымских татар и других народов Крыма¹⁹.

А. Бедрицкий в своей статье²⁰, посвященной коллективной работе Никифорова, Киселёва и Мальгина²¹ и совместному исследованию С. Киселёва и Н. Киселёвой²², пишет, что Мальгин, пытаясь «выстроить щит от ветра над своим маленьким домом и оградиться от бури, бушующей над всей страной», «неосмотрительно» приходит к ложному смешению «имперской идеи» «с общей деградацией центра и столицы»²³.

В той же статье Бедрицкий отмечает, что Никифоров и Киселёв совершенно по-другому оценивают имперское наследие региона, считая, что имперская идея остаётся актуальной, лишь нуждаясь в трансформации: «через развитие регионов – к Империи»²⁴, что является продолжением мысли о переходе системообразующих функций от центра к провинциям.

В то же время Мальгин негативно оценивает любые проекты имперской реставрации. Он приводит слова профессора Валерия Сагатовского: «Субъектом крымской государственности являются не русские, украинцы или татары, но единый многонациональный народ Крыма»²⁵. По всей видимости, всецело разделяя этот взгляд, Мальгин продолжает цитату: «Гражданин США может быть шведского или мексиканского происхождения. Но он – прежде всего американец. Того же хотим и мы в Крыму...»²⁶. Делая ставку на американскую модель «плавильного котла» (и

17. Там же, с. 71

18. Там же, с. 75

19. Мальгин А. Крымское сообщество: между прошлым и будущим. <http://ok.archipelag.ru/part2/krimskoe-soob.htm> [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11

20. Аксёнов В. Остров Крым. – М.: Эксмо, 2007, с. 19

21. Бедрицкий А. Три проекции крымской идеи. – Русский геополитический сборник, 1997, № 2

22. Никифоров А., Киселёв С., Мальгин А. Три проекции крымской идеи. – Симферополь: Крымский архив, 1995

23. Киселёв С., Киселёва Н. Размышления о Крыме и геополитике – Симферополь: Крымский архив, 1994

24. Там же

25. Бедрицкий А. Три проекции крымской идеи. – Русский геополитический сборник, 1997, № 2

26. Мальгин А. Крымское сообщество: между прошлым и будущим. <http://ok.archipelag.ru/part2/krimskoe-soob.htm> [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11

отмечая, что от аксёновской идеи «яки» она отличается своей не-культурной, сугубо политической направленностью), Мальгин противопоставляет ей «традиционному этническому идеалу». Но при этом он игнорирует существование предложенной его коллегами «имперской» модели, которая отнюдь не тождественна этнической. В этом смысле показательна разница в акцентах, которые расставляют авторы. Если Киселёв пишет о «русской идентичности Крыма как реальности», то Мальгин предпочитает использовать термин «русскоязычное население», что в своей статье «Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества» специально подчёркивает: «имеет смысл говорить не о «русском», а о «русскоязычном» сообществе Крыма, поскольку большинство выходцев с материковой территории Украины и из Белоруссии, равно как и потомки переселенцев из России, пользуются в большинстве своём русским языком, ориентированы на эту культуру и не выделяют себя из общей массы славянского населения полуострова»²⁷. Именно этот последний фактор, упомянутый Мальгиным – культурная, а не языковая принадлежность – и позволяет, однако, его коллегам говорить не о «русскоязычном», а просто «русском» населении полуострова.

Мальгин также отмечает, что данные социологических опросов свидетельствуют о том, что признание Крыма своей «основной» Родиной стало становиться тенденцией ещё в 90-х годах: «Крым постоянно и неуклонно вытесняет в менталитете его славянских жителей все прежние представления о «Родине»»²⁸, в первую очередь заменяя в сознании СССР и Россию (а для тех, кто считает для себя важным украинское гражданство, и Украину). Крымчане русского и украинского происхождения, подчёркивает Мальгин, крайне остро чувствуют свое отличие от своих материковых соплеменников, которое выражается не только в другом политическом и электоральном поведении, но и в менталитете. Исследователь выделяет три основных фактора, обеспечивающих особость крымского сообщества. Это – культурно-языковая обособленность, специфика географии и своеобразие истории (в частности, опыт автономии).

Мальгин видит три возможных формы, которую может принять идея внеэтнического общества. Первый вариант – «новая русская идентичность», другая «разновидность «русскости»» (аналогичная другим проектам «русских без России»). Второй – «новое национальное самосознание», включающее в себя элементы различных этнических культур. Последний вариант, который предлагает Мальгин – «полиэтническое сообщество с общей идеей»²⁹. По сути, это имперский проект «в миниатюре». Однако автор готов рассматривать его только в такой уменьшенной форме, отказывая более широкому имперскому проекту в праве на существование.

Описывая формирование крымского общества на неэтнической основе, Мальгин, однако, постоянно подчёркивает, что речь идёт о славянской –

27. Там же

28. Мальгин А. Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества. – Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь: «Доля», 2002, с. 86

29. Там же

русской и украинской – части населения полуострова. Дело в том, что чисто этнический проект формирования крымского общества тоже существует, и предлагает его крымскотатарская часть населения, (в первую очередь, те её представители, которые признают «Меджлис» выразителем своей политической воли)³⁰. Причём о сложностях вовлечения крымских татар в процесс формирования нового крымского общества Мальгин отдельно не сообщает (хотя само это вовлечение, конечно, подразумевается). Настаивая на том, что традиционные этничности «исчерпали себя», и поиск новой идентичности – «не пустое стремление, а насущная необходимость», исследователь, однако, не уточняет – как именно они могут быть преодолены, в частности, самими крымскими татарами, до сих пор представляющими собой мощное и консолидированное вокруг твёрдого этнического ядра сообщество.

Ключевую роль в формировании постсоветского самосознания крымских татар сыграл «миф о коренном народе», сформулированный российским историком В. Возгриным. Причём термин «коренной народ» используется не только «Меджлисом» и его сторонниками, но и его основными оппонентами – НДКТ. В частности, на сайте движения указывается, что «основным принципом Закона о Земле Крымской АССР был принцип навечной неотчуждаемости национальной территории от коренного народа»³¹. Примечательно, что НДКТ апеллирует к положению крымских татар во время советской власти (в период существования Крымской Автономной ССР, когда активно проводилась т.н. политика «коренизации»), а не к предшествовавшему этому короткому периоду Крымской Народной Республики, что свидетельствует о позитивной оценке имперского опыта в противовес сепаратистскому дискурсу.

Крымский исследователь, Э. Умеров предлагает рассмотреть перспективы становления в Крыму регионального консолидированного сообщества через соответствие этнополитической картины полуострова понятию «этносистемы». Исследователь разъясняет его значение – это «форма существования двух и более этнических групп в границах одного государственного образования»³². Наиболее существенными критериями, позволяющими говорить о возникновении этносистемы можно считать три фактора. Во-первых, это сбалансированность межэтнических отношений на полуострове, то есть устойчивая роль в них, а также в общественной, экономической, культурной, политической жизни общества каждой этнической группы. Органичность этносистемы – второй фактор – подразумевает восприятие своего региона представителями разных этносов как неотъемлемой части своей жизни. Основным моментом здесь является появление общих элементов мировоззрения у всех членов общества на фоне их удовлетворенности своим социальным положением вне зависимости от причастности к тому или иному этносу и, как следствие, «формирование понятия «мы», независимое от

30. Там же

31. Там же

32. Сайт НДКТ. <http://www.ndkt.org/o-nas.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.05.12

этнической принадлежности»³³. Третий критерий – бесконфликтность (непротиворечивость). То есть предпосылки для возникновения либо отсутствуют, либо нейтрализуются существованием устойчивых условий, которые способствуют их предупреждению или – в крайнем случае – разрешению. Умеров отмечает, что все эти факторы настолько тесно связаны между собой, что в качестве оценочного критерия могут использоваться лишь комплексно. А с учётом того, что ни один из них пока не реализовался в полной мере, о формировании полноценной этносистемы на полуострове можно говорить лишь в перспективе. Перспектива, однако, вполне просматривается.

Следует отметить, что Умеров, определяя понятие этносистемы через сосуществование представителей разных этносов в рамках одного государственного образования, говорит о перспективах её формирования в контексте украинского государства, при этом отмечая сложность и неразвитость этих процессов по всей территории Украины. Но и он не мог не подчеркнуть особенность этих процессов на крымском полуострове и не отметить чрезвычайную сложность их протекания в Крыму.

По мнению Умерова, за отрезок времени с 1991 по 2000 год процесс становления этносистемы продвинулся вперёд. Но при этом автор не видит оснований для того, чтобы говорить о его дальнейшем развитии. В статье, опубликованной в 2002 году в Симферополе в сборнике «Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения» он даёт подробный анализ причин, которые не позволяют этому произойти. Нарушение баланса между двумя структурными уровнями этносистемы – этнического и интегрального – в пользу первого связано с отсутствием готовности всех институтов и сфер общественной жизни к обеспечению этого баланса.

Заканчивает свою статью Умеров на оптимистической ноте, говоря о том, что опыт постсоветского сосуществования русских, украинцев, крымских татар и представителей других народов полуострова позволяет говорить о том, что процесс формирования региональной специфической крымской этносистемы не только возможен, но и идёт сейчас вопреки всем перечисленным выше сдерживающим его факторам. Пока он находит выражение в общественном обсуждении и не имеет адекватного отражения в политической плоскости, но, по мнению автора, сохраняет огромный позитивный потенциал. Со своей стороны добавим, что необходимость понимания важности этого процесса не только среди экспертов, но и среди представителей политикума в Москве и Киеве, а в первую очередь – в Симферополе – сохраняет свою первостепенную важность, но пока, к сожалению, оснований для того, чтобы о нём говорить, не так много.

Объяснить отсутствие такого понимания можно рядом факторов.

К интересному выводу пришла крымский исследователь, доцент кафедры педагогики Таврического национального университета Светлана Кузьмина. По её мнению, неготовность крымских властей к каким-либо изменениям и их желание сохранить любой ценой статус-кво может сформировать

33. Умеров Э. Крым: Проблема становления этносистемы. – Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь: «Доля», 2002, с. 58

определённый образ культурной идентичности администрации республики. И, как подчёркивает Кузьмина, несмотря на то, что изначально может сложиться впечатление, что крымские чиновники – в большинстве своём – являются носителями русской идентичности, это не вполне соответствует действительности. В конечном итоге Кузьмина приходит к выводу, что «культурная идентичность крымской власти... предстает... не столько как русская, сколько как советская, но с ампутированной коммунистической идеологией»³⁴. Следует напомнить о том, что среди представителей всех этносов, проживающих в Крыму (в том числе крымских татар, у которых могут быть особенно острые и обоюдные претензии к советской власти), по данным исследования, проведённого Н. Киселёвой, сохраняется устойчивая и довольно многочисленная группа людей, которые называют себя «советскими людьми»³⁵. При этом нужно учитывать, что выводы Кузьминой сделаны на основе данных, полученных относительно узких источников (данные об образовательной политике с официальных интернет-сайтов), а «крымская власть» – понятие довольно широкое и отнюдь не статичное. А с приходом к власти в 2010 году Виктора Януковича и его администрации в Киеве многое изменилось и в Симферополе.

Новая украинская власть сразу же (как, впрочем, и ожидалось) взяла чёткий курс на жёсткую централизацию. И если в областях унитарной Украины это было принято населением хоть и без восторга, но и без особых протестов, жители и элита единственного автономного образования – Республики Крым – увидели в этом явную угрозу и так уже приближающимся к формальному состоянию правам автономии. И для этого были определённые основания. В первую очередь, политика централизации выразилась в том, что ряд руководящих должностей на всех уровнях заняли чиновники, приехавшие в Крым из Донецкой области, и к Крыму отношения прежде никогда не имевшие. Таким образом, власти из Киева принялись «наводить порядок» по своим правилам, не считаясь со спецификой региона, которой, в чём мы уже успели убедиться, Крым, безусловно, обладает. Решения, которые принимает киевская, а за ней – и симферопольская – администрация, являются программными для всего Юга-Востока Украины, что никак не соответствует ни интересам, ни желаниям населения Крыма³⁶. Однако следует понимать, что ничего радикально нового в политике Крыма с приходом новых властей не произошло. По мнению А. Никифорова, «эпоха» первого премьер-министра автономии при Януковиче Василия Джарты была для Крыма полезна только тем, что высветила все основные проблемы в крымской политике³⁷. Стало

34. Там же, с. 60

35. Кузьмина С. Культурная идентичность представителей власти современного Крыма в отражении её образовательной политики (виртуальные наблюдения). – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 91
36. Киселёва Н. Потенциал межэтнического конфликта в Крыму: социологическая оценка. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 77

37. Подробнее см. Сосновский Д. К вопросу о крымской автономии // <http://www.politcom.ru/12144.html>

очевидно, что при ускорении и ужесточении процесса централизации крымское общество не в состоянии «заявить о себе». Неготовность крымского политикума отстаивать свои позиции и тем более – интересы крымчан стала очевидной довольно давно, и теперь довольно ясно видно, что и в дальнейшем с этим положением крымская элита готова мириться³⁸.

Скончавшегося в августе 2011 года премьера Василия Джарты на посту премьер-министра Крыма сменил Анатолий Могилёв, чья политическая карьера также началась в Донецкой области. Это назначение продемонстрировало, что киевская администрация не намерена менять свой курс на централизацию и политическую интеграцию крымской автономии в общеукраинское пространство. А это значит, что негативное влияние со стороны на и без того непростой процесс формирования региональной идентичности в Крыму продолжится.

Литература

1. Абдураимов В. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007
2. Аксёнов В. Остров Крым. – М.: Эксмо, 2007
3. Бедрицкий А. Три проекции крымской идеи. – Русский геополитический сборник, 1997, № 2
4. Ефимов С. Общественное мнение крымчан о перспективах развития Украины: некоторые данные социологических исследований. – Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008
5. Киселёв С. Крымская русская идентичность – это реальность. – Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь: КЭМ, 2007
6. Киселёв С., Киселёва Н. Размышления о Крыме и геополитике. – Симферополь: Крымский архив, 1994
7. Киселёва Н. Потенциал межэтнического конфликта в Крыму: социологическая оценка. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008
8. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації. – Національна безпека і оборона. – К.: Центр Разумкова, 2009. - №5 (109)
9. Крымская АССР: территориальная или интернациональная? – Крымская АССР (1921-1945). Вопросы и ответы. Выпуск 3. – Симферополь: «Таврия», 1990
10. Кузьмина С. Культурная идентичность представителей власти современного Крыма в отражении её образовательной политики (виртуальные наблюдения). – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008
11. Лантух Н. Об «островной» направленности крымской региональной идентичности – Вопросы развития Крыма: Выпуск 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: «Сонат», 2012
12. Мальгин А. Крымское сообщество: между прошлым и будущим. <http://ok.archipelag.ru/part2/krimskoe-soob.htm> [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11
13. Мальгин А. Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества. – Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь: «Доля», 2002
14. Не спешите переворачивать страницу // <http://job-sbu.org/ne-speshite-perevorachivat-stranitsu.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012
15. Никифоров А. Крымское региональное сообщество: Опыт разноформатных и разноуровневых измерений. – Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решение. Сборник научных работ. – Симферополь: ИД «Тезис», 2009
16. Никифоров А., Киселёв С., Мальгин А. Три проекции крымской идеи. – Симферополь: Крымский архив, 1995
17. Сайт НДКТ. <http://www.ndkt.org/o-nas.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.05.12
18. Сосновский Д. «Шоу должно продолжаться» // <http://www.politcom.ru/12427.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012
19. Сосновский Д. К вопросу о крымской автономии // <http://www.politcom.ru/12144.html> [Электронный источник]. Дата обращения: 29.09.2012
20. Умеров Э. Крым: Проблема становления этносистемы. – Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь: «Доля», 2002
21. Центр Разумкова. Соціологічні опитування. Регіони. Крим // http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php?cat_id=191 [Электронный источник]. Дата обращения: 20.06.11
22. Cucina M. The worth of cultural identity in sustainable development process. Ethnicity, power and self-determination opportunities in the post-Soviet Crimea. – Этничность и власть: региональные, национальные и глобальные проекты. Материалы VII международного семинара 15-17 мая 2008 г., г. Ялта. – Севастополь: ЭКОСИ – Гидрофизика, 2008, с. 49

Е.И. Рябова,
кандидат политических наук,
руководитель проекта Издательства
«Этносоциум».

Россия-Колумбия: проникновение культур

Посольство Колумбии продолжает приятно удивлять искушённую московскую публику. 19 апреля 2013 г. Рафаэль Франсиско Амадор Кампос - посол Колумбии в России провел вечер, посвященный Нобелевскому лауреату, горячо любимому в России Габриэлю Гарсиа Маркесу. В своём выступлении на вечере синьор Кампос подчеркнул важность кросс-культурного взаимодействия и необходимость дальнейшего развития культурного обмена между Латинской Америкой и Россией.

Работа, которая ведется Посольством Колумбии в этом направлении, не может остаться незамеченной. Едва ли найдется житель Москвы или ее гость, оставшийся без положительных эмоций от знакомства с экспозицией «Поэзия и проза Габриэля Гарсиа Маркеса», в которую вошли фрагменты известных произведений и ранее не опубликованных стихов одного из самых читаемых иностранных авторов в России.

Массовый охват и доступность данной экспозиции были обеспечены ее расположением в поезде Московского метрополитена, курсировавшего по Филевской линии на протяжении полугода. Это лишь одна из многих удачно реализованных идей Чрезвычайного и Полномочного Посола Республики Колумбия в Российской Федерации Рафаэля Франсиско Амадора Кампоса в области культурных контактов.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики
Колумбия в Российской Федерации **Рафаэль Франсиско Амадор Кампос.**

Трудно недооценить влияние творчества истинного колумбийца Габриэля Маркеса на мировоззрение россиянина. Ведь, помимо глубоко осмысленного сюжета, наполненного философским замыслом, из книг виртуозного писателя люди по всей России создают свое представление не только о мировой прозе и поэзии нынешнего столетия, но и о жизни колумбийцев, специфике их менталитета и традиций, особенностях и отличиях, присущих современной Латинской Америке, что способствует

безусловному сближению наших народов, а также формированию понимания различных проявлений национальной идентификации.

Множество разноплановых культурных мероприятий, пристально освещаемых средствами массовой информации, интенсивно проводились и проводятся Посольством Колумбии, с целью популяризации латиноамериканской культуры и налаживанию социокультурных связей между нашими, такими далекими, но дружественно настроенными странами. К радости туристов обеих стран с 2011 года Колумбия и Россия отказались от визовых формальностей при взаимных поездках граждан, что способствовало расширению поля личных, культурных, деловых контактов между народами России и колумбийцами. Успешность миссии колумбийского Посольства по созданию благоприятных условий для развития культурных связей, также обусловлена продолжительными, вот уже 45-летними продуктивными дипломатическими отношениями наших держав.

На упомянутом выше вечере в Посольстве особую радость гостям доставило безупречное и пламенное выступление инструментального квартета «La Perdiz» («Куропаточка»), состоящего из студентов Государственного Университета Департамента Каука (Universidad del Cauca). Уникальность этого ансамбля, помимо незаурядных способностей исполнителей, можно объяснить качеством подготовки и обучения, проводимых под руководством его создателя, педагога Вероники Шарыповой, занимающейся преподавательской деятельностью в

Вероника Шарыпова, профессор Universidad del Cauca.

историческом городе Попаян на юге Колумбии, с 1997 года. В настоящее время часть участников квартета проходят обучение у преподавателя указанного Университета, профессора Дмитрия Петухова, что так же не может не вызвать интерес у российского слушателя.

Первая скрипка Яура Галиндез (Yaura Galindez) – обладатель огромного количества международных наград, в ближайшее время, направляется в Испанию, для участия во 2-ом туре известного международного конкурса “Violín por la Paz”. Приятно отметить, что из всей Латинской Америки для участия в конкурсе, были отобраны лучшие молодые таланты и оба конкурсанта, из Колумбии и Эквадора, являются учениками российских педагогов.

Основой репертуара квартета являются классические произведения, в частности Грига, исполнение сочинений которого смогли оценить московские слушатели, Бетховена, Мендельсона, и, конечно, Рахманинова, Чайковского и др. Кроме того, последние два года участниками активно

изучается фольклорная стилистика колумбийских ритмов, в этом им помогает молодой педагог, композитор Карлос Рене Ордоньес, который аранжирует национальную колумбийскую музыку для струнного квартета. Симбиоз российской классической музыкальной культуры и этнической колумбийской музыки дал музыкантам квартета возможность составить оригинальную программу, состоящую из колумбийских произведений в классической аранжировке.

О своих студентах и учениках школы при Государственном Университете Департамента Каука, Вероника Шарыпова говорит с нескрываемой гордостью: «Музыка – эта проба на чистоту жизненной философии... Дети, которым мы предлагаем философию жизни, наполненную музыкой, доверяют нам безоговорочно и мы это доверие не хотим обмануть». Не удивительно, что плоды такого педагогического подхода - музыканты квартета, достойны наивысших похвал, ведь каждое выступление ансамбля производит неизгладимое впечатление на слушателей, получающих частицы тепла, любви, эстетической красоты и чарующего национального своеобразия.

Благодаря совместным усилиям постепенно создаются пути для осуществления культурного обмена между музыкальными педагогическими школами Колумбии и России и это еще одно достижение, достойно занимающее свое место в сети глобального этносоциального взаимодействия. Сегодня, в эпоху торжества глобализации, грандиозного по объему информационного обмена, всеобъемлющей стандартизации и унификации, уже перешагнувшей за уровень только масс-культуры, такие сочетания общепризнанной классической культурной базы и традиционных элементов культуры помогают людям, оставаясь собой, донести до других частицы своего таланта, элементы древних самобытных архетипов, так живо интересующих современного слушателя или читателя.

Россия-Колумбия: проникновение культур.

АННОТАЦИИ

А. В. Ореховский

Массовый героизм в Великой Отечественной войне многонационального советского народа как социально-нравственная ценность

В статье поднимается вопрос об актуальной для современной России проблеме межнациональных отношений. На примере фактов Великой Отечественной войны раскрывается героизм многонационального советского народа как феномен его массового сознания, стержнем которого были социально-нравственные ценности. Автор говорит о необходимости сохранения памяти о Великой Победе, гордость за которую должна стать основой для толерантных отношений в многонациональном российском обществе.

Ключевые слова: Победа; война; героизм; социальная ценность; мораль; патриотизм; историческая память.

Mass heroism in the Great Patriotic war as the mass consciousness phenomenon of multinational Soviet society

the article deals with the actual problem of ethnic relations for present Russia. The Great Patriotic war facts show the heroism of the multinational Soviet society as the mass consciousness phenomenon, the backbone of which was social moral values. The authoress says about the necessity to keep remembering the Great Victory, the pride of which must be the basis of tolerant relations in Russian multinational society.

Key words: Victory; war; heroism; social values; morality; patriotism; historical memory.

В.В. Шишков

Политологический анализ концептуальных основ национальной политики России в ракурсе исторического наследия

Статья содержит анализ концептуальных основ российской национальной политики в ракурсе исторического наследия современной России. Представлен сравнительный анализ положений Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. и Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012 г.). Сделан вывод о том, что в условиях отечественной полиэтничности, демократического транзита и модернизации, необходимы новые (неимперские) ценностные основания консолидации российской политической нации.

Ключевые слова: национальная политика, национализм, этносепаратизм, федерализм, постимперский транзит.

The paper contains an analysis of the conceptual foundations of the Russian national policy from the perspective of the historical heritage of modern Russia. A comparative analysis of the provisions of the Concept of State National Policy of the Russian Federation in 1996 and the National Strategy for Public Policy of the Russian Federation until 2025 (2012). It is concluded that in the context of domestic multiethnic democratic transition and modernization of the need for new (non-imperialist) value foundations of the political consolidation of the Russian nation.

Key words: national politics, nationalism, ethnic separatism, federalism, post-imperial transit.

В.В. Варсонофьев

Теория и методология формирования национальной идеологии русской армии начала XX века

Ключевые слова: механизмы формирования национальной идеологии; национально-психологических особенности; патриотизм; цели войны и народ; разнородность армии; разноречивость, разность веры и сплоченность войск; национальный дух; антипатриотизм; нравственная энергия военнослужащих; национальная психология; политические аспекты национальной идеологии; гибкость механизмов национальной идеологии; механизм межнационального сближения; причинно-следственные связи национальной идеологии и деградации армии; учет культуры и искусства.

Ю. А. Демьяненко

Территориальные и национальные особенности государственного устройства России: классификация субъектного состава

Элементами системы территориального устройства государства, в том числе России, принято считать его территориальные единицы. В данной статье проводится политологический анализ административно-территориальных и национально-территориальных единиц федеративной России.

Ключевые слова: территориальное устройство, федерация, субъект Федерации, административно-территориальная единица, национально-территориальная единица, федеральный округ.

Ю.В. Агапов

Идеалы и типы научной рациональности в культуре образования

Идеалы и типы рациональности в культуре образования. В статье проводится анализ влияния изменений идеалов и типов рациональности в науке на культуру образовательной деятельности. Специфика классического, неклассического и постнеклассического типов рациональности существенным образом отражается в ценностных ориентациях образования, его целевых установках, мировоззренческих позициях, средствах и способах проектирования и организации образовательной практики.

Ключевые слова: культурная форма, идеалы и типы рациональности, организация научной и образовательной деятельности.

Ideals and the types of scientific rationality in the culture of education.

The article is devoted to the analysis of influence of modifications of ideals and types of rationality in science on culture of educational activity. The specificity of classical, non-classical and post non-classical types of rationality has an influence on value orientations of education, its special arrangement, worldview positions, means and methods of projection and organization of educational practice.

Key words: cultural form, ideals and types of rationality, organization of scientific and educational practice.

С.И. Крамченков

Социологический анализ современных проблем институционализации лоббизма в России

В статье на материалах социологического исследования по социально-профессиональным проблемам государственной гражданской службы Российской Федерации рассмотрены проблемы институционализации лоббизма, дана оценка современного восприятия лоббизма как социального явления в жизни российского общества и в системе взаимодействия государства и гражданского общества, выделены направления и меры по переходу российского лоббизма к цивилизованному состоянию.

Ключевые слова: лоббизм, лоббистская деятельность, процессы институционализации, развитие института лоббизма в России.

Смагина Л.А

Российский федерализм и местное самоуправление

Интерес гражданского общества к этим вопросам не случаен, как не случайно и то, что Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации назвал разграничение сфер ведения и полномочий между федеральным и региональным уровнем государственной власти и местным самоуправлением ключевой задачей сегодняшнего дня. При поиске путей решения этой задачи, как в фокусе, высветились трудности соорганизации различных реформ последних лет – от тарифной политики до адресной социальной защиты, а вечные проблемы федерализма и самоуправления приобрели политическую остроту.

Ключевые слова: федерация, федерализм, региональная политика, местное самоуправление, федерализм в современной России.

The interest of the civil society to these issues is not accidental. Besides, it is not accidental that the President of the Russian Federation, Putin, in his message to the Federal Assembly of the Russian Federation called the delineation of powers between the federal and regional level of the government and the local government a key task of the day. When looking for solutions to this problem, the co-organizational difficulties of the various reforms of recent years appeared- from the tariff policy to targeted social protection. In its turn, the eternal problems of federalism and self-acquired have come down with political sensitivity

Ю.Ю. Пескова

Социологический анализ проблем реализации кадровой политики в государственном управлении

В статье изложены результаты авторского социологического исследования, «Современные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества в области реализации кадровой политики в государственном управлении», проведенного в октябре 2012 г., приведены анализ ряда существенных проблем реализации кадровой политики в государственном управлении и полученные выводы.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, государственное управление, государственная кадровая политика, взаимодействие.

И.В. Ефремова, В.В. Янускина

Этнофедеративные аспекты трудовых отношений в досоветской России

В статье впервые в области политологии раскрываются этнофедеративные аспекты трудовых отношений в России, что обусловлено федеративным и многоэтническим характером Российского государства.

Ключевые слова: национальные особенности, этничность, федеративность, труд, трудовые отношения, трудовое законодательство, Россия.

Д.Р. Ахмедова

Деятельность руководителей по управлению персоналом государственной гражданской службы

Руководство государственным органом представляет собой процесс управления поведением других людей в интересах достижения определенной цели. Как представитель государства руководитель решает все вопросы управления персоналом, играет ведущую роль в системе этого управления. В этом смысле управление означает стимулирование людей действовать определенным образом или же следовать определенному курсу. Это вызвано такими факторами, как утвердившаяся политика организационной системы, процедуры, характеристики работы.

Центральная проблема, стоящая перед руководством государственного органа, - это выполнение определенной задачи через посредство людей. Руководители призваны обеспечивать выполнение работы посредством других людей. Об их успехах судят не по тому, что они делают сами, а по тому, как они вдохновляют на работу других. Руководители, которые учитывают только фактические возможности своих подчиненных, не получают от них ничего большего, тогда как руководители, которые учитывают потенциальные возможности своих подчиненных, способствуют их творческому росту и полному раскрытию их потенциала.

Ключевые слова: государственная служба, руководитель, кадры, управление, оценка деятельности.

The activities of the heads of the personnel management of the state civil service.

Administration of a state institution a process of controls other people's behaviour in the interests of achieving a specific goal. As a representative of the state, the head solves all the issues of personnel management, plays a leading role in the system of the management. In this sense, governance means encouraging people to act a certain way or to follow a certain course. This is caused by such factors as the established policy of the organizational systems, procedures, operational characteristics.

The Central problem facing the state Agency is performing a certain task through people. Managers are designed to ensure the implementation of the work by other people. Their successes are not judged on what they do themselves, but how they inspire the work of others. Leaders who take into account only the actual ability of their employees do not receive anything from them more, while managers, taking into account the potential foster their creative growth and realizing their potential.

Key words: the state service, head, human resources, management, evaluation of activities.

Т.А. Нигматуллина

Социально-политические особенности протестного поведения Российской молодёжи

Молодежное протестное поведение как любой элемент политической системы претерпевает изменение форм и способов проявления. Особенно в условиях кардинальных политических и социально-экономических трансформаций, которым сегодня подвержена Российская Федерация. В данной статье рассматриваются факторы, влияющие на изменения форм протестной активности российской молодежи, определяется характер традиционных и инновационных форм проявления молодежного протестного поведения в обществе.

Ключевые слова: политология, молодёжь, государственная молодёжная политика, молодёжный протест, активность.

Л.Т. Алтынбаева

Преобразование конституционного законодательства в Российской Федерации

В статье освещаются природа, факторы, виды и пределы преобразования Конституции РФ как особой формы развития современного конституционного законодательства.

Ключевые слова: конституционное право, конституция, основной закон, модернизация, факторы, критерии, эффективность.

М.Ш. Шабанов

Международный опыт по борьбе с наркоманией и распространением наркотиков

В статье обосновывается актуальность исследования международного опыта по борьбе с наркоманией и распространением наркотиков, опираясь на международные и отечественные политико-правовые документы. Исследован опыт ряда зарубежных стран по противодействию наркомании, который может более широко применяться в отечественной практике.

Ключевые слова: противодействие наркомании, международная система, наркоугроза, наркополитика, незаконный оборот наркотиков, мониторинг, законодательства.

International experience on drug abuse and drug trafficking leaning.

The article substantiates the significance of studying the international experience of fight against drug abuse and illegal drug trafficking, using international and domestic political and legal documents.

The article substantiates the significance of studying the international experience of fight against drug abuse and illegal drug trafficking, relaying on international political and legal documents. This international experience can be used in domestic practices.

Tags: fight against drug abuse, the international system, the threat of drugs, drug policy, drug trafficking, monitoring legislation.

И.Б. Байханов

Интернет, выборы и формирование электоральной культуры

Рассматриваются проблемы развития информационных технологий в соединении с технологиями электоральными. Проанализирован состав групп пользователей Интернета, соотносящихся с группами участников избирательного процесса. В статье выделены преимущества и риски электронного голосования и особенности отражения тематики выборов через Интернет-культуру.

Ключевые слова: выборы, Интернет, электронное голосование, политическая культура.

Internet, elections and the formation of electoral culture

Analyzed the problems of the development of information technologies in conjunction with the electoral technologies. The composition of the groups of Internet users are correlated with groups of participants in the electoral process. The article highlights the benefits and risks of e-voting and features of the reflection theme of elections in the Internet culture.

Keywords: election, the Internet, e-voting, the political culture.

Г.Г. Гольдин, Л.О. Терновая

Законодательство о молодежи в контексте государственной молодежной политики

На современном этапе законодательство о молодежи представлено совокупностью нормативных правовых актов, регулирующих отношения, одной из сторон которых выступает молодежь. Законодательство о молодежи развивается в контексте государственной молодежной политики, которую необходимо рассматривать в ракурсе глобальных преобразований и Концепции устойчивого развития.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, социальная политика, права молодежи, нормативный правовой акт, закон, молодежь.

Legislation on youth in the context of state youth policy

Now the legislation on youth problems is represented in legal acts regulating the relations one of the parties of which is the youth. Legislation on youth problems in the context of developing national youth policy should be considered from the perspective of global change and sustainable development.

Key words: state youth policy, social politics, youth legislation, normative act, law, young people.

А.В. Багаева

Сумерки и рассветы идеи Европы

В статье показаны мифологические, исторические, геополитические, религиозные и экономические истоки идеи Европы. Автор видит определенные циклы подъема и спада внимания теоретиков и политиков к этой идее, раскрывает особенности ускорения сменяемости этих циклов по мере приближения к современности. Это позволяет выявить новые характеристики идеи Европы.

Ключевые слова: геополитика, идея Европы, европоцентризм, ритмы истории.

Dusk and dawn of the European idea

This article shows the mythological, historical, geopolitical, religious and economic origins of the idea of Europe. The author sees certain cycles of boom and bust attention of theorists and politicians to this idea, reveals features of acceleration of the turnover of these cycles as we approach the present. This allows us to identify new characteristics of the idea of Europe.

Keywords: geopolitics, the idea of Europe, Eurocentrism, the rhythms of history.

А. Василенко

Современные тенденции развития научно-технологического сотрудничества России и ЕС

В статье раскрываются проблемы, связанные с переходом России на инновационный путь развития. Автор акцентирует внимание на возможностях финансирования науки и технологий, а также обосновывает необходимость оптимизации международного сотрудничества в высокотехнологичной сфере и особенно важного для России направления – европейского.

Ключевые слова: инновационное развитие, научно-техническая политика, финансирование науки, международное сотрудничество.

М.Ф. Магадиев

Современные тенденции глобального управления и регулирования мировыми процессами

Статья посвящена обоснованию необходимости создания системы глобального управления и регулирования, призванной обеспечить устойчивое развитие и безопасность человечества в целом. Автором рассматриваются вопросы о том, какой должна будет система глобального управления и в состоянии ли будет справиться с широким кругом проблем, стоящих в настоящее время перед мировым сообществом.

Ключевые слова: Глобализация, мировая политика, международные вызовы и угрозы, глобальное управление, глобальное регулирование.

Modern trends of the global governance and regulation of the world processes

The article is devoted to the foundation of the necessity of creating the system of global governance and regulation which is established for ensuring the sustainable development and safety of the mankind in general. The author considers the matters connected with the point which system of the global governance must be and whether the above system is able to cope with the large scope of matters which are facing the international community.

Key words: Globalization, international policy, international challenges and threats, global governance, global regulation.

Салем Мухамед Хамшо

Технологии Нано-Арт как ресурс дизайн-проектирования

Статья посвящена актуальному на сегодняшний день Нано-Арт искусству для проектирования современного визуального пространства, роли нанотехнологий и их практическому использованию в формировании жилых и общественных интерьерных пространств.

Ключевые слова: Нано-Арт, дизайн-проектирование, нанотехнологии, дизайн, реклама, модель, визуальное пространство.

Nano-art technology as a resource of design engineering

The article is devoted to date, Nano-Art Art for the design of modern visual space, the role of nanotechnology and its practical use in the formation of residential and public interior spaces.

Key words: Nano-Art, design engineering, nanotechnology, design, advertising, model, visual space.

А.В. Шипилов

Религиозная толерантность:

ислам и православие в Кыргызстане во второй половине XIX века

В статье рассматривается начальный этап формирования религиозной толерантности в Кыргызстане на примере взаимоотношений между двумя конфессиями – исламом и православием.

Ключевые слова: суннитский ислам; Русская Православная Церковь; православные обряды; веротерпимость; церковно-приходские школы; прозелитизм; диалог культур.

Е. А. Власова

Хронотопические параметры мегаполиса как этапа культурно-исторической динамики урбанистической среды

В статье автор исследует мегаполис как актуальный феномен постиндустриального этапа социально-культурной макродинамики и выделяет его в ряду других культурно-исторических форм урбанизации – полиса и города – через раскрытие особенностей их топоструктуры. В статье представлено авторское определение понятиям «разомкнутое пространство», «артефактуальные джунгли». В ходе исследования автор приходит к выводу, что динамика культурного пространства урбанистической среды происходила с логикой движения от синкретичного континуума, воплощенного в античном полисе, в сторону структурной атомарности мегаполиса.

Ключевые слова: мегаполис; хронотоп; культурная нелокальность; «разомкнутое пространство»; экстратерриториальные анклавы; артефактуальные «джунгли».

In article the megapolis is determined as a postindustrial phenomenon of so-cio-cultural macrodynamics with its own cultural space side by side with other urban forms – polis and city. The article presents the author's definition of the concepts «opened space», «artefactual jungle». During the research the author concludes that the evolution of urban cultural space occurred with the logic of the movement from antique syncretic continuum to megapolis discrete condition.

Keywords: megapolis; chronotop; cultural nonlocality; opened space; extra-territorial enclaves; artefactual jungle.

В.А. Левина

Семантический способ терминообразования в американской банковской терминосистеме

В статье рассматривается один из продуктивных для американской банковской терминологии семантический способ терминообразования. Описываются антропоморфные, природоморфные и пространственные метафоризированные банковские термины.

Ключевые слова: термин, метафоризация, метафора, семантический способ терминообразования, переосмысление.

Semantic way terminoobrazovaniya in the U.S. banking terminological

The article deals with one of the most productive semantic methods of American banking terminology building. Anthropomorphous, spatial and other metaphorically built banking terms are described.

Key words: term, metaphorization, metaphor, semantic term building method, rethinking.

Н.А. Стадильская

Прагмалингвистические принципы англоязычного бренднейминга

В статье подробно описываются прагматические принципы порождения вербальных товарных знаков в англоязычной культуре; рассматривается когнитивный процесс их восприятия.

Ключевые слова: вербальный товарный знак–прагматоним, лингвопрагматика, прагматические принципы, генезис, перцепция, бренднейминг

Pragmatic and Linguistic Features of the English Brand Naming

We investigated some linguistic and pragmatic principles of verbal brands genesis in the English-speaking culture through their cognitive perception.

Key words: verbal brand, linguistic pragmatics, pragmatic principles, genesis, perception, brand naming

Д.В. Сосновский

Современная крымская региональная идентичность: опыт и перспективы

В статье подвергаются анализу процессы формирования региональной идентичности на Крымском полуострове, а также проекты по её укреплению. Изучаются интеграционные и дезинтеграционные процессы, влияние на них внешних факторов. На основании значительного количества источников формируется представление о действующей этнополитической ситуации в Крыму, а также делаются прогнозы относительно будущего крымского регионального сообщества.

Ключевые слова: региональная идентичность, межкультурное сотрудничество, межэтническая напряжённость, регионализм, этническая структура, этносистема, крымские татары, русские, украинцы, русский мир, русская цивилизация.

Modern Crimean regional identity: experience and prospects

The article is devoted to analysis of the regional identity process in the Crimea, its forming and current projects. Author observes main integration and disintegration events and how external factors influence them. On the ground of big number of sources author describes modern ethno-political situation in Crimea and forecasts future potential development of Crimean regional community.

Key words: regional identity, intercultural cooperation, interethnic tension, regionalism, ethnical structure, ethnical system, Crimean Tatars, Russians, Ukrainians, Russian World, Russian civilization.

Е.И. Рябова

Россия-Колумбия: проникновение культур.

Посольство Колумбии во главе с г-ном Рафаэлем Франсиско Амадор Кампос активно продвигает в России различные формы культурного обмена в области литературы и музыки.

Ключевые слова: латиноамериканская музыка, Габриэль Гарсиа Маркес, Колумбия, культурный обмен.

Russia-Colombia: penetration of cultures.

The Embassy of Colombia, headed by Mr. Rafael Francisco Amador Campos is actively promoted in Russia various forms of cultural exchange in the field of literature and music.

Keywords: Latin music, Gabriel Garcia Marquez, Colombia, and cultural exchanges.

АВТОРЫ

1. **А.В. Ореховский**, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, кандидат философских наук, доцент кафедры «Политология», заместитель декана по научной работе факультета «Социальные и гуманитарные науки». E-mail: izdanie-k@list.ru
2. **В.В. Шишков**, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: fh55@mail.ru
3. **В.В. Варсонофьев**, кандидат политических наук, докторант РАНХиГС при Президенте РФ, полковник. E-mail: izdanie-k@list.ru
4. **Ю.А. Демьяненко**, кандидат социологических наук, ректор Псковского государственного университета. E-mail: sekret@pskgu.ru
5. **Ю.В. Агапов**, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой методологии управления Рязанского института развития образования. Докторант-соискатель кафедры культурологии СПбГУ. E-mail: agarov-u@mail.ru
6. **С.И. Крамченков**, кандидат социологических наук. E-mail: izdanie-k@list.ru
7. **Л.А. Смагина**, докторант кафедры национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ
8. **Ю.Ю. Пескова**, аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: izdanie-k@list.ru
9. **И.В. Ефремова**, соискатель кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: izdanie-k@list.ru
10. **В.В. Янускина**, специалист кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: izdanie-k@list.ru
11. **Д.Р. Ахмедова**, участник программы Института экономико-политического развития управления социальных программ «Город XXI век». E-mail: izdanie-k@list.ru
12. **Т.А. Нигматуллина**, директор Башкирского института социальных технологий, докторант РАНХ и ГС при Президенте РФ, кандидат исторических наук, г. Уфа vova-velc@yandex.ru
13. **Л.Т. Алтынбаева**, аспирантка кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета e-mail: darliss@mail.ru
14. **М.Ш. Шабанов**, ГБУЗ ГП № 11 ДЗМ, врач-статист, соискатель степени кандидата политических наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: maratnarkolog@mail.ru
15. **И.Б. Байханов**, кандидат политических наук, Председатель Избирательной комиссии Чеченской Республики. E-mail: istmail.67@mail.ru
16. **Г.Г. Гольдин**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и иностранных языков Российской академии адвокатуры и нотариата. E-mail: avocats@yandex.ru

17. **Л.О. Терновая**, доктор исторических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ. E-mail: 89166272569@mail.ru
18. **А.В. Багаева**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: багаева@socio.msu.ru
19. **А.И. Василенко**, аспирант Факультета национальной безопасности РАНХ и ГС
20. **М.Ф. Магадиев**, доцент кафедры социальной конфликтологии факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ. E-mail: izdanie-k@list.ru
21. **Салем Мухамед Хамшо**, Аспирант Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики» (ранее аспирант НИУ ВШЭ, но там нет диссертационного совета по искусствоведению) E-mail: salem4@mail.ru
22. **А.В. Шпилов**, кандидат культурологии.
23. **Е. А. Власова**, аспирантка кафедры теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств E-mail: eliose@yandex.ru
24. **В.А. Левина**, Аспирант Московский педагогический государственный университет vittoriauno@yahoo.com
25. **Н.А. Стадульская**, Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»
26. **Д.В. Сосновский**, аспирант кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
27. **Е.И. Рябова**, кандидат политических наук, руководитель проекта Издательства «Этносоциум».

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Объём материалов не должен превышать для аспирантов и соискателей — 6 (шесть) страниц машинописного текста, для докторантов и докторов наук — до 10 (десяти) страниц машинописного текста, шрифт 14, интервал — 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.
3. Сноски помещаются постранично, нумерация сносок должна быть сквозная, высота шрифта 8 пунктов; межстрочный интервал — одинарный.
4. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объёмом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.
5. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (как по электронной почте, так и непосредственно на носителе) и распечатанной рукописи в 2-х экземплярах.
6. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.
7. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС

НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ ПО ТЕМЕ:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
межнациональных отношений

Работы направлять по адресу:
ethnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 708 3000
Справки по тел. +7 (495) 708 3000

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭТНОСОЦИУМ» ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

- создание, регистрация, издание и продвижение СМИ по научной тематике;
- издание книг, монографий, авторефератов, учебных пособий.
- помощь и содействие в создании авторефератов и монографий.
- редакционная подготовка (литературное и техническое редактирование), дизайн и верстка статей.

Мы уже реализовали такие проекты как международное издание «Этносоциуми межнациональная культура», Альманах «Казачество», международный альманах «Военный эксперт», «История и развитие социума» и многие другие...

Они успешно издаются с постоянной периодичностью и находят своих читателей не только в нашей стране, но и за рубежом.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

Если вам необходимо издать монографию, автореферат — это будет сделано на высоком уровне, и тем тиражом, который нужен вам!

В процесс выпуска книги входят:

- редактирование;
- корректура;
- подготовка электронного макета;
- присвоение ISBN;
- присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- разработка дизайна обложки;
- печать тиража (различными способами: офсет, цифра, ризограф);
- передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- доставка готового тиража по территории РФ.

**По всем вопросам обращаться по тел. (495) 708-30-00,
E-mail: etnosocium@mail.ru, или kazak007@bk.ru.**

**Все права защищены. При использовании материала ссылка
на журнал «Этносоциум и межнациональная культура»
обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Аппарат полномочных представителей Президента РФ
- Министерства, федеральные службы и агентства РФ;
- в федеральных округах;
- Совет Безопасности РФ;
- Государственная Дума;
- Конституционный Суд РФ;
- Аппарат Правительства РФ;
- Высший Арбитражный Суд РФ

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00, факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи через Объединенный каталог «Пресса России» и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 47221

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.knigadom.com

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Т.Н. Соловьева

Корректор Ф.Э. Вайс

Дизайн и верстка Е. С. Дудкина

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60х90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 25,75